

КОСТЁР

11 НОЯБРЬ 1974

КОСТЁР

11
НОЯБРЬ
1974

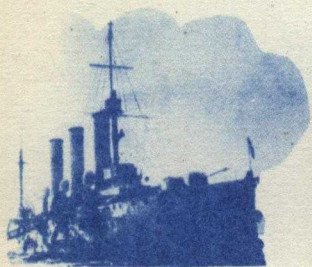
Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года
© «Костёр», 1974 г.

„Дорогая редакция! В альманахе «Прометей» я прочитал письма В. Н. Смолина к А. Г. Петрову. Смолин — это бомбардир пушки, которая дала

сигнал крейсеру «Аврора», а Петров — ленинградский следопыт. Эти письма мне очень понравились. Я тоже занимаюсь следопытской работой и очень хотел бы узнать: кто давал задание Петрову искать эту пушку? Откуда он о ней узнал? Как вел поиск? Я хотел найти Петрова сам, но никак не получается. А еще я подумал, как он сумел разыскать Смолина через столько лет...»

Коля Иванов,
Ленинградская область

ПУШКА № 5181

О бомбардире Смолине, его исторической пушке и следопытском поиске рассказывает
Александр Григорьевич Петров

Оформление Г. Никеева

«Дорогой Коля! Прочитав твоё письмо, я увидел, что основных вопросов — три.

Кто дал задание собирать материал о пушке Петропавловской крепости!

Такого задания мне никто не давал. Дело обстоит иначе. С сигнальной пушкой крепости меня связывает давняя дружба, — в детстве, до революции, я жил неподалеку от крепости, на Дивенской улице. А пушка эта тогда стреляла как и сейчас — ровно в 12 часов дня. И с мамой у меня был такой уговор: где бы я ни гулял, как пушка бабахнет, — марш на обед. Словом, это была моя пушка, я ее знал по «голосу».

Услышал я ее и вечером 25 октября 1917 года — в момент штурма Зимнего дворца. В тот вечер домой я пришел поздно: кому из мальчишек не хотелось посмотреть, что делается на Невском, на Марсовом поле, на Дворцовой? И вот, только пришел домой, слышу: подала голос Петропавловка, а вслед за ней еще выстрел, более грозный и громкий. На другой день узнал: второй выстрел был с «Авроры».

Прошел год. Я вступил в

Василий
Николаевич
Смолин,
бывший бомбардир
Петрозаводской
крепости

8 октября 1917 года

РАБОЧИЙ И СОЛДАТЪ

Органъ Петроградскаго Совета Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ

№ 12 12
№ 10 10

Сегодня, 25 Октября (7 ноября нов. ст.) 1917 года

№ 8

Сегодня открывается Всероссійскій Съездъ.

Къ Гражданамъ Россіи!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградскаго Совета Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ—Военно-Революцiоннаго Комитета, стоящаго во главѣ Петроградскаго пролетаріата и гарнизона.

Дѣло, за которое борется Временное правительство, предложеніе демократической собственности, провозглашеніе созданія—

Красную Армию, стал командиром — артиллеристом. В гражданскую и Великую Отечественную был участником многих незабываемых событий. Но память детства не давала покоя. Сколько я ни читал книг об Октябре, нигде не

Вот она, эта знаменитая 24-фунтовая, медная, образца 1867 года пушка — участница Революции

ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
СРЕДНЕГО
Московского района
ул. Галегана, 37
тел. 67-62

В октябре 1917 года

Нарышкин бастион Петропавловской крепости. Отсюда был дан пушечный сигнал „Аврора“. Пушка № 5181 — третья с края. Снимок сделан до 1914 года

Александр Григорьевич Петров — один из старейших ленинградских следопытов

находил ответа: кто стрелял тогда из сигнальной пушки Петропавловки? Кто подал сигнал о начале штурма крейсера Революции?

После службы в армии, выйдя на пенсию, я решил найти ответ на эти вопросы.

Как вы нашли Василия Николаевича Смолина?

Дело обстояло таким образом. Сначала нужно было установить, была ли в то время исправна сигнальная пушка? То, что я ее «слышал» в исторический октябрьский вечер, еще ни о чем не говорило — я мог ошибиться. Нужны были доказательства. И они нашлись. Вот одно из них:

«В среду 25 октября я встал очень поздно, когда я вышел на Невский, в Петропавловской крепости грянула сигнальная пушка».

Представляете, как я радовался, читая эти строки Джона Рида: если пушка стреляла в полдень, она могла стрелять и вечером.

После этого стал выяснять: упоминается ли сигнальная пушка в свидетельствах участников революции. Читал документы, воспоминания...

«...предписание от ВРК* — после сигнальных пушечных выстрелов с Петропавловской крепости произвести несколько холостых выстрелов...»

(из доклада комиссара крейсера «Аврора» А. В. Бельшева на заседании Бюро военных комиссаров в октябре 1917 года)

«...Уславливаюсь, что по сигнальному выстрелу Петропавловки «Аврора» даст пару холостых выстрелов...»

(из воспоминаний члена ВРК В. А. Антонова-Овсенко)

Так постепенно, день за днем поиск приближался к последнему, самому важному и трудному вопросу: как найти людей, которые производили выстрел. И тут случилось неожиданное... Прихожу однажды в Музей истории Ленинграда, а мне говорят: «Был один товарищ из Великого Устюга. Утверждает, что во время Октябрьского штурма

стрелял из сигнальной пушки. Вот его адрес...»

Так нашелся Смолин, бывший канонир — воспламенитель Петроградской отдельной крепостной артиллерийской роты, и главное — сам нашелся! Искать его в Великом Устюге я, пожалуй, и не додумался бы.

Но история, как математика, — наука точная! Для доказательств, повторяю, нужны не слова, а факты и документы.

Написал ему письмо, а сам скорее в архив: проверить, был ли в списках артиллерийской роты такой солдат? Все оказалось правильно: был!

В своих письмах Николай Васильевич подробно рассказывал о своем участии в октябрьских событиях. А главное — он сообщил, что на сигнальной пушке, из которой был дан выстрел, есть примета — вмятина на дульной части. Я сходил в Музей артиллерии и инженерных войск, где находится пушка, и убедился в справедливости слов Смолина. Рядом с вмятиной на стволе увидел и ее номер: 5181. Теперь можно заключить: сигнальная пушка Петропавловской крепости не только оповещала жителей города о точном времени. Пушка № 5181 — участница Революции!

И, наконец, последний вопрос.

Закончен ли этот поиск? Чем я сейчас занимаюсь?

Занимаюсь все тем же. Установлен ведь только один участник события. Но один человек не мог стрелять из пушки! Из воспоминаний самого Смолина и архивных документов установлено, что с ним в тот момент были Сколотнев Афанасий Яковлевич, бомбардир из запасных солдат Кадниковского уезда Вологодской губернии и канонир (заряжающий) Вилланен, финн по национальности. К сожалению, ничего больше о них узнать не удалось.

Очень интересует меня и такой факт: кто подал команду «Огонь!». Но чтобы это узнать, нужны время и... удача.

Литературная запись
В. Верховского и С. Немчина

* ВРК — Военно-революционный комитет.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Солнце греет весело,
Радугу развесило
На лесной опушке,
Видно,
для просушки.

СИНИЙ ВЕТЕР

Синий ветер утром встал,
В путь далекий побежал.
По дороге, по тропинке
По пути сметал соринки.
Забегал в дремучий лес.
А потом совсем исчез.

БОЛЬШЕВИК

Узнаёшь ты от деда,
Узнаёшь ты из книг,
Что шагал на войне
Впереди большевик.
В бой уверенно шел,
За собою ведя
Тех, кто землю сберег,
Небо, солнце, тебя.
Большевик у станка
Днем и ночью стоял,
И с завода на фронт
Танки он отправлял.
В партизанском отряде
Он в разведку ходил.
Знают все: коммунистом
Настоящим он был.

Люда Ананина, 5 класс,
г. Соликамск

Рисунки
А. Гетманского

ДОЖДИК

Дождь в окно стучал, стучал,
Но никто не открывал.
Даже форточка и та
Была крепко заперта.
Знаю, дождику обидно.
Посмотрите: слезы видно!

Боря Поцепня, 7 класс,
Брестская область

Счастливой дороги!

ЕСТЬ ТАКОЙ ГОРОД. . .

Есть ли на свете такие города, имеющие сразу три имени?

Возьмите карту железнодорожных путей страны. Повыше и немного левее Байкала, на реке Лена — кружочек, станция. Она так и называется — ЛЕНА.

Взгляните на карту речных путей, где якорьками обозначены большие и малые порты. На этом же месте прочтете — ОСЕТРОВО.

А теперь разверните обыкновенный школьный атлас. Черным по зеленому там же напечатано — УСТЬ-КУТ.

Вот и получается, что у этого сибирского города, расположенного в Иркутской области, сразу три имени. Было время — тихо и спокойно жил он со своими тремя именами, и мало кто знал о его существовании.

И вдруг о нем заговорила вся страна. Все чаще стал упоминаться город вместе со звонким комсомольским словом — БАМ.

БАМ — это Байкало-амурская железнодорожная магистраль!

Ударная комсомольская стройка пятилетки!

Я побывал в Усть-Куте и тех местах, где пройдет магистраль, незадолго до их всесоюзной известности.

БУРОВАЯ В ТАЙГЕ

Декабрь, поземка... Сделашь шаг с настила из пихтовых и кедровых стволов, на который садится вертолет, — и по пояс в снегу... А в сотне метров деловито грохочет буровая. Алмазное долото упрямо врывается в недра, в заповедные кембрийские пласты. Там, на двухкилометровой глубине, таится удивительная, почти прозрачная нефть. Высота у вышки солидная. Гляжу на нее и придерживаю шапку, чтобы не свалилась ненароком. Грозно режут дизели танковых моторов. Да, да, я не оговорился — тех самых «тридцатьчетверок», которые в Отечественную громили врага. Сегодня они опять в бою. Стране нужна нефть.

И здесь, севернее Нижней Тунгуски, трудятся ребята Ленской нефтеразведочной экспедиции.

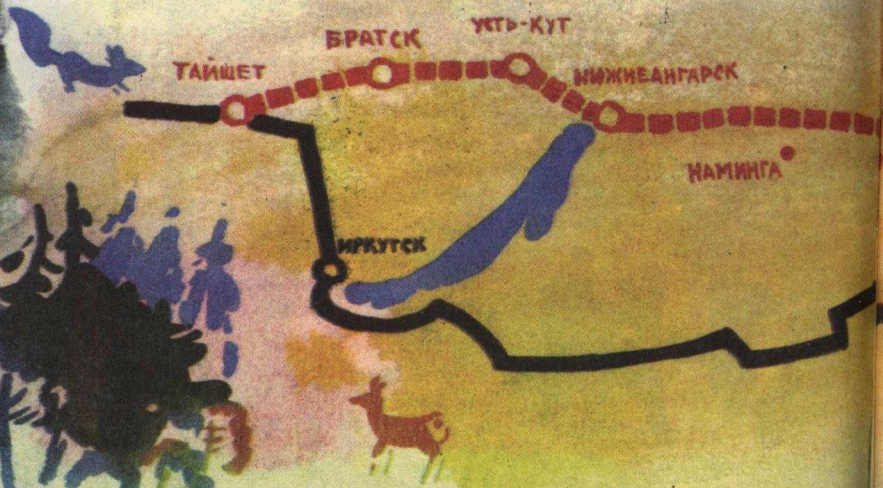
Их называют геологами. В местах, где пройдет БАМ, они появились самыми первыми, до изыскателей будущей трассы, до первых строительных отрядов.

Простукали землю геологическими молотками, встряхнули взрывами и записали сейсмографами голоса недр. И первыми сказали: «Земля здесь богатейшая!»

Но, чтобы достать ее несметные сокровища, нужна дорога! Будет она — и появятся новые города, рудники, заводы.

Мои знакомые на буровой не похожи на бородатых романтиков, которые сидят у костра и поют под гитару.

Живут они в двух бревенчатых, по-сибирски добротных домах, и повара Лена кормит их как в санатории. Показывая новую электрическую плиту, смеется: «Не в каждой городской столовой такую увидите».

Вечером, после смены, буровой мастер Коношанов объяснял мне смысл их жизни.

— ...Понимаешь, есть у нас и гитары, и песни, но не это главное. Мы сюда ехали не за туманами, как поется в песне, а за нефтью. И мы ее нашли. Романтика — это что? Это когда сердце поет от радости!

Завтра прилетит к ним «МИ-6», высадит новую бригаду, а их вернет в поселок Марково, на базу. Там их родной дом. Прямо на летном поле сутками ждут своих хозяев добродушные мохнатые лайки. Свернувшись клубочками, засыпанные снегом, спят и чутко слушают — не шумит ли вертолет?

А вертолеты в Марково летают теперь часто, много людей прибывает в поселок. И приходится собакам встречать всех подряд, чтобы не пропустить своих.

ПОЛЕТ

— Ленья, — кричу я чуть ли не над самым ухом пилота, — Ленья! Как эта речка называется?

Пилот склоняет голову, вглядываясь в мутную от поземки тайгу, где причудливо вьется белая снеговая лента. Потом вынимает из планшетки летную карту. Смотрит, пожимает плечами и тоже во все горло кричит:

— Шут его знает!.. Безымянная... Попробуй назови их все!

Как в замедленной съемке, совсем близко проплывает под нами тайга. Глухая, ни дорог, ни тропинок, ни дымка, черная от пихтача в распадках и светлая от сосен на сопках. Нехоженная, настороженная, первозданная.

Ленья снова оборачивается. Из-за шума в кабине его почти не слышно. Улавливаю только последние слова:

— Трудно здесь ребятам придется.

— Что, что?

— Трудная, говорю, земля... с характером...

Я согласно киваю головой и показываю на ракетницу и запас сигнальных ракет, которые Ленья хранит в кабине вертолета.

— По инструкции, — весело кричит Ленья, — по инструкции положено, на всякий случай, если сядем, а нас искать будут...

НАЧАЛОСЬ!

Один из дней работы XVII съезда ВЛКСМ.

В зал Кремлевского Дворца вошли и заполнили все проходы ребята в зеленых форменках бойцов комсомольско-строительных отрядов. На спинах курток — три буквы: БАМ.

Первый ударный отряд, отъезжающий на великую стройку. Зал встречал их стоя, возгласами приветствий, аплодисментами, лозунгами.

На следующий день мы провожали их на перроне вокзала.

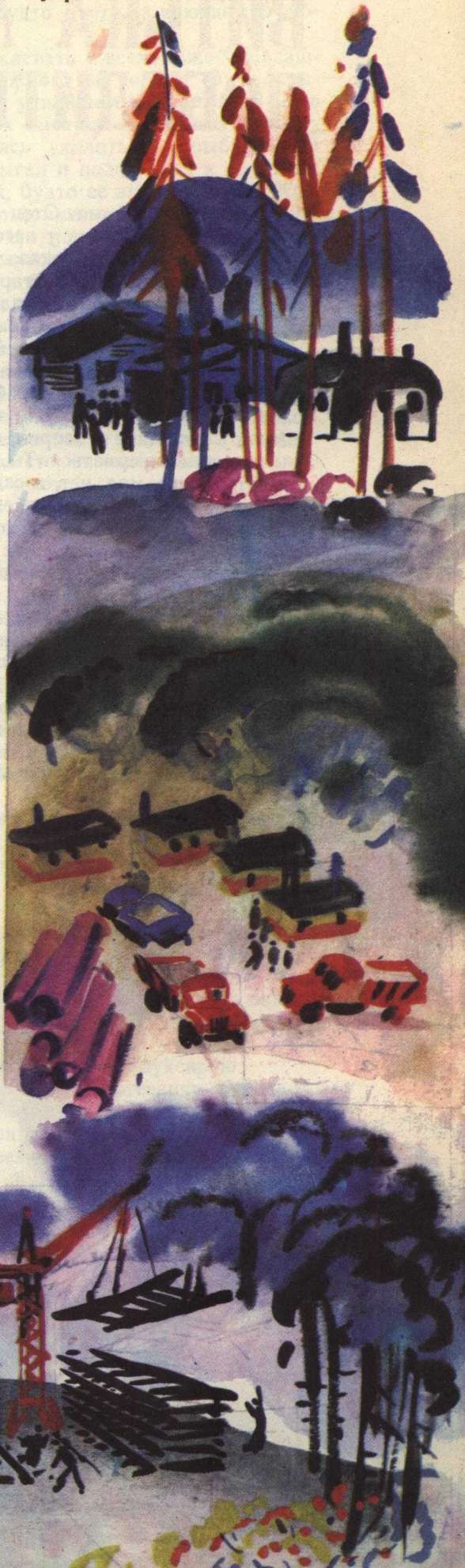
Я подошел к невысокому светловолосому парню. О многом хотелось сказать. О местах, где недавно был сам. О том, как прекрасна Сибирь. Как трудно там будет... Но все фразы, которые я заранее приготовил, показались какими-то случайными, неподходящими.

Я крепко пожал руку ему и сказал:

— Счастливой тебе дороги, друг!..

*Виктор Максимов, поэт,
делегат XVII съезда ВЛКСМ,
лауреат премии Ленинградского комсомола*

Оформление И. Латинского

ЧУЛЬМАН

ТЫНДИНСКИЙ

КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ

ХАБАРОВСК

ВИТКА МУРАШ— ПОБЕДИТЕЛЬ ВСЕХ

ПОВЕСТЬ
Юрий Тожин

Рисунки
А. Пахомова

Вышли мы из дома. Отец сел на ступеньку крыльца, закурил. Вид у него был виноватый.

— Ты вот что... — сказал отец. — Ты не очень... Людмила она постарше тебя... Гляди, скоро замуж выйдет. И наплюй ты на эти сапожки. Они ей сейчас вот как нужны! У других есть, а она их не хуже. А мы с тобой два мужика и сами знаем, что нам нужно. Обещания своего я не забыл. Тем более что ты свое слово сдержал, а я нет. Но ты, Витек, пойми: мать я в принципе уговорил, но ведь не можем мы пополам разорваться. Ты, конечно, можешь сказать, денег, мол, нет, а сами в ресторан наметились. Так вот, если хочешь знать, то вина я больше не пью. Разве что сегодня, в последний раз. Пускай будет у нас общий праздник. Мать тоже не грех немного побаловать, не все ей у плиты париться. Понял ты меня?

Я его понял. Я видел, что он переживает из-за того, что не сдержал своего слова.

Когда они уехали в Приморск, я долго ходил по пустому дому.

Я думал, почему у всех все получается просто, а у меня все время какие-то неприятности.

Дома было тихо и скучно. Мне хотелось, что-

бы зашел кто-нибудь — Колька или хоть Батон. Но никто не приходил. Тогда я снова обиделся и решил: даже если придут, никого не пущу.

НЕТ, ЭТО НЕ РЫБАЛКА!

Все получалось не так, как я думал. Ведь мы с Колькой собирались на дальние острова и, может быть, добраться до Мощного. У него весь берег зарос камышом, а в этом камыше миллион шук. Но куда мы могли поплыть с этой командой? Да и зачем им дальние острова? Разве только Батон соображал немного в этом деле. А Илларион сидел в своих новеньких сапогах, в новенькой курточке, около него лежала новенькая удочка; был он весь такой, будто его вынули из магазинной витрины. Таких рыбаков в книжках рисуют, а как они ловят, я давно знаю.

Ну, про Наташку и говорить нечего. Она все время вертела головой, ахала и болтала всякие глупости.

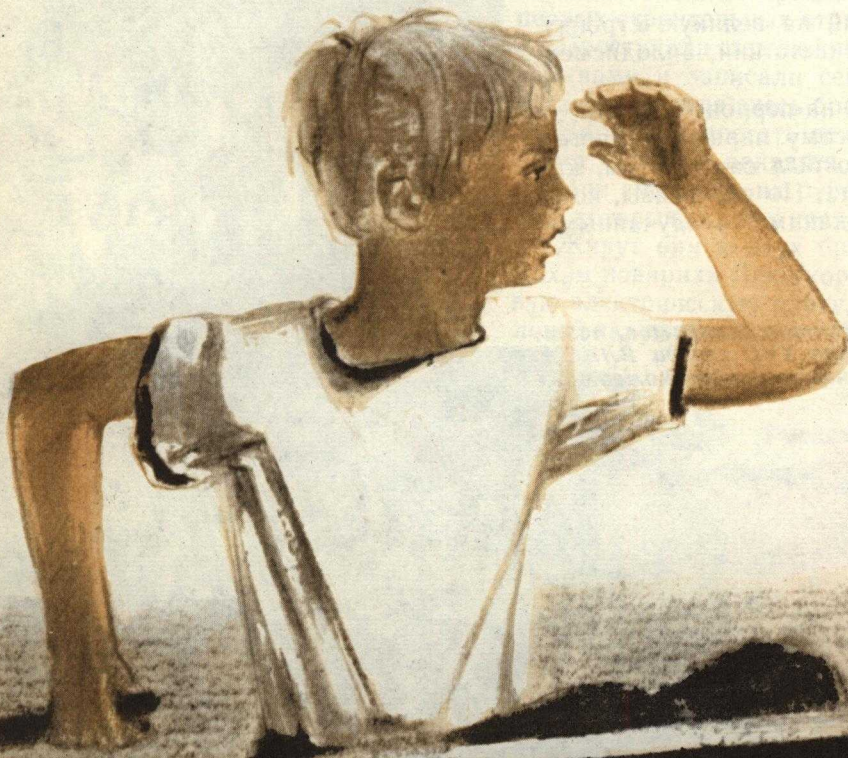
— Ой, какое море прозрачное!

— Ой, какое солнце сегодня теплое!

А Колька смотрел на нее так, словно она говорила умные вещи.

— Море — это вода, — сказал я. — Только

Окончание. Смотри «Костер» №№ 9—10, 1974 год.

ее очень много. А солнце — это звезда, самая обыкновенная. Чего это ты сегодня так раскухталась?

— Ты, Мурашов, скучный, как старик, — ответила Наташка. — Море — это корабли и белые паруса...

— Где ты видела паруса?

— А вот видела! Это ты ничего не видишь. Для тебя парус — просто белая тряпка.

Но я все понял. Парус тут ни при чем. При чем был я. Такой занудный, грубый, тупой Мурашов. Я ничего не смыслю в красоте. Вот что она хотела сказать этим парусом. Но это была неправда.

Один раз мы плыли с отцом с острова. Лодка была загружена сеном, а волна балла три. Брызги летели через борт. Мы оба вымокли, но тогда мне не было холодно. Мы гребли изо всех сил и старались, чтобы лодку не поставило бортом к волне. Волны накатывались какие-то желтые с белой пеной. Я честно скажу, что боялся. Все море было в барашках, все волны гнались за нами. Но это была настоящая красота, потому что было настоящее трудное дело. А тихую красоту я не люблю и ахать из-за того, что солнце круглое, не обязан.

Объяснить все это Наташке я не мог и не хотел. Раз она думает про меня так, я таким и буду.

И все-таки мне было обидно.

Лодку я поставил у края гряды. Батон опустил камень с носа, а Колька с кормы. Колька проделал все тихо, а Батон бултыхнул камень, будто с обрыва. Я ничего ему не сказал, посмотрел только, и он все понял.

— Фу, гадость какая, — сказала Наташка, когда Колька передал ей банку с червями.

Колька насадил червя на крючок.

— Ой, он шевелится!

— Лучше клевать будет, — сказал Колька.

— А почему он такой длинный?

— Откуси, — не вытерпел я.

Наташка сразу позеленела.

А я смотрел и удивлялся — до чего может дойти человек. Это я про Кольку. Он сидел рядом с Наташкой и объяснял ей, когда нужно подсекать и когда тащить. Вид у Кольки был такой, будто он ей стихи читал. Наташка кивала головой, но ничего, конечно, не понимала. Зато я теперь понимал все. Наташка не умела ни грести, ни ловить рыбу, ни играть в футбол, но она была для Кольки важнее, чем я.

Вот как все было плохо для меня в тот день. А ведь я его так ждал!

Даже первую рыбину поймал не я, а Илла-

рион. На свою игрушечную удочку он вытянул окуня. Окунь был небольшой, но Илларион обрадовался так, будто у него на крючке сто рублей висели.

Потом стало клевать у всех, даже у Наташки. Колька насаживал ей червей, снимал рыбу, а она только удищем махала. Мне было противно на них смотреть. Наташка боялась червяков, боялась уколоться о рыбу. Когда мой окунь запрыгал и подкатился к ее ногам, она заорала так, будто ее змея ужалила. Когда у нее клюнул приличный окунь, она рванула удочку так, что половина жилки вместе с поплавком и крючком осталась на дне. Будь это моя удочка, я бы Наташке голову оторвал. Но Колька даже не сказал ничего!

А потом клев прекратился сразу у всех. Так бывает, когда стая уходит.

Со стороны моря послышался звон мотора. Я увидел белую дюральку. Это мог быть только Иван Сергеевич.

Он тоже заметил нас и повернул. Не доходя до нас метров сто, он заглушил мотор, чтобы не распугать рыбу.

— Иван Сергеевич, — заорал Батон. — Плывите сюда, клюет мощно!

Дюралька на веслах подошла к нам.

— Ого! — сказал Иван Сергеевич. — Стая?

— Была стая.

На дне дюральки лежали две щуки килограмма по полтора.

— Щуки в этом году много, — сказал Иван Сергеевич. — Лови — не хочу.

— Что же вы больше не поймали?

— А зачем она мне? И эту-то кому-нибудь отдать придется. Я рыбу не люблю.

— Давайте нам, — сказал Батон.

— Берите.

Щуки полетели через борт и шлепнулись на дно нашей лодки.

— Вам хорошо на моторе, — позавидовал Батон. — Вы и к островам можете, и куда хотите.

— На моторе, конечно, лучше, — согласился Иван Сергеевич. — На моторе окуня хорошо искать. Где чайки кружатся, там малек, а где малек, там и окунь. Ну, счастливо вам ловить.

— А мы больше не будем, — сказал я.

— Тогда давайте я вас отбуксирую.

Мы подали Ивану Сергеевичу буксирный конец, и он дотянул нас до самого берега.

— Так, говоришь, лучше на моторе? — спросил Иван Сергеевич у Батона, когда мы вылезли на берег.

— Ясное дело, — сказал Батон. — У нас мотор тоже есть. Да разве отец когда даст...

— Правильно, что не дает. На моторе вы потонете.

— Ну да... Дела-то — бензин залил и пошел. Он ведь сам крутится.

— Ну, садись, поехали. Посмотрим, как он сам крутится.

Дюралька сидит мелко; они влезли в лодку у самого берега: Иван Сергеевич оттолкнулся веслом, отплыли на глубину, остановились. У берега совсем тихо, и мы слышим каждое слово.

— Давай! — говорит Иван Сергеевич.

Батон дернул за стартер раз, другой — мотор молчит.

— Бензин подкачай.

Батон взял шланг в руки и не знает, что с ним делать. А там есть такая груша резиновая, ее нужно нажать раза три-четыре.

— У нас не такой мотор, — говорит Батон. Иван Сергеевич подкачал бензин.

— Поехали?

Батон опять дернул несколько раз, сам запыхтел, а мотор молчит.

— Воздушную заслонку прикрой.

— Какую?

— Вот кнопка.

Батон нажал на кнопку одной рукой и дернул изо всех сил. Мотор откинулся в лодку и встал на стопор. Винт вылез из воды. Эти моторы так устроены, чтобы откидываться. Если за камень заденет, то винт останется целым.

— Что-то он сам не крутится, — говорит Иван Сергеевич. — Ну, а был бы ты далеко от берега. Да волна... Уже три раза бы перевернулся.

— Потому что мотор у вас такой — тут три руки нужно, а две не хватает.

Иван Сергеевич подгреб к берегу.

— Кто еще хочет? Жолудев?

— Я не умею, — отвечает Илларион.

— Мурашов?

— Можно, — говорю я.

Сел я в лодку. Отгреблись немного. Иван Сергеевич поставил лодку к берегу носом и смотрит на меня.

— Заводи.

Но эти хитрости у нас не проходят. На берег я не полезу.

— Разверните лодку, — говорю я.

— А зачем ее разворачивать? Заводи на холостых, потом вывернешь.

— Тоже можно, — говорю я и не подаю вида, что не сообразил сразу.

Я снял мотор со стопора, опустил винт в воду, еще раз подкачал бензин. Потом уперся в мотор левой рукой, нажал большим пальцем кнопку. На Ивана Сергеевича не смотрю, знаю, что все делаю правильно.

Дернул. Мотор взвыл, будто его режут.

Я сбросил обороты до самых малых, включил передний ход и вывернул мотор насколько можно вбок. Мы развернулись почти на месте.

Носом я нацелился на гряды, у которой мы раньше стояли, и стал понемногу прибавлять обороты. Лодка скользила по самому верху; нос поднялся над водой, и брызги разлетались где-то уже от самой середины, они падали далеко за кормой, там, где расходились усы пены. Мне казалось, что мы летим. Мне хотелось смеяться, но я сжал губы и внимательно смотрел вперед.

Камни приближались так быстро, будто их бросили нам навстречу.

— Ближе нельзя! — крикнул Иван Сергеевич. — Сбавь обороты!

— Пожалуйста!

Гряды я обошел на средних, а потом опять дал полный газ. Мы перли прямо на берег. Так подходят к причалу гонщики, я не раз видел по телевизору. Иван Сергеевич смотрел вперед и ко мне не поворачивался. До берега оставалось метров сто, но я не сбавлял скорости. Иван Сергеевич, не оглядываясь, протянул руку к рукоятке газа. И в ту же секунду я полностью сбросил газ. Лодка сразу осела и тихо подошла к берегу.

Это был высший класс!

— Мураш, ты даешь! — заорал Батон.

— Вот это было красиво! — сказал Илларион, и я подумал, что он все-таки парень ничего.

Наташка стояла открыв рот. Она думала, наверное, что я сейчас чуть в берег не врезался.

— Красиво... — согласился Иван Сергеевич. — Даже слишком. А почему тебя к камням потянуло? Разве чистой воды мало?

— Потому что там управлять надо, а не просто за ручку держаться.

— А если бы...

— А бы-то не было, — ответил я.

— А это, Мурашов, один раз в жизни бывает, — сказал Иван Сергеевич. — Ты знаешь: есть три стадии в жизни рулевого. Первая — он ничего не умеет и всего боится. Вторая — он кое-что умеет и ничего не боится. Третья — он умеет все, но управляет осторожно. Почти все аварии случаются во второй стадии. Ты в ней как раз и находишься. Но я думаю, со временем из тебя рулевой получится.

— Со временем... — сказал я. — С каким временем? Нам все обещают. Я ведь сейчас живу, а не в будущем. А сейчас нам не то что мотор, лодку не доверяют.

— У вас же есть лодка.

— Это пока. А начнется всякое там сено, грибы, или ягоды, или охота... Тогда лодки не увидишь.

— Да... — сказал Иван Сергеевич. — С родителями, конечно, не поспоришь.

— Почему? — возразил я. — Спорить можно. Только бесполезно.

— И это верно, — согласился Иван Сергеевич. — А жалко... Не у всех есть море. Между прочим, камышовские вас опять вызывают.

— В футбол, что ли?

— Нет. По гребле. Говорят — на километр сто метров фору дают.

— Нам?! — заорал Батон.

Я смотрю на директора и думаю — опять он хитрит. Нам говорит про камышовских, а им, наверное, про нас сказал, что мы их вызываем.

Он видит, что я на него так смотрю, сразу сообразил.

— Нет, Мурашов, на этот раз не так. Камышовские все хоккей позабыть не могут. А вот по гребле они не сомневаются: сто метров форы на километр.

— Это еще неизвестно, — сказал Колька.

Директор посмотрел почему-то на меня и спросил:

— Может быть, и в самом деле неизвестно, Мурашов?

— У них — лодки, — сказал я, — а у нас — бревна, только что не тонут, а хода нет никого.

— Это дело поправимое. Идемте.

— Куда?

— Ко мне. Есть один разговор.

КАТАМАРАН

Дома у директора мне понравилось, потому что там было пусто.

У директора были только лавка, два стула, стол, кровать — наверное, от старого хозяина осталось. Новые были только полки с книгами во всю стену, как в библиотеке. А на других стенах висели карты и фотографии. На всех фотографиях была снята одна женщина, но по-разному: и просто так, и верхом на коне, и около вертолета, и возле костра с чашкой и ложкой в руках.

Иван Сергеевич придвинул к столу лавку и велел нам сесть.

— Так вот, насчет лодок... — сказал он. — Я-то здесь человек новый и ничем вам помочь не могу. Но есть один знакомый...

— Какой знакомый? — спросил Батон.

— Вы его тоже знаете.

— А кто? — быстро спросил Батон.

Мы засмеялись: такой уж вид был у Батона, будто умрет он, если не узнает раньше всех.

— Сейчас он должен прийти, — сказал Иван Сергеевич.

— Ну, а кто, Иван Сергеевич, ну, кто? — за-
нял Батон.

— Зовут его Алексей Степанович, — сказал директор.

Батон задумался.

— Не знаю такого, — сказал он.

Мы тоже не знали.

На крыльце кто-то затопал, рванул дверь, и в дом ввалился Ле-
ха.

— Привет! — сказал он.

— Принес? — спросил Иван Сергеевич.

— Нашел, — сказал Ле-
ха.

— Ну, показывай.

Ле-
ха достал из кармана лист бумаги, сло-
женный в несколько раз, и развернул его на
столе.

Мы увидели цветной плакат: по синей воде
плыл белый катер: чудной какой-то катер, сде-

ланный из двух лодок, а между лодками —
площадка, а на ней — каюта с круглыми ил-
люминаторами.

На носу одной лодки стояла девушка и, при-
крыв глаза ладонью, смотрела вперед. Девуш-
ка была похожа на Наташу.

На корме другой лодки, свесив ноги за борт,
сидел парень; на меня он был непохож.

— Законная лодка, — сказал Батон. — За-
граничная, да?

— Я такую видел в киножурнале, — сказал
Илларион. — Это катамаран*.

— Крейсерский катамаран, — сказал дирек-
тор. — Ходит на моторе и под парусом. Очень
устойчив. Принимает на борт восемь—десять
человек, а ребят — человек пятнадцать.

— А где он есть, этот катамаран?

— Пока нигде. Но он может быть.

— Купите? — спросил Батон. — А когда,
Иван Сергеевич?

— Вам бы только покупать, — сказал Ле-
ха. — Сами сделаете.

— А из чего? — спросил я.

— Надо мозгами пошевелить.

— А за сколько примерно его сделать мож-
но?

— Годика полтора повкалываем.

— Через год мы уже школу кончим, — про-
тянул Батон.

— Не кончите, об этом я позабочусь, — ска-
зал Иван Сергеевич.

— Двоек наставите? — спросил Батон.

— Десятилетка у нас будет.

— А если я после восьмого уйду? — спросил
Батон.

— А если тебя капитаном назначат? — спро-
сил директор.

— Ладно, — согласился Батон. — Тогда да-
вайте. Только вы не назначите.

— А назначать не я буду, это уж вы сами.
Ваш флот, вы и хозяева.

— Какой флот? — спросил я.

— Ну, как же! Катамаран, казанка с мо-
тором, три гребные лодки, одна парусная, плот
для морского боя... Разве это не флот?

Директор смотрит на нас, видит, что мы си-
дим, как очумелые. Я хоть и давно знаю, что
он чудной — и то удивился.

— Казанку мы тоже сделаем?

— Она уже есть, — сказал Иван Сергее-
вич, — если, конечно, вы меня примете.

— И рулить дадите? — спросил Батон.

— Ну, конечно.

— Когда научишься, — сказал я.

— Это само собой разумеется, — сказал ди-
ректор. — Каждый должен пройти курсы и по-
лучить права рулевого. Это обязательно для
всех членов нашего морского клуба.

— Какого клуба? — спросил я.

— Который будет, — сказал директор. —
Вот смотрите...

Директор взял лист бумаги и начал чер-
тить.

* Катамаран — двухкорпусное судно

— Где-то примерно так располагается причал. Там наблюдательный пост и вышка. Тут сарайчик для инструмента, материала, оборудования и прочего. Вот только где бы нам взять место для лагеря?

— Какого лагеря? — снова не утерпел я.

— Палаточного, постоянного лагеря, который будет стоять рядом с причалом, — сказал директор. — Что с тобой, Мурашов, сегодня? Лагерь этот с постоянным дежурным, или точнее — вахтой. Он будет нашей базой и штабом. Отсюда мы будем ходить в походы.

Тут я спросил уже нарочно.

— В какие походы?

— А это вы его спросите, — Иван Сергеевич кивнул на Леху. — Он здешние места лучше меня знает. Так, Алексей Степанович?

Батон захихикал.

— Ты чего, Мелков?

— А не знал, что он Алексей Степанович. Я думал, он — Леха.

— Ну что ж, — сказал Иван Сергеевич, — а меня тогда зови просто Ваня.

Мы захохотали. Один Леха не засмеялся.

— Иван Сергеевич, — сказал он, — а мне начальник характеристику плохую написал — чтобы я, значит, не уходил. А шефский договор, — тут Леха заулыбался, — он позавчера подписал.

— Ну и ладно, — сказал Иван Сергеевич. — Мы ведь с тобой будем работать, а не с характеристикой. Давайте лучше подумаем, где палатки поставить.

— Чего ставить? — спросил я. — Палаток-то нет.

Иван Сергеевич положил карандаш на стол и почесал подбородок.

— Виноват, — сказал он, — кажется, я немного увлекся. Палаток, действительно, пока нет.

Я сижу и чувствую, что голова у меня начинает гудеть. Развесил уши насчет катамаранов, лодок и морского клуба. У нас же не только палаток, у нас пока ничего нет.

И вдруг Наташка говорит:

— Иван Сергеевич, а сколько палатки стоят?

— По сорок три рубля.

— У нас же деньги заработаны, вы сами говорили. Их сейчас нельзя получить?

— Насчет этих денег я не знаю, — нахмурился директор. — Деньги ваши, может, не все согласны их на палатки тратить.

— За девочек я ручаюсь, — сказала Наташка.

— А за нас и ручаться не надо, — сказал я. — И так ясно.

— Ну, а я тогда за директора совхоза ручаюсь, — сказал Иван Сергеевич. — Это вы хорошо придумали, как деньги истратить. Вот только с лодками у нас пока дело неважное. Лодки надо иметь свои, чтобы вы могли брать их в любое время.

— Лодки можно сделать, — сказал Колька.

— Думаешь, справимся? — засомневался директор.

Я сидел и видел, что директор наш опять начинает чудить. Только что уговаривал строить этот катамаран, а теперь сомневается насчет лодок.

— Тогда как же мы с катамараном справимся? — спросил я.

Директор засмеялся.

— А Мурашов прав. Какой может быть катамаран, если мы лодки не осилим. Тем более что столярное дело у нас всегда было на высоте. Вот если бы Евдокимыча уговорить, чтобы он руководить взялся... Ну, это я беру на себя. Теперь как будто все ясно. Осталось только название придумать нашему клубу.

— Чего называть, если еще нет ничего, — сказал я.

— Мурашову всегда все нужно испортить, — сказала Наташка. — Неправда, что ничего нет. У нас уже есть мечта. Давайте так и назовем — «Мечта».

— Вот ты и плавай на мечте, — сказала я, — а я лучше буду на лодке плавать.

Илларион — лучший друг и любимец девочек — вступился, конечно, за Наташку.

— Название неплохое, — сказал он. — А можно еще «Альбатрос». Это морская птица.

Батон заерзал на лавке и захихикал.

— Ты что скажешь, Мелков? — спросил Иван Сергеевич.

— Лучше всего назвать «Евдокимыч», — ответил Батон. — Тогда Евдокимыч нам все сделает за неделю.

— Да ты у нас дипломат, — усмехнулся Иван Сергеевич. — А ты, Стукалов, что скажешь?

— Можно «Мечта», — сказал Колька.

Я посмотрел на Кольку и засмеялся безжалоственным смехом.

И тут я увидел, что Колька краснеет. Раньше я никогда такого не замечал, а может, он краснеть научился только в этом году.

— Мурашов! — сказал Иван Сергеевич. — Между прочим, твоего предложения никто пока не слышал.

— Тут и думать нечего. «Катамаран!»

— Не так и плохо, — согласился Иван Сергеевич. — Давайте сделаем это слово паролем. Все приказы и поручения под паролем «катамаран» выполняются безоговорочно и в первую очередь. Согласны?

— Гут, — сказал Батон. — Зер гут*, Иван Сергеевич.

Директор засмеялся.

А ЗАЧЕМ МНЕ ЭТА ЛЮБОВЬ?

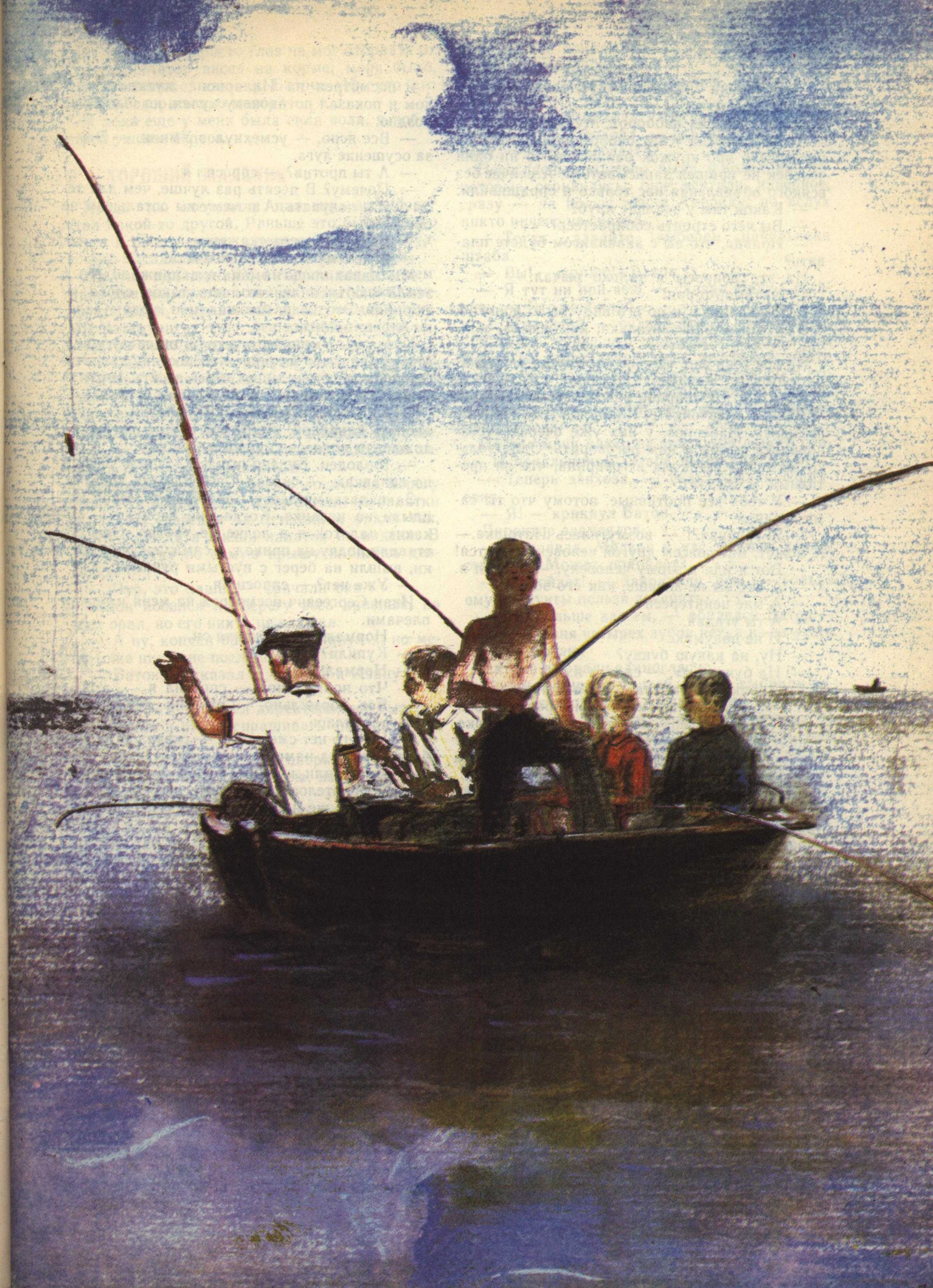
Иван Сергеевич посоветовал нам про клуб помалкивать и вообще держать все в секрете.

Я спросил его:

— А зачем?

— Чтобы побольше ребят собрать.

* Зер гут — очень хорошо (нем.).

— Если они знать не будут, так и не придут, — сказал я.

— Все как раз наоборот, Мурашов.

И точно. Когда у нас около школы объявление висело про кружок баянистов, то ни один человек не пришел записываться. А сейчас без всякого объявления нас только и спрашивали:

— Какой там у вас еще клуб?

— Вы чего строить собираетесь?

— Правда, что вы с аквалангом будете плавать?

На эти вопросы я только рычал:

— Катамар-р-ран!

Батон хихикал, и по его виду было понятно, что он что-то знает. Колька, как всегда, молчал.

Но все-таки мне непонятно, откуда они узнали. Могла, конечно, Наташка распустить язык, а мог и Илларион рассказать девчонкам.

Нашим девчонкам Илларион все больше нравился. Наверное, у них уже очередь установилась, чтобы с ним поговорить. Одна только Наташка фыркала и говорила, что он противный. Я сказал:

— У тебя все противные, потому что ты сама вредная.

— Я вредная?! — возмутилась Наташка. — А может, мне совсем другой человек нравится!

— Вот и иди к этому человеку, — сказал я.

— А вот ты не знаешь, как его зовут.

— А мне неинтересно.

— А ты угадай.

— И не подумаю.

— Ну, на какую букву?

— На букву «ы», — сказал я.

— Дурак! — обиделась Наташка.

А я засмеялся, потому что она разозлилась.

Место для лагеря мы выбрали в бухточке, недалеко от дома директора. Там весь берег зарос молодыми соснами, домов не видно, а видно только море и острова.

Мы решили никому не говорить, пока не поставим палатки. Нам хотелось, чтобы ребята увидели все готовенькое и заплакали бы от зависти.

Но ведь глаза никому не закроешь. Все видели, что мы готовим колышки и носим на берег сено.

Первым сообразил Умник.

— Лагерь строите? — спросил он.

— Скоро узнаешь.

— Я и так знаю. Колька для палаток, а сено — под палатки. Только где вы палатки возьмете?

— Раз ты все знаешь, то догадайся.

— Школа купила? Тогда почему вы одни работаете?

— Работать любим, — сказал я.

— Нет, Мураш, — ответил Умник. — Это ты для себя стараешься. Не могу только понять, откуда у тебя палатка.

— Смотри, ребята, — сказал я. — Умник первый раз в жизни ошибся.

— Может, сказать ему? — предложил Илларион. — Его деньги тут тоже есть.

Я посмотрел на Иллариона жутким взглядом и показал потихоньку кулак, но было уже поздно.

— Все ясно, — усмехнулся Умник. — Это — за осушение луга.

— А ты против? — спросил я.

— Почему? В десять раз лучше, чем для тебя бутсы покупать. А почему вы остальным не сказали?

— Зато ты теперь скажешь.

— А почему я должен молчать?

Мы навалились на Умника, прижали его к земле и объяснили, что есть такое слово — сюрприз. Это когда неожиданно людям делают что-то приятное.

Когда мы Умника отпустили, он сразу ушел. Мы думали, что он пошел по поселку трепаться, но он вернулся минут через десять. В руках у него была книжка «Справочник туриста».

— «Место для установки палатки следует окопать канавкой, чтобы под нее не подтекала дождевая вода», — прочитал он.

— Молодец. Будешь у нас главным ученым по канавкам, — сказал я и взялся за лопату.

За палатками Иван Сергеевич с Лехой поплыли на казанке. Когда они вернулись, никаких палаток я в лодке не увидел. Они поставили лодку на прикол, а сами, засучив брюки, вышли на берег с пустыми руками.

— Уже нет? — спросил я.

Иван Сергеевич посмотрел на меня и пожал плечами.

— Нормально, — сказал он.

— Купили?

— Нормально.

— Что нормально? — спросил я.

— Все нормально, — ответил директор, и оба засмеялись.

— Ничего нет смешного, — сказал я. — Как бы теперь над нами не стали смеяться.

— Да купили, купили, — сказал директор. — Просто захотелось поговорить с тобой на твоём языке. Я же не знал, что ты его сам не понимаешь.

— А где они?

— В лодке лежат, в багажном ящике. Кто у вас легче всех встает?

— Я, — сказал Батон. — Я раньше отца встаю, а то он, как проснется, сразу начинает мне работу придумывать. Я всегда раньше удираю. Я ведь поэтому и голодный утром.

— Ну, держи ключ.

— А вас будить?

— Разве вы сами не справитесь? — сказал Иван Сергеевич. — Вы уж давайте самостоятельно. Об одном вас только прошу! На моторе без меня не выходите. Вам еще рано. Договорились?

— Я его даже пальцем не трону, — сказал Батон.

— Ты здесь не один, — ответил Иван Сергеевич и посмотрел на меня.

А я о моторе даже не думал. Мне хотелось, чтобы побыстрее наступило утро и можно было бы ставить палатки. Но когда Иван Серге-

евич ушел, то я просто глаз не мог оторвать от казанки. Мотор висел на корме; море было, как стеклышко; ключ у Батона. Ну кто его просил говорить про мотор?

И пока еще у меня была сила воли, я побыстрей ушел с берега.

Я — ХОРОШИЙ МАЛЬЧИК

Когда мы поставили палатки, весь берег стал какой-то другой. Раньше это были просто берег и просто море, а теперь стало так, будто мы высадились на необитаемый остров.

Желтые палатки прямо горели под солнцем. Часа два мы ползали вокруг них, переставляли колышки, выравнивая каждую морщинку. Мы натянули их туго, без единой складки.

Батон залез внутрь и заорал:

— Ой, я отсюда не уйду, я здесь буду жить!

Внутри было светло и чисто. На боковых стенках — кармашки, на задних — маленькие окна, затянутые марлей от комаров.

Мы посидели понемногу в каждой палатке, но долго усидеть не могли, потому что всем хотелось что-нибудь делать еще.

Когда я привел к лагерю лодку, на берегу было уже полно ребят. Они бежали из палатки в палатку, дергали за оттяжки и орали так, будто никогда в жизни палаток не видели. В одну палатку по самую крышу набились девчонки.

— Чур, это наша! — кричали они.

Батон носился по берегу весь красный, на всех орал, но его никто не слушал.

— А ну, кончай базар! — крикнул я, но меня тоже никто не послушал.

— Батон, — сказал я. — Гони к Ивану Сергеевичу.

Когда Батон привел директора, все вылезли из палаток и стали спрашивать его, когда мы пойдем в поход.

— Давайте сядем, поговорим, — сказал Иван Сергеевич. — Я смотрю, все уже к походу готовы...

— Готовы! — закричали со всех сторон.

— На чем мы пойдем?

— На лодках!

— На каких?

— Найдем!

— Ищите, — сказал Иван Сергеевич.

Ребята помаленьку замолчали, стали соображать. Лодок, конечно, ни у кого не было. А у кого они были дома, тем все равно не дадут.

— Нам нужны свои лодки, — сказал Иван Сергеевич. — И они у нас будут. Жолудев, расскажи ребятам о наших планах.

Илларион говорил, наверное, сто часов. Особенно много расписывал он про девчонок: что у нас у всех будут одинаковые права, и что они тоже будут учиться управлять мотором и парусами. Не знаю, откуда он взял про права, но девчонкам это жутко понравилось, и в этот день они влюбились в него все до единой.

Сказал он и про катамаран. Насчет катама-

рана не все поняли, но само слово ребятам очень понравилось.

Наконец, сто часов кончились, и Илларион замолчал.

— По всему выходит, что начинать нужно с работы, а не с похода, — сказал Иван Сергеевич. — Кто не согласен?

Несогласные, конечно, были, я видел, как некоторые скривились; они мечтали, наверное, сразу — на полюс или в Америку; но вслух никто ничего не сказал.

— Тогда давайте выберем начальника штаба.

— Вы! — крикнул Батон.

— Я тут ни при чем, — сказал Иван Сергеевич. — Это ваш клуб.

— Жолудева, — сказал кто-то из девчонок.

Я точно знал, что должны выбрать меня. Никто из ребят лучше меня не гребет; никто лучше не играет в футбол; у меня рост сто семьдесят; я семь раз подтягиваюсь на перекладине и могу нырнуть под водой метров на двадцать...

Но про меня никто не сказал ни одного слова. И начальником штаба выбрали Кольку.

— Теперь завхоза, — сказал Иван Сергеевич.

— Я! — крикнул Батон.

Директор засмеялся.

— А правда, Мелков у нас человек хозяйственный. Может, подойдет?

— Подойдет! — закричали все. — Только ему продукты нельзя доверять.

— Не больше вас ем, — обиделся Батон. — Просто у меня четырех зубов нет, я из-за этого быстро глотаю.

Батона выбрали единогласно.

Потом выбирали в штаб. В него выбрали даже двух девчонок, но я туда не попал.

— А теперь давайте назначим вахтенных на сегодня, — сказал Иван Сергеевич. — С этой минуты при лагере должны постоянно дежурить два вахтенных. От ночных дежурств освобождаются те, кому дома не разрешат.

— Мурашова... — вякнул кто-то. — Он у нас самый сильный.

— Не буду, — сказал я.

— Почему? — спросил Умник. — Тебя дома не отпустят?

— Не хочу, и все!

— Мурашев, «ка-та-ма-ран»! — сказал Иван Сергеевич.

Я молчал. Директор посмотрел на меня и почесал подбородок.

— Кроме того, предлагаю назначить Мурашова командиром первой шлюпки, — сказал он.

— Которой нет? — спросил я.

— Мураш, ты же знаешь, что есть, — сказал Колька. — Ты сам пригнал. «Катамаран», Мураш!

— А кто еще вахтенный? — спросил я.

— Давай я, — предложил Батон. — Мне домой чего-то неохота сегодня.

— А мне все равно, — сказал я.

Но мне было совсем не все равно. Я решил, что отдежурю и уйду из клуба.

Я не стал дожидаться, кого они там еще выберут, и ушел домой до вечера.

Вернулся я прямо к началу вахты, к десяти часам. Принес два ватника, для себя и для Батона.

Батон сидел у палаток на каких-то досках, прикрытых толем. Больше на берегу никого не было.

— Поесть принес? — спросил Батон.

У меня с собой три куса хлеба с маслом и кусок колбасы, которые мать дала мне на дежурство. Еще я принес старый чайник, сахар и сахар.

— Подожди, чай скипятим, — сказал я.

— Нет, — ответил Батон, — чай пускай потом. Давай еду.

Пока Батон не дождет, разговаривать с ним невозможно. Я прошелся вокруг палаток, поправил растяжки. Зачем я это делал, не знаю, ведь я железно решил больше в лагерь не приходить.

— Приходил Евдокимыч?

— Притащили, — фыркнул Батон. — Чуть ли не на руках принесли. Он даже ругался.

— Ну и что?

— Будет руководить. Мы обещали его в пионеры принять.

— Опять треплешься?

— Честно, — сказал Батон. — Девчонки ему галстук повязали и стали кричать, что он сразу помолодел. Он сначала сердился, а потом стал рассказывать, какой он был в молодости. А потом говорит — забирайте доски. Эти доски специально для лодки, он их два года сушил.

Мы договорились спать по очереди.

Рядом с палаткой засвиристел сверчок. Чтобы не заснуть, я стал считать его трели, но от этого как раз стали слипаться глаза.

...И взошло солнце. В палатке все стало желтым. Батон ночью стянул с меня ватник, и сейчас мне было холодно.

Я выполз наружу. Солнце уже поднялось над соснами, и я определил время — часов семь.

Может, это смешно, но я никогда не видел такого моря и такого берега.

Обе лодки привалились друг к дружке и стояли как припаянные к воде. На моторе сидела чайка. Вода застыла ровней стекла; в ней отражалось второе небо с длинными розовыми облаками.

Я принес сушняку, разжег костер и хотел вскипятить чай. Тут я услышал, что кто-то хрюкает по песку. Я обернулся. Против солнца было видно плохо, но я разглядел, что идет какая-то девушка. Мне сразу стало неинтересно. Я встал на колени и начал раздувать костер. Слышу, она подошла и остановилась. В горло попал дым, я стал кашлять. Она засмеялась. И когда она засмеялась, я перестал кашлять и оглянулся.

Увидел Наташу.

В руке у нее было полотенце. Я почему-то подумал, что она сейчас шлепнет меня этим полотенцем. Я сел на песок и смотрел на нее снизу вверх.

— Ты здесь ночевал? — спросила она.

Я мотнул головой.

— А ты откуда?

Я молчал. Я просто не мог поверить, что она меня не узнала. Ведь я-то ее помнил. Я даже думал о ней и один раз видел во сне.

Наташа посмотрела на меня и пожала плечами.

— Все-таки ты еще не проснулся, — сказала она. — Первый раз такого туриста вижу.

— Мы не туристы, — сказал я. — Ты что, не помнишь меня?

Наташа внимательно посмотрела на меня и помотала головой.

— Нет.

— Я же у вас дома был! Ты мне еще привет передавала.

— Какой привет?

— «Привет Вите».

— А-а-а, — сказала Наташа, — кажется, вспомнила. Так ты — Витя?

— Ну да! — обрадовался я.

Наташа прищурилась и посмотрела на меня с усмешкой.

— Теперь точно вспомнила. Ты варенье любишь?

Ну, что мне было делать? Если бы мне кто другой сказал про варенье, я бы вколотил его в песок по самые уши. Я встал и пошел в кусты за сушняком.

Когда я вернулся, Наташа стояла по колено в воде и что-то разглядывала на дне.

— Сколько здесь маленьких рыб! — сказала она. — Как они называются?

Я молчал.

— У вас так хорошо... Я сегодня с шести часов хожу по берегу. Я проснулась от солнца... Я молчал.

— Витя, — спросила Наташа, — ты что, на меня обиделся?

— Нет, — буркнул я.

На этот раз Наташа засмеялась как-то хорошо, и мне расхотелось злиться. Но о чем с ней говорить, я не знал.

— Ты в какой перешел? — спросила Наташа.

— А что?

— Ничего, просто так.

— Ну, в восьмой.

— А-а-а, — сказала Наташа, — я так и думала.

Наташа вышла из воды и села на песок. Теперь она сидела, а я стоял и придумывал, что сказать еще, чтобы она не ушла.

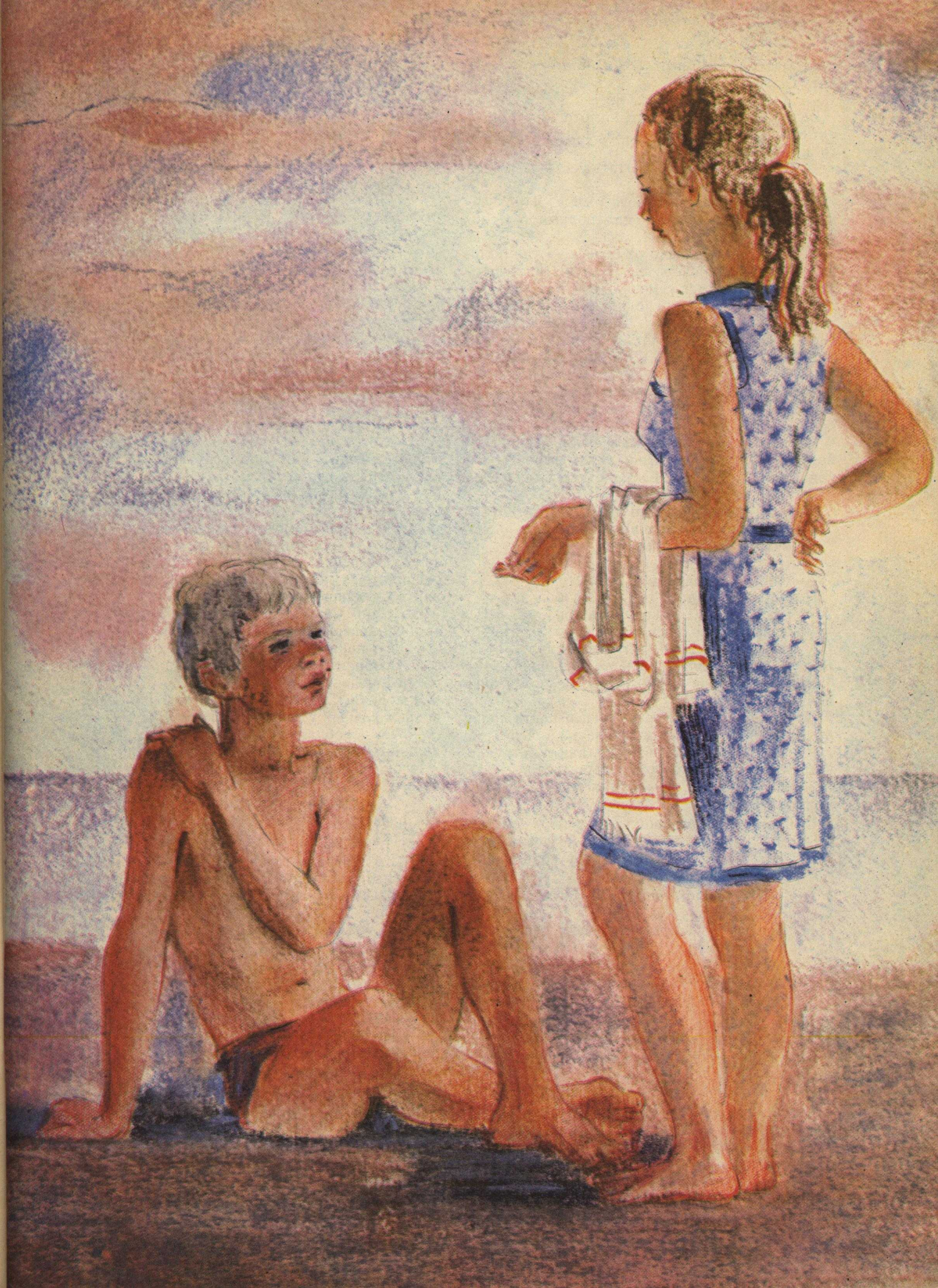
И я придумал. Знал, что нельзя этого делать, но уж очень мне хотелось ее удивить.

— Хочешь на моторе прокатиться?

— А ты умеешь? — спросила Наташа.

— Попробую.

Я подошел к палатке и за ноги выдернул от-

туда Батона. Он брыкался и не хотел открывать глаза.

— Дай ключ, — сказал я.

Батон дрыгнул ногой, намотал на голову ватник и растянулся на песке. Я вытащил у него из кармана ключ.

— Садись, — сказал я Наташе. — Держись как следует.

Мотор завелся со второго рывка. Я развернул казанку на месте и дал полный газ. Берег сразу будто прыгнул назад.

Я держался недалеко от берега — так больше чувствуется скорость. Валуны на берегу мелькали мимо, как семечки.

Наташа сидела на передней скамье. Она сложила на коленях руки и смотрела вперед. Не знаю, о чем она думала в эту минуту, но уж, наверное, не о том, что я не могу жить без ватенья.

Но главный фокус был впереди.

Выйдя из бухты, мы понеслись прямо на гряды.

Издали она казалась маленькой черной полоской, но полоска эта на глазах вырастала и поднималась над водой. Вот она распалась на отдельные камни.

Наташа повернулась ко мне.

— Там камни! — крикнула она.

Я показал на свои уши:

— Не слышу!

До гряды оставалось метров сто.

Наташа схватилась руками за борта.

— С ума сошел! — закричала она.

До гряды оставалось метров пятьдесят.

И тут я плавно и круто вывернул мотор. Лодка заскользила, сильно накренившись на борт. За кормой потянулась пенная дуга волны.

Мы промчались мимо камней и почти сразу наша волна стала их накрывать. А через секунду лодка снова шла ровно, как по струнке, и гряда начала быстро уменьшаться.

Наташа снова обернулась ко мне.

Я засмеялся.

Она покачала головой, точь-в-точь как моя мама, и улыбнулась, но как-то не очень весело. Я взглянул на берег и сразу сбавил обороты до самых малых.

На берегу рядом с Батоном стояли Иван Сергеевич и Леха.

Подожел я по высшему классу: перевел на холостые, потом дал задний ход и остановился точно у кола.

Но спасти это меня уже не могло.

— Спасибо, — сказала Наташа. — Мне домой пора.

Иван Сергеевич молча смотрел на нас. Лицо у него было не зверское, но и не очень радостное.

— Как покатались? — спросил он Наташу.

— Ой, здорово! — сказала Наташа. — Никогда даже не думала...

— Ты Жолудева? — спросил Иван Сергеевич.

— Жолудева Наташа.

— На мать очень похожа, — сказал Иван Сергеевич. — Ну, как тебе понравился рулевой?

— Какой рулевой?

— А вот этот, — Иван Сергеевич показал на меня.

— Хороший мальчик, — серьезно сказала Наташа.

Я чуть не взвыл.

Наташа попрощалась со всеми и ушла.

— Что ж, Мурашов, — сказал Иван Сергеевич, глядя Наташе вслед, — в определенном смысле я тебя понимаю...

За спиной Ивана Сергеевича Батон тарашил глаза, дергал себя за волосы, строил плаксивые рожи — показывал мне, что я должен рыдать и просить прощение. Вообще-то я мог бы и попросить. Чужие лодки, да еще моторные, без спросу брать не положено. За это от любого в поселке я получил бы по шее, да еще дома мать меня бы сто лет пилила.

Но я был уверен, что просить бесполезно, особенно если Иван Сергеевич видел мои фокусы у гряды.

— ...Но только в определенном, — сказал Иван Сергеевич. — Ты знаешь, что лодка не трактор — на тормоза не нажмешь.

«Знаю, — подумал я, — все я знаю. Знаю даже, что сейчас вы меня напополам словами распилите, а потом выгоните из клуба. Выгоняйте уж лучше сразу».

Но Иван Сергеевич больше ничего не сказал. Он повернулся и ушел с берега.

— Ну, накатался? — сказал Леха. — Рулевой! Соображаешь, что такое гряда?! Ведь ты убить мог девчонку!

Я молчал. Спорить тут было не о чем — подводных камней у гряды хватает.

— Ты соображаешь, что у тебя в руках двадцать пять лошадей?!

И опять все было правильно, и сказать — нечего.

— Был бы я не вожатый, дал бы тебе сейчас раза два, чтобы на всю жизнь запомнил.

— И так запомнил, — буркнул я.

— До завтра, — сказал Леха. — А завтра опять начнешь. Это у тебя характер такой, Мурашов, — против всех идти. Всех не победишь, Мурашов.

— Алексей Степанович, — сказал Батон подлым таким голосом, — вы его простите, он больше не будет.

— В том-то и дело, что будет.

Леха повернулся ко мне.

— Ну?

— Не буду, — сказал я.

— К мотору не прикасаться!

— Не прикоснусь. Только меня все равно Иван Сергеевич выгонит.

— Он-то не выгонит, — сказал Леха. — Теперь штаб имеется. А вот поставить тебя перед ребятами... Ты же у нас победитель всех. Вот тебе про все и вспомнят.

— Не надо, — сказал я. — Лучше сразу выгоняйте.

— Ладно, — сказал Леха, — пока воздержимся. Только учти: чуть что — я против тебя первый проголосую. А что это за девчонку ты катал? Симпатичная девчонка.

ВРАТЬ ТОЖЕ НАДО УМЕТЬ

Первую лодку мы построили за восемь дней.

Евдокимыч сказал, что он пальцем не шевельнет; мы все должны делать сами, а он будет только руководить. Но утерпеть он не мог, все время бегал от одного к другому, хватывая инструменты, кричал, что мы безрукие и лучше он все делает сам.

Сто раз на дню он говорил, что не может видеть, как мы переводим материал, что плюнет сейчас на все и уйдет. Но мы к этому давно уже привыкли. Так же он кричал на уроках столярного дела.

Мы с Колькой обстругивали доски рубанком. Еще двое ребят делали с Евдокимычем каркас лодки. Девчонки чинили старые пробковые спасательные нагрудники, которые Иван Сергеевич привез из Приморска.

Иван Сергеевич и Леха привезли из Приморска кучу всякого барахла: брезент, веревки, канаты, блоки, старую парусину, два спасательных круга. Все это надо было разобрать, почистить, покрасить.

Мы приходили на берег с утра и уходили вечером.

Те, кому не было работы на берегу, рыскали по поселку — высматривали, где можно поживиться материалом. Тут здорово поработал Батон. У него просто чутье какое-то на всякий мусор.

Например, ломали старый сарай: зацепили тросом, дернули трактором. Доски бы сожгли, а Батон тут как тут. Из этого сарая набрали досок для настилки причала.

Возле гаражей валялись старые покрышки. Батон первым сообразил, что их можно развесить по бокам причала, чтобы лодки не терлись о сваи.

Батон так старался, что даже перестарался.

Один раз он принес маленький двухлапый якорь. Все удивились, откуда он его выкопал, потому что якорь был почти новый.

— Секрет, — сказал Батон. — Тайна двух океанов.

Тайна раскрылась на другой день.

В обеденный перерыв пришел отец Батона дядя Костя. Он молча обошел вокруг палаток, отыскал якорь, присел на него и закурил. Уходить он как будто не собирался. Мы послали Умника в поселок предупредить Батона. Но Батон явился совсем с другой стороны. Он пришел по берегу и приволок здоровенный красный буй.

Я побежал к нему навстречу, но было уже поздно. Дядя Костя вышел из-за палатки.

— Иди сюда, — сказал он.

— А зачем? — спросил Батон.

— Иди, иди.

Батон подошел, заранее втянув голову в плечи. Дядя Костя врезал ему по шее.

— Тогда оставь якорь, — быстро сказал Батон.

Дядя Костя взвалил якорь на плечо и зашагал к дому.

— Ты же его бесплатно на дне нашел! — заорал Батон.

Дядя Костя даже не обернулся.

Леха был тут. Когда дядя Костя стал уходить, Леха позвал его.

— Дядя Костя, постой.

Дядя Костя обернулся.

— Я ведь тебя знаю, — сказал Леха.

— И я тебя знаю. Ну и что?

— А то, что доберусь я до твоих сетей. Ведь запрещено это.

— А ты докажи.

— Я и доказывать не буду. Найду — порежу.

— На то ты и инспектор, — согласился дядя Костя. — Вовка, а ну — домой!

— Не пойду! — ответил Батон.

— Придешь, никуда не денешься.

Дядя Костя сплюнул себе под ноги и зашагал к дому. А Батон вдруг заорал на нас:

— Ну, чего глазете! Работать надо, а не глазеть!

За восемь дней мы закончили первую лодку, построили причал, а Наташи я ни разу больше не видел. Я подумал, что, может, она приходит рано утром, как в тот раз, и просился на вахту вне очереди. Но теперь все хотели дежурить, и никто мне своей вахты не отдал. Конечно, я мог остаться на ночь и так, но мне казалось, что всем будет ясно, из-за чего я остался. А что им ясно, если мне самому не ясно?

Когда мы спустили на воду первую лодку, она помаленьку стала тонуть. Мы жутко расстроились. Но Евдокимыч только посмеивался. Он велел положить в лодку камней, чтобы она совсем затонула.

— Ей нужно замкнуть, — сказал Евдокимыч. — А вы думали тяп-ляп и поплыли? Пускай полежит недельку на дне.

— А нам что делать? — спросил Батон.

— А вы отдохните.

— А вторую можно начать? — спросил Колька.

— Досок нет, — сказал Евдокимыч. — Вот будет время, съезжу в лесхоз, может, подберу чего. А пока гуляйте.

Но просто так гулять никому не хотелось. Мы так и сказали Ивану Сергеевичу. Или пускай дает нам работу, или пойдем в поход.

— Или в поход? — спросил Иван Сергеевич. — Согласен. Вы уже давно его заслужили. Вот только лодок у нас маловато, нужно еще две.

Пришлось опять идти к Евдокимычу.

— Грабите, — сказал Евдокимыч. — Уговора такого не было.

— А вы знаете, как мы придумали нашу лодку назвать? — спросил Батон.

— Ну?
— «Евдокимыч».
— Это в честь чего?
— Потому что вы у нас главный руководи-
тель.

— Главный-то у вас Иван Сергеевич.
— Это — в школе, а на берегу — вы. Он
вроде рядового матроса. Так он нам говорил.
А вы — золотые руки.

— Знаю, что врете, — сказал Евдокимыч, —
но врете приятно. Берите, вот вам ключ.

Третью лодку мы выпросили у рыбаков.

ПОЛНЫЙ ВПЕРЕД!

Мы вышли на трех лодках. Я плыл на пе-
редней, самой большой. У меня было четыре
гребца и два пассажира — все ребята. Дев-
чонки отвоевали себе целую лодку, а команди-
ром назначили Наташку Кудрову.

— Мы вас обгоним, Мурашов, — сказала
Наташка.

— У нас не гонки, а поход, — ответил я, но
Наташка не успокоилась.

— Знаешь, Мурашов, — сказала Наташка
как-то очень грустно, — иногда я тебя просто
ненавижу. Если бы ты был получше, я могла
бы с тобой дружить.

— А зачем мне это нужно? — спросил я.

— А кого ты на казанке катал? — спроси-
ла Наташка.

— Никого.

— Не ври, я видела.

— Иди тогда всем расскажи!

— Я никому не говорила, даже девочкам.

— И Кольке не говорила?

— При чем тут Колька? — удивилась На-
ташка. — Да совсем он мне не нужен, твой Коль-
ка. Мне совсем другой человек нравится. Уга-
дай, на какую букву?

— На твердый знак, — сказал я.

Наташка перестала смеяться, и лицо у нее
сделалось злое.

— Да, — сказала она, — на твердый знак. На
самый твердый, на каменный, на железный, на
дурацкий знак.

В эту секунду скомандовали садиться в лод-
ки, и Наташка убежала.

До ближнего острова было километра четы-
ре. С берега он казался совсем рядом, но по
воде мы шлепали с полчаса, пока он стал при-
ближаться.

Острова у нас почти сплошь из камня. У бе-
регов целые каменные завалы, не везде и при-
станешь.

Мы плыли вдоль острова, пока не нашли
бухточку, а в ней пляж — маленький, как лы-
сина у Евдокимыча.

Когда стали разгружаться, ко мне подошел
Колька.

— Мураш, Батона дядя Костя не отпустил,
он без спроса удрал.

— Ну и правильно, — сказал я.

— Я не про то. Когда все будут еду склады-
вать в общую кучу, ему положить нечего.

— Поделится.

— Давай сейчас, а то ему неудобно.

— Какая разница? Все равно все общее.

— Разница есть, — сказал Колька. — Ты,
Мураш, то умный, а то совсем ничего не со-
ображаешь.

Я посмотрел на Батона. Он бегал по берегу,
помогал вытаскивать вещи из лодок, подавал
рюкзаки, но у него никаких вещей не было, да-
же удочки.

— А зачем еду раскладывать? — сказал
я. — Возьми мой рюкзак и отдай ему.

— Ты генерал, чтобы твой рюкзак носить?

— Не генерал, — сказал я, — а меня дежур-
ным оставляют у лодок. Все равно нести ко-
му-то придется.

— А-а-а... — сказал Колька.

С Колькой разговаривал я спокойно, но сам
жутко радовался. Очень редко мне удастся по-
бедить Кольку, когда мы спорим.

Колька отнес мой рюкзак Батону, и тот сра-
зу взвалил его на плечи.

Возле бухточки палатки поставить было
нельзя: сплошной ельник и камни. Ребята ра-
зобрали вещи и пошли в глубь острова.

Ко мне подошел Леха.

— Зачаль как следует лодки. Разобьем ла-
герь — тебя кто-нибудь сменит.

— Зачем чалить? Я же здесь, они никуда не
денутся.

— Спорить не будем, — сказал Леха. — Та-
кой порядок. Вам понятно, матрос Мурашов?

— Чего тут непонятного...

Леха ткнул пальцем в сторону казанки.

— Услышу мотор — все!

— Ты на меня не кричи, — сказал я. — На
матросов кричать не полагается. Ты командуй
спокойно.

Леха вздохнул.

— Витька, я просто тебя предупреждаю: ес-
ли кто из вас утонет, Ивану Сергеевичу —
тюрьма.

— Не утонет. Ты же — спасатель.

— У меня не сто глаз. — сказал Леха. —
Действуй. Возьми сапоги в казанке.

Когда Леха ушел, я надел высокие сапоги,
вытолкнул лодки на воду и заякорил так, что-
бы они не бились о дно.

В казанке лежал бинокль. Я взял его, вы-
лез на берег и присел на камень. В заливе под-
нялся небольшой ветерок, но здесь было тихо.
Я слышал стук водокачки, где-то в поселке за-
трещал пускач трактора; в заливе шел неболь-
шой буксир — его динамик на все море орал
песню про «королеву красоты», все звуки были
слышны отдельно.

Где-то далеко затарахтела моторка. Я на-
шел ее в бинокль, она шла в залив. Кто в ней
сидел, было не разобрать.

Я повесил бинокль на грудь и обошел бух-
точку. На берегу всегда можно найти что-ни-
будь интересное. Я читал, что на кораблях ма-
тросы никогда не плюют за борт. Им не запре-
щается, а просто примета такая. Но на всякий

мусор примета, наверное, не действует — валят в море все, как в помойку. После шторма на берегу полно всяких ящиков, досок, банок из-под сока, полиэтиленовых бутылок — чаще всего с иностранными надписями. Может, у иностранцев мусора больше.

Шторма давно не было. Я нашел только пару больших пенопластовых поплавков от сетей. У меня в сарае и так гора этого пенопласта, на сто лет хватит для удочек.

Когда я вернулся к лодкам, моторка была уже недалеко от нашего берега. Я глянул в бинокль и узнал дядю Костю. Он заглушил мотор и медленно греб вдоль пролива, поглядывая в мою сторону. Меня он, конечно, не видел — все-таки километр до него было.

Дядя Костя поднял руку, что-то блеснуло на солнце и плюхнулось в воду. Затем дядя Костя погреб еще медленнее.

«Ищет сети кошкой, — понял я. — Испугался, что мы в эту сторону поплыли. Наверное, запомнил Лехино обещание».

Я повернул в ту сторону, куда ушли все. Ничего не услышал, наверное, ушли далеко. Если сейчас придет Леха, то дяди-Костиным сетям — привет. Главное — сам он их показал. Леха бы еще триста лет искал эти сети кошкой по всему проливу. А мне не хотелось, чтобы пришел Леха. На сети мне наплевать! Я про Батона подумал, что тогда ему дома совсем жизни не будет.

Я снова навел бинокль на моторку и... не увидел дяди Кости. Лодка как-то странно огрузла на корму, задрала нос, мотор висел на корме, а дяди Кости не было.

Я пригляделся и увидел две руки, вцепившиеся в корму. Под кормой маячила голова в кепке. Лодка как-то странно дергалась, а голова то приподнималась над водой, то погружалась по самую кепку.

Якоря выбирать я не стал, а просто перерезал ножом веревки. Мотор был еще теплый и завелся сразу. Я дал полный газ, казанка вылетела из бухты.

Дядя Костя тонул молча. Когда я заглушил мотор, то не услышал ни звука. Только волны чмокали под кормой.

Наверное, дядя Костя совсем ослаб. Он уже не подтягивался на руках, а просто висел, вцепившись в корму. Голова его запрокинулась, ушла под воду, и только белое лицо будто отдельно плавало на поверхности. Из своей казанки я схватил дядю Костю за руку.

— Не трожь... — прохрипел он. — Нырни... отрежь сеть... за сапог зацепило.

Я стягивал сапоги, брюки, и все у меня не расстегивалось, все цеплялось...

Я плюхнулся в воду, вынырнул, схватился рукой за борт казанки, подтянулся и достал нож.

— Не запутайся... Оба утонем.

Под водой я открыл глаза и сразу их резануло, будто в них песку бросили. Видно было плохо — вода в заливе уже цвела. Я тарашил-

ся изо всех сил. Прямо перед носом увидел дяди-Костины сапоги, но тут у меня не хватило воздуха и я вынырнул.

Дядя Костя ничего уже не говорил, только булькал. Я вдохнул и снова нырнул.

На этот раз мне удалось разглядеть верхний подбор* — он зацепился за лямку сапога. И еще перед моими глазами мелькнуло рыбье брюхо, оно белело в ячее возле самой ноги.

Я ударил ножом по подбору. Ноги дяди Кости рванулись вверх.

Когда я вынырнул, дядя Костя уже закинул руки в лодку и отдыхал на воде.

— Помоги.

Я перелез в его лодку, вцепился в воротник ватника. Дядя Костя с трудом перевалился через борт. Он сел на скамью, вода лилась с него, как из бочки.

— У тебя закурить нет? — спросил дядя Костя, когда отдышался.

— Нет, — сказал я и полез в свою лодку одеваться.

Дядя Костя улыбнулся. Улыбочка у него получилась такая — как у покойника.

— Оступился я, — сказал он. — Мне бы ее выпустить, а я держу, как дурак... Она меня и сдернула. У меня на концах камешки по пуду. Спасибо, ты увидел.

Я посмотрел в сторону берега. Со стороны бухты к нам на веслах шла лодка. Можно было без бинокля понять, что там сидят Иван Сергеевич и Леха.

Дядя Костя тоже повернулся в ту сторону.

— Вы чего приплыли сюда?

— У нас поход.

— И Вовка с вами?

— С нами.

— Ну и хорошо, — сказал дядя Костя. — А ты про сетки не говори. Скажи, что, мол, просто подплыл узнать, кто да что.

Дядя Костя подергал за шнур, запустил мотор и — привет. А я, конечно, остался. Я сидел на скамье и смотрел, как быстро приближается лодка.

Леха был жутко злой. Он даже не остановился, а всадил носом казанку прямо в борт.

— Ну, Мурашов, все!

Иван Сергеевич тоже смотрел на меня, как на зверя.

— Иван Сергеевич, вы на веслах обратно дойдете? — спросил Леха. — Я его домой отвезу.

— Что случилось, Мурашов? — спросил Иван Сергеевич.

— Ничего, — ответил я.

— Тогда зачем ты поплыл? Мы услышали мотор, прибежали на берег. Думали — что-то случилось. Кто тут с тобой был?

Я молчал.

Леха дотянулся до бинокля, навел его на моторку.

— Мелков, дядя Костя, — сказал он.

* Подбор — веревка, на которую насаживается сеть.

— Зачем он тебе понадобится? — спросил Иван Сергеевич.

— Браконьерил он тут, наверное. А Мурашов ему помогал, — ответил за меня Леха.

И тут я заревел. Я сидел на скамье и ревел, как младенец, только не голосом, а просто у меня текли слезы.

— Тут что-то не просто, — сказал Иван Сергеевич. — Витя, успокойся. Ты нам объясни, мы поймем.

— Он тонул, — всхлипнул я.

— Тонул?! Дядя Костя тонул?! — удивился Леха. — С чего это?..

— У него тут сетки... Он зацепился...

Леха растерянно оглянулся. Он увидел мой нож и взял его в руки.

— Отрезал?

— Ну да.

— Чего же ты сразу не сказал?

— Ты бы их вытащил.

— И сейчас вытащу, — сказал Леха. — Витька, я перед тобой извиняюсь, но сетки я вытащу.

— А потом он на Батоне отыграется, — сказал я. — Батон-то с нами...

— Леша, может быть, мы с сетками потом разберемся, — сказал Иван Сергеевич. — Виктор Мурашов, ты на нас не сердись.

— Чего мне сердиться...

— В общем, ты хороший товарищ...

— А раньше был не хороший?

Леха засмеялся.

— Вот теперь это Мурашов. Ожил.

— Да, по-моему, он и рулевой неплохой, — сказал Иван Сергеевич. — Возьми-ка нас на буксир, Мурашов.

Иван Сергеевич кинул мне буксир. Я завязал его на корме и завел мотор.

Я сидел в казанке один. Рукоятка мотора дрожала в моей руке. Но если кто-то подумает, что в эту минуту я жутко радовался, то это не так.

Мне было и приятно, и легко, и снова хотелось реветь — все вместе.

СТАЛЕВАР

Лев Куклин

Он в куртке, жесткой, как броня,
Весь день проводит у огня.

Он варит сталь — не даром

Зовется сталеваром!

В огромной печи сталь кипит

И пышет жаром жгучим.

Она сверкает и слепит,

Как солнышко сквозь тучи.

А сталевар следит в «глазок» —

Особое оконце:

Когда наступит нужный срок,

Он выпускает солнце!

И вот из печи сталь бежит,

Бежит рекою быстрой,

Она пылает и шипит,

И рассыпает искры!

Когда остынет в формах сталь —

Любую делает деталь!

Рисунок Ю. Клыкова

„Салют, Победа!“

ДРУЖБА ЖИВА

А. Крестинский

Рисунок А. Аземши

Однажды члены клуба интернациональной дружбы рязанской школы-интерната № 1 Толя Соловьев и Гена Бирюков получили письмо из Братиславы от братьев Бахаров — Владимира (старшего) и Ивана (младшего). Братья писали, что их отец, Самуил Бахар, воевал в партизанском отряде с рязанцем Иваном Крупениным и вот уже двадцать лет не знает ничего о судьбе русского друга.

Ивана Павловича Крупенина ребята нашли довольно быстро — через горвоенкомат. Пришли к нему на работу, в проектный институт. «Иван Павлович, — говорят, — а вас из Чехословакии разыскивают». Он сначала растерялся: «Кто?» Тогда ребята протянули ему фотографию.

Долго смотрел на старую карточку Иван Павлович. Тридцать лет тому назад, в конце войны, сделан этот снимок. Трудно узнать себя в худощавом молодом человеке, что похож скорее на рабочего, чем на партизана — старый свитер, мятый пиджачишко... Эту одежду дали ему словацкие крестьяне, когда он бежал из фашистского лагеря для военнопленных...

Рассказывает Иван Павлович Крупенин:

В начале июня 1944 года во время налета американской авиации на город Брюкс я с группой военнопленных бежал из лагеря. Стали пробираться на восток. Натолкнулись

на полицейский патруль. Пришлось рассредоточиться в лесу. Преследователи меня не догнали, но и товарищей своих я уже не нашел. После этого шел только ночью, днем прятался в лесу. Под конец так ослабел, что началась галлюцинация. Помогли мне словацкие крестьяне — спрятали, откормили, а потом отвели к партизанам. Бурное было время. Спали часов по пять, не больше. Ходили в разведку, взрывали мосты, железную дорогу, сопровождали машины в Банску Быстрицу, столицу партизанского движения.

Из письма полковника Чехословацкой Народной Армии Самуила Бахара:

...Помню, как появился у нас в отряде Иван Крупенин, небольшого роста скромный человек. Перемежая русские слова со словацкими, он рассказывал о колхозах, о бесплатной учебе в школах, о том, что каждый в Советском Союзе имеет работу. Рассказывал о родной деревне, об отце, председателе колхоза. Пел русские и украинские песни. До встречи с Иваном я почти ничего не знал о жизни в СССР. Большую часть боевых операций мы провели вместе, рядом спали, ели одной ложкой... Только в том бою, о котором я хочу рассказать, Иван не участвовал — он заболел, и я устроил его на лечение неподалеку от деревни Лютов. Женщины в этой деревне хорошо

врачевали, особенно огнестрельные раны. Знаете, почему? Рядом с Лютовым были господские леса. Охотиться в них крестьянам было запрещено под страхом смерти. Но отчаянные головы все равно бродили по лесам. Случалось, господские егеря стреляли в них. Раненым приходилось скрываться не только от жандармов и лесничих, но и от врачей. Вот их и лечили жены да матери...

12 февраля 1945 года во время боя меня ранили в ногу. Товарищи помогли добраться до леса. Нас преследовали с собаками. Потом стемнело, началась метель, и товарищи потеряли меня в темноте.

На третий день рано утром (это уж я потом узнал, что на третий) я увидел деревню. С трудом добрался до дома Яна Ведея, нашего связного. Перевалился через порог и потерял сознание. Очнулся — слышу, женщины плачут, причитают: «Что с нами будет! Пропали мы, пропали...» Оказывается, за день до моего появления гестаповцы арестовали в этой деревне восемнадцать человек и пригрозили: если деревня еще раз окажет помощь партизанам — все взрослые будут расстреляны на месте, дети увезены в Германию, а дома сожжены.

«Само, — сказал мне Ян Ведей, — спрячься где-нибудь поблизости. Я сейчас приведу Крупенина и наших парней. Они придут за тобой, слышишь...»

Рассказывает Иван Павлович Крупенин:

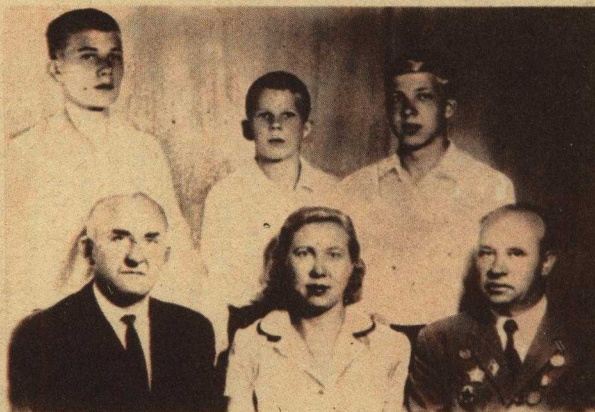
Я лежал больной в тайной землянке, в лесу. Со мной были партизаны, из местных лютовских ребят. В дозоре стоял Мишка Стругачка, приемный сын Яна Ведея. Внезапно Мишка вбежал в землянку: «Само ранен! Тяжело!» Тут уж было не до болезни. Я оделся, и мы, схватив автоматы, побежали в деревню. Прибежали — Бахара нигде нет. Всю деревню обыскали, у хозяек спрашиваем — никто не видел. Но я был уверен — он где-то рядом, не мог далеко уползти. Посмотрел внимательно, а на снегу полоса — через двор Яна Ведея к амбару... Стали мы с ребятами перекапывать солому. Наконец, Мишка кричит: «Вот он!» Вытащили из-под соломы Бахара — а он без сознания. Принесли в дом, привели женщину-лекарку, разрешили сапог... Она посмотрела — говорит: «Срочная операция». Вот задача! Враг рядом, медикаментов никаких, врачей тоже...

Первым делом выставили караулы. Спрашиваю лекарку: «Что надо?» Она говорит: «Керосину и самогону». Керосин — это вместо йода. Собирали по всей деревне, сливали понемногу из ламп, сверху, чтобы чистый был. А за самогоном пришлось одного быстроногого в соседнюю деревню посылать. Там, между прочим, немцы стояли...

Заставили мы Само целую бутылку самогону выпить — вместо наркоза. И началась операция. Трудная. Несколько раз сознание терял. Зашила она ему рану, да не иглой, а ка-

Старая партизанская фотография...
Крайний справа — Самуил Бахар.
Слева — Иван Крупенин

Самуил Бахар (слева, снизу) с сыновьями
в гостях у Ивана Крупенина.
В верхнем ряду слева направо:
Владимир Бахар, Иван Бахар
и Владимир Крупенин, сын Ивана Павловича

баньим зубом! А нить из лампового фитиля вытащили...

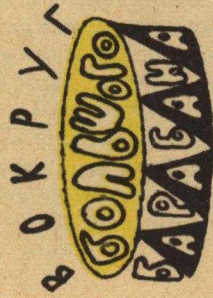
Только кончили операцию — часовой бежит: «Немец!» Я к окну. Вижу: посреди улицы вразвалку идет немецкий солдат. Автомат за плечом дулом вниз, руки в карманах... Говорю ребятам: «Возьмите его, только без шума...» Взяли. Оказался дезертир, вдобавок пьяный. Пока мы с этим немцем возились, Само на всякий случай в корыто положили, отнесли в сарай и картошкой засыпали...

Из письма полковника Самуила Бахара:

...Под вечер привели коня, меня подсадили, сзади еще товарищ сел — за спину поддерживать. Ночью приехали в горы, там у нас пещера была. У меня опять боли начались, стал бредить. Утром Иван подходит ко мне и говорит: «Крепись, Само, немцы тут неподалеку тропу протоптали — отступают...» Немного погодя опять подходит: «Не волнуйся, Само, хорошая весть: мать верные люди прячут, привет тебе шлет...»

После таких «лекарств» я спал подряд восемнадцать часов. Проснулся — Иван протягивает хлеб с колбасой. Я удивился: «Откуда?..» А Иван говорит: «Ешь, Само, поправляйся. В городе раздобыли...»

Понятно теперь, почему я одного из сыновей Иваном назвал?

Здравствуй, дорогой «Барбан»! Я пишу вам в первый раз и очень волнуюсь. С Мариной и Катей я дружу с четвертого класса. Но вот мы поссорились в марте этого года. Хочу помириться с ними, но боюсь, что они будут дразнить подлизой. А я хочу с ними дружить. Как же мне быть?

С уважением А. Вера,
г. Гурьев

Вот наш совет тебе, Вера, — рискни! Встретят тебя хорошо — значит, все в порядке, а если будут дразнить — значит, неумные они люди, в следующий раз к ним не пойдешь, а поищешь себе новых друзей.

Дорогой «Барбан»! У нас в классе есть один ученик. Богданов Женя. Учится плохо, пропускает уроки и еще курит! С ним уже много раз беседовали, даже применяли крайние меры

те все или почти все. Напротив, знаете вы, как у него дома? Хорошо ли, дружно ли? И потом — что такое «крайние меры воспитания»? Объясни, пожалуйста! Есть у вашего отряда старшие друзья, комсомольцы? Посоветуйтесь с ними и напишите мне.

Здравствуй, Почтарик! С приветом к вам Соня. Почтарик, у нас класс не дружный. Я уверена! Пионервожатая приходит в класс и говорит, чтобы лучшие ученики шли в пионерскую, а кто учится средне или дисциплина хромает — те пусть остаются в классе. Они, конечно, обижаются, и поэтому класс не дружный. Еще и так установлено: кто получит двойку — в кино не пойдут. Это тоже обижает. А насчет сборов, то они у нас бывают, но только в знаменательные даты. Но вы правы, что жаловаться на ребят легче всего, а работать в отряде гораздо труднее.

Соня Татаманова,
колхоз «Победа»
— Актюбинской области

ВЕСТИ С ПИОНЕРСКОГО МАРША

Не так давно в нашем городе на металлургическом заводе проходила пионерская плавка. Собирать металл олом для своего Череповецкого завода стало у нас традицией.

Наташа Коршунова, школа № 20
Для подшефной Налазской школы собрали библиотеку. Книги приносили все ученики нашего класса.

Наташа Дементьева, школа № 14,
Череповец

Больше всего я люблю ходить в наш Музей истории комсомола. Он носит имя Лизы Чайкиной. Мы тут часто бываем всем классом, но я люблю ходить в один. Из пионерского лагеря приехал — сразу в музей. Здесь летом тихо. Посетителей нет. Я люблю, когда тихо, — на меня все фотографии смотрят. Мне даже один раз разрешили пулемет подвигать...

Я всякие экспонаты ищу. Но ничего пока сам не нашел, только две гильзы пустые. Но я обязательно что-нибудь найду и принесу в музей, а потом стану экскурсоводом, буду про наш музей рассказывать, чтобы всем стало интересно.

Юра Новоселов, 3 класс,
интернат № 2, Калинин

Лето было дождливое. На дорогах настоящая распутица сделалась. Не то что на машине, а даже на велосипеде не проехать. Мы решили почтальйону помочь, а то он

из-за погоды почту медленно присил, ну, и устал, конечно.

А почтальон у нас старенький — дядя Коля. Мы с девочками договорились на шоссе выходить и его ожидать. Дядя Коля нам почту доставал — газеты, журналы, письма, а мы их по деревням разносили.

Почтальон нам сказал, что от нас ему была большая польза, и он нам на школу журнал детского выпустит. От имени почтового министерства.

Таня Климова, 2 класс,
Торжковский район, Калининская область

Когда собирают урожай — каждая пара рук на счету. И мы, ребята, это хорошо понимаем. Нынче в деревне много техники, и почти все деревенские ребята умеют водить трактор или комбайн. Когда наши родители отдыхают или обедают, мы работаем.

Нас охотно берут на полевые работы. И платят тоже хорошо. За механизированную уборку сена по 40 копеек с гектара. Да еще семьдесят пять процентов надбавки за работу в каникулы.

На конных граблях я проработал целый месяц, скошил 37 гектаров.

А сейчас я вожу зерно, скирдую солому. Затем будем осушать болото.

Работы много — только не ленись! Саша Воронов, 6 класс, село Ильинское,
Кимрский район Калининской области

На крейсере «Аврора» гости — пионеры из Омской области. Их школа носит имя моряка-ленинградца Юрия Романова

воспитания. Но он продолжает опять. Скажите, что с ним делать?

Павел Гребенников,
юнкер 7 класса средней школы № 1
города Оха-на-Сахалине

Спасибо за доверие, Паша, но поверь, нам не легче, а труднее разобраться в этом деле, чем вам. Мы ничего не знаем про Женю, а вы про него знаете.

Про наших взрослых

рассказывают юнкеры из Пскова

Мой дедушка был кавалеристом. Участвовал в гражданской и Отечественной войне. Он пастух в колхозе. Ему сейчас 86 лет. У него есть медали. У дедушки хороший характер.

Андрей Бедошев

Самый любимый и дорогой человек — моя бабушка. Она родилась в 1907 году неподалеку от Пушкинских Гор. Она помнит все события, которые там происходили. Бабуля строила первую школу в деревне. Вступила в колхоз и повела за собой других. Многие называют ее «мама Лиза» и любят как родную.

Рита Зарицкая

Маленький я был слабым, часто болел. А папа, несмотря на мамины возражения, всегда брал меня на озеро, в лес, и я окреп. Мы с папой и сейчас часто ездим на рыбалку, на охоту. Особенно здорово — это ночевки в устье реки Великой. Проснешься на рассвете, по берегам еще стелется туман.

Давай договоримся, Соня: попробуйте сделать в отряде хоть одно маленькое дело — интересное и полезное. И напиши о нем в «БАРАБАН». Если получишься, всем полезно будет узнать, как. Если не выйдет, то тоже интересно — почему? А просто жаловаться друг на друга — толку мало. Ты совершенно права.

ман, легко шуршат камыши, и слышится крикание уток. Садимся в лодку и едем в открытое озеро. Закинешь удочку — и вот уже первая рыбка на крючке!

Папу я люблю больше всех!
Антон Б-в

Но «Барабану» известны и другие взрослые, которых, к сожалению, никак нельзя называть «нашими»... Юнкор Вика Голубева пишет из Петропавловска:

«В нашем доме живет одна женщина. Когда мы играем во дворе, она стучит в стекло. Однажды стекло не выдержало и от ее стука разбилось. Она пошла в милицию и сказала, что это мы разбили. Нам было стыдно, что взрослый говорит неправду. А милиционер понял, что мы не виноваты...»

Стекло встали, и она про долгает стучать. Мы до сих пор не можем ей доказать, что стекло она сама разбила...

ШКОЛА ВОЖАТИКИ

отрядные вожатые спрашивают

...Класс хороший, а все-таки скучно. Надо с ними что-то провести, а что — я не могу придумать.

Таня Мартынова

...Мы не можем найти дела, чтобы их всех заинтересовать.

Римма Жукова

...В прошлом году с нами было так легко, а сейчас трудно?

Лидия Миронова

...Вова учится плохо, а любит драться.

Катя У.

...Люба и Лариса, две подружки, все сплетничают друг с другом, а от коллектива уходят.

Света Ш-ва

...Женя такой, что другие делают — то и он!

Сергей Желтков

Оформление
Г. Ковенчука

ВОЖАТИК. Посмотри внимательно рисунки слева и справа. А как у тебя в подшефном отряде? Похоже?.. А теперь задумаешься: что ты сам, вожатый отряда, знаешь и умеешь? Что любишь, чем интересуешься?

Ты, конечно, написал себе «Пионерскую правду», «Пионер» или «Костер»? И еще помни: если ты будешь ходить в свой отряд как из-под палки — ничего у тебя не выйдет. Желаем успеха! Пиши нам.

ОТМЯЙ ВОВА

Дзинь! Дзинь! Дзинь! —
Звонит звонок.

Начинается

Урок.

У ребят у всех дела —
Только Вову лень взяла.

Крышкой парты постучал,
Головою покачал,

Дернул Лену за косичку,

Начертил в тетради птичку...

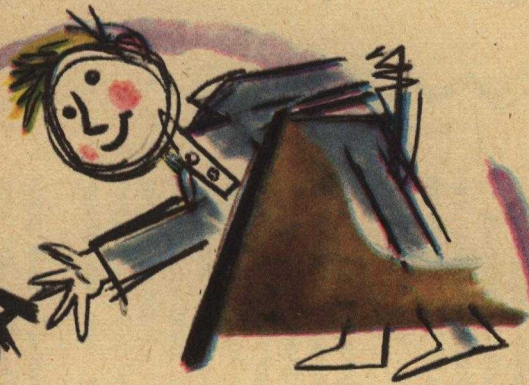
Дзинь! Дзинь! Дзинь! —

Звонит звонок.

Так лентяй

Провел урок.

Светлана Антонова, 11 лет,
Мичуринск

На большой перемене мы прогуливались по коридору одной ленинградской школы. Ребята собирались кучками и рассказывали друг другу новые истории про зайца и волка. Все смеялись. Мы спросили: «Откуда вы узнали эти истории?» Один мальчик сказал: «От Коли». — «А Коля от кого?» — «От Вовы». — «А Вова?» — «От Димы...» Мы поняли: до конца этой цепочки вряд ли доберешься! Напечатать-ка лучше две истории, подслушанные на большой перемене...

Такого и есть
честно

Заяц пришел в четвертый класс,
сел на заднюю парту. Вдруг входит
Волк.

— А ну, Заяц, выходи!

— Я не из этого класса, — сказал

Заяц, — и вообще не учусь.

— Ёфу! — сказал Волк. — Тако-

го и есть противно!

Однажды Заяц заболел. Вызвали
доктора, но по дороге доктора съел
Волк. Съел и приехал вместо него
сам. Заяц, увидев Волка, прижал
градуслик к горячей батарее, и гра-
дусник лопнул.

— Ого! — пробормотал Волк. —

Такого горячего не глотнешь.

АГИТБРИГАДА „КОЛОСОК“

Меня зовут Наташа. Я учусь в седьмом классе, живу в селе Полтавка. Если вам придется побывать у нас в районе, вы непременно встретите на дороге немало зеленой автостопной и услышите песни и смех, доносящиеся из машины. Это и есть наш «Колосок», названный так в отличие от взрослой агитбригады «Колос».

Не знаю почему, но в агитбригаде только девочки. Вот Наташа Зубалей. Ей всегда особенно долго аплодируют — уж очень хорошо поет она «Мальчишек». Оля Блинова и Валя Гриценко танцуют омскую полечку. Надя и Ира — украинский танец. Света Лында поет песню «Торжественный костер», а я читаю стихотворение «Матери».

Выступаем мы на фермах, в красных уголках, но чаще на полях станах под открытым небом. Для начала все вместе исполняем частушки...

У Андрея третий день
Продолжается мигрень.
Преопасная мигрень,
Если ей причина — лень.

...

Это пели мы любя

Про тебя и про себя.

Если ты себя узнал,

Значит, труд наш не пропал.

Некоторые говорят: «Неужели вам не надоедает ездить?»

Надоедает? Что вы! Приносим радость людям, а значит, — и себе!

Наташа Колесникова,
Омская область

Из города Белоозерска Брестской области пришла целая пачка писем. Там в Доме пионеров — клуб юнкоров. Сегодня мы печатаем фельетон юнкора Аллы Бренковиц под названием

ВЕСЕЛ, ДА НЕ ЧЕНЬ

В класс торжественно вошел Кузя. Все встретили его аплодисментами. Это же такая радость! Пришел Кузя! Он не любит ходить в школу. Но тут наше внимание привлек Сень. Он бежал между партами за девочкой, стараясь ухватить ее за косу. Та визжала, хотя ее еще не ухватили. Сенью мы называем Майская Роза. Он всегда «цветет» и любит гоняться за девочками.

В класс, пытая и обгоняя учительницу, вбежал Павлик, предвостник звонка. Но вот и звонок зазвенел и вошла учительница. Кажется, не все ее заметили. Петя дерется с Витей, Леня что-то пишет. Минут через пять все встали. Пока учительница усаживала ребят, всеобщее внимание привлек Гриша: он мяукал. Не успели отвернуться от Гриши, кто-то постучал. Учительница открыла дверь — никого. Оказалось, это Валерка постучал по парте. У него такая привычка. Для Анечки звонок с урока был приятной неожиданностью. Теперь она может убрать карманное зеркальце и пойдет любоваться на себя в большое зеркало, что стоит в школьном вестибюле.

Вообще, у нас веселые ребята. В дневниках у них, правда, не всегда весело...

ВЕСЕЛАЯ ПОЧТА

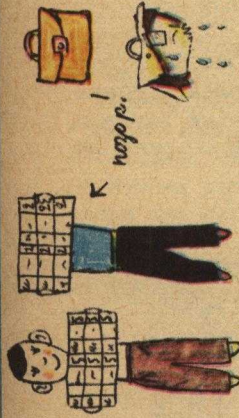
Дорогая Наташа из Кокчетавской области! В своих стихах ты заставила меня выволать из космической ракеты двоюродника Витю, который забрался туда без спросу. До сих пор мне такого делать не приходилось, и, признаюсь, я очень устал, хотя почти согласен с тобой: «Если хочешь лететь в полет — будь отличным наперед!» А почти — вот почему: надо писать не «хотишь», а «хочешь».

Утомленный Почтарин

*правдо начало
всё шло хорошо...*

Милая Марина из Ангарска! Я с интересом читал твой рассказ до тех пор, пока герои его играли в пограничников, и тому что не получалась, потому что овчарка Аракс нашла кость и «забыла про свою должность». Но когда ты стала описывать, как ребята встретили незнакомого человека с ножом и пистолетом и, конечно же, он оказался шпионом, и, конечно же, были выстрелы, и, конечно же, все кончилось благополучно — тут мне читать стало скучно, потому что я уже много раз читал похожие рассказы. А одна твоя фраза, Мариша, не выходит у меня из головы: «Правдо сначала все шло хорошо». Что это значит, а?..

Заинтригованный Почтарин

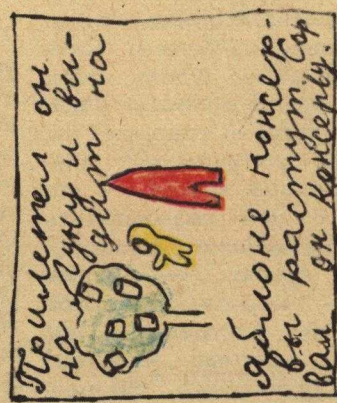

Милая Наташа, позабывшая сообщить свой адрес!

Герои твоего рассказа в картинках — Петя и Коля — вызвали у меня прямо-таки противоположные чувства. Это и понятно: Петя — двоечник, а Коля — отличник. У Пети портфель рваный и грязный, у Коли — новый и чистый. Коля смотрит на Петин портфель и вздыхает: «Ах-ах...» А Петин портфель (и вот это мне особенно понравилось!) взглянул на своего чистого друга и заплакал.

«Что делать? Что делать? — думал я. — О, идея! Пускай Коля подарит свой портфель Пете, чтоб тому стыдно стало носить двойки!»

Догадливый Почтарин

Люба Козлова из Удмуртии описала приключения Сергея Скукина на Луне. Приключения меня поразили, и знаете чем? Прилетел Сергей на Луну и видит: на яблоне консервы растут. Сорвал Сергей «консерву» и ест. Друг — от-

куда ни возьмись — чудиче. Сергей, не будь дурак, закидал его консервами. Убралось чудиче восвояси.

Много я размышлял над Любиной сказкой. Со смыслом она, ох, ребята, со смыслом! Разве СКУКИН может увидеть на Луне что-нибудь дельное?..

Задумчивый Почтарин

Зато Вера Капитонова из села Б-Уса Пермской области отравила своих героев Динку и Димку на планету Обжор. Увидев первого Обжору за делом, ребята сказали так: «Вот так люди, даже страх берет. У нас в селе и десять мужиков с этой едой не справятся...» А летают Обжоры, знаете, на чем? На сковородаках! Вот только не знаю — на горячих или на холодных. Про это Веря не написала.

Изумленный Почтарин

Капуча, Лена из Караганды! Спасибо тебе! Если б не ты, я бы никогда не узнал, что существует сатурнянский язык. Теперь я знаю, что «капуча» — это «здравствуй».

Благодарный Почтарин

Я говорю: «Папа, курить вредно?» Он говорит: «Очень». Я говорю: «А почему же ты тогда куришь?»

Славик Ст-в, Ленинград

На уроке физики учитель объяснил новую тему и говорит: «Баранов, повтори, что я сейчас сказал». А Баранов наш так привык прогуливать, что по привычке: «А я на уроке не был!»

Прислала Оля К., Брянская область

Мы в библиотеке стоим в очереди. Библиотекарьша: «Тебе, Лена, какую книгу дать?» А Пашин: «Мне дайте ту зеленую-зеленую, которую прошлый раз Витьке давали».

Саша Юрмин, Рязань

Мария Сергеевна: «Семенов, почему у тебя учебник такой рваный?» — «А я с братишкой дрался».

Дима З., Омская область

«Ваша статья о собаках помогает мне бороться, а то родители не хотят покупать мне собаку».

Ж. Т. (Из письма в редакцию)

«Мы с Гришкой большие друзья с тех пор, как воспитывались в одних яслях».

Сергея Герасова, Ярославль

РАБОЧАЯ

Крапивкин пришел более двадцати лет назад, совсем еще мальчишкой. Работая, кончил школу и техникум. Вступил в комсомол. Потом и в партию его на заводе приняли. Но это, если разобраться, не факты биографии героя, а факты биографии целого поколения.

А почему именно Николая Семеновича послали коммунисты завода своим делегатом на XXIV съезд партии?

За что он был удостоен звания Героя Социалистического Труда?

На эти вопросы я ответить не мог.

тебя учит, а вместе с тобой учишься».

Людмила Петровна Строкова, ответственная за работу транспортеров: «Мы с ним уже не первый год работаем. И ни разу я не слышала, чтобы Николай Семенович сказал: «Я сделаю. Я добьюсь». Всегда и просто в разговоре и на собраниях говорит: «Наша бригада». Кажется, мелочь. Но с этой мелочи многое начинается».

Саша Диянова, шламовщик: «Я в бригаде самая молодая. О Николае Семеновиче узнала в школе. Когда пришла в бригаду, спросил: «Саша, как у тебя с математикой?» — «А что? — спрашиваю. — Здесь, как при поступлении в институт, экзамены проводятся?» Засмеялся, а потом сказал. Строго сказал, чтобы запомнила. «Приглядишься, втянешься в работу, поймешь: хорошая бригада — это своего рода академия».

Евдокия Ивановна Бурлаченко, машинист винтовых насосов: «Гляжу на него порой и думаю: двуличный он, что ли? В отпуск идет — сама печаль на лице: как же, мол, это я без работы остался. Слово он сам для себя и не существует. Фанатик, каких свет не видел».

Когда-то давным-давно, еще в детстве, случайно услышал я и на всю жизнь запомнил рассказ о красном бойце, попавшем в плен к белым. Сняв краснозвездный шлем, боец так отвечал на вопросы палачей. «Видите, — говорил он, показывая пятикрылый значок. — Первое крыло — это Европа. В ней разместились наши ближайшие резервы. Второе крыло — Азия. Третье — Америка. Четвертое крыло звать Австралией. Там тоже есть красные. А пятое? Пятое не припомнить. Но наш политрук полка знает о пятом...»

Вспомнил же этот рассказ я потому, что шел на встречу с человеком со звездой — Николаем Семеновичем Крапивкиным.

О Николае Семеновиче я был хорошо наслышан. Работает на Новороссийском цементном заводе «Пролетарий» машинистом вращающихся печей. Он — ударник коммунистического труда. На завод

Николай Григорьевич Белоусов, помощник машиниста: «Чем силен Крапивкин? За что я его уважаю? В первую очередь, за знания. Он у нас любой механизм с закрытыми глазами отремонтирует. О свойствах цемента целый вечер может рассказывать. Цементов-то не один сорт! Много их. У каждого своя марка: 200, 300, 400, 500. Есть даже марка — 600! Чем выше марка, тем выше качества цемента. И бригадир наш, если так сравнивать, самой высокой марки...»

Мария Степановна Дударева, помощник по холодильным установкам: «С Николаем Семеновичем и легко и трудно. Трудно потому, что промашек не прощает. А легко? Легко, наверное, потому, что сам знает, когда и кому помочь надо или подсказать. И так это у него получается, словно не он

Спокоен и нетороплив бригадир Крапивкин. «Все по плану», — пожалуй, самые любимые его слова.

Но был день, когда против

АКАДЕМИЯ

этого слова, против привычного распорядка работы выступил он жестко и решительно.

В тот день, в красном уголке цеха, он сказал больше слов, чем порою говорил за целый месяц. И только голос оставался спокойным, как прежде, а желваки на скулах и глаза выдавали, предательски выдавали, что творится в душе бригадира.

Ему предстояло убедить людей в том, чего еще не было на их заводе. В возможности обслуживать бригадой не одну, а сразу две печи. И значит, наполовину сократится число обслуживающих и наполовину вырастет производительность труда. Не все поверили поначалу Крапивкину. Некоторые просто не поняли. О чем хлопочет человек? Если они и так план выполняют, рекорды даже ставят... Что же может быть лучше?

Но те, кто поверил Крапивкину, сразу же заявили:

— Не сомневайся, Семеныч! И по твоему плану выдюжим.

— Добро, — сказал бригадир. И больше ничего тогда не сказал.

Велика страна. Тысячи новостроек поднимаются на ее просторах. Много, очень много нужно стране цемента. Так какие же тут могут быть разговоры!

Впрочем, был еще случай, когда разговаривался Николай Семенович. Даже для самого себя неожиданно.

После окончания смены мы возвращались с ним вместе с заводом и увидели у проходной стайку ребят.

— Скажите, пожалуйста, как нам найти Крапивкина, — обратился к Николаю Семеновичу один из мальчишек.

Крапивкин остановился и внимательно оглядел пионеров.

— А зачем вам нужен Крапивкин?

— Мы на сбор его хотим пригласить, — вступила в разговор девочка. — Хотим встретиться с героем пятилетки.

— А зачем вам именно Крапивкин, — сказал Крапивкин. — На заводе много интересных людей.

— Но ведь так решил совет отряда, — заволновались пионеры. Это же знаменитый бригадир! Он здесь сразу на двух печах работает.

— А вы и про это слышали, — медленно произнес собеседник. — Добро. Договорились... Придет он к вам на сбор...

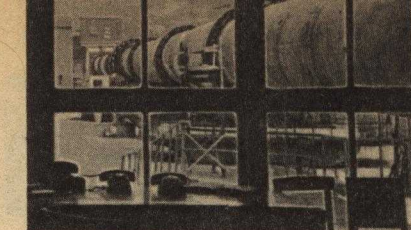
— Откуда вы знаете, что придет? Вы его уговорите?

— Да это же я и есть Крапивкин, — сказал Николай Семенович. — Раз обещал, значит, приду.

Когда ребята ушли, я спросил:

— Интересно, как и о чем вы им будете рассказывать. Из вас слово клещами не вытянешь.

— Как о чем? О чем всегда говорю! Каким должен быть в наше время рабочий человек. Вот, к примеру, каких я людей к себе в бригаду подбираю? Что для меня важно?

Во-первых, чтобы человек имел спокойный характер, никогда не останавливался на достигнутом. Равнодушных людей не терплю: поддакивают, на все соглашаются, а если приглядеться, — не горят и ни во что не верят. Понятно: с беспокойными трудней. Но дело... Дело от них выигрывает.

Во-вторых, важно, есть ли в человеке мужество. Может ли он переносить трудности? Не впадет ли в панику, когда нелегко придется...

В-третьих, хозяином должен быть. Слову своему и делу. И чтоб обязательно берег и держал на учете все на своем рабочем месте, вплоть до последней гайки.

Ну, а в-четвертых, — трудолюбие. Не любишь свою работу — каторга. А коли любишь — праздник. На всю жизнь — праздник!

Сказав это, Крапивкин как-то застеснялся. Что, мол, поделаешь, хотел — коротко, а получилось длинно.

И тут я вспомнил то, о чем думал в самом начале, еще до первой встречи с Николаем Семеновичем. О красном бойце в краснозвездном шлеме.

— А в-пятых что? — спросил я, стараясь скрыть волнение.

Крапивкин искренне удивился.

— Это же само собой понятно. Каждый из нас должен готовить себе смену, думать о ней, заботиться.

З. Шкапенюк
Оформление Н. Кошельковой

РЕЙС № 14-31-19

Была середина апреля, шли дожди, и под этим беспросветным морозящим дождем особенно нежно цвела на экранах телевизоров розовая японская сакура. Двадцать два советских туриста могли любоваться ее цветением, не покидая зала ожидания осацкого аэровокзала. Уже второй день мы томились на этом опостылевшем нам вокзале, ожидая вылета в Хиросиму. Накануне рейс отменили из-за непогоды, сегодня небо было как будто почище, повеселее, но и сегодня почему-то отправление уже три раза откладывалось.

Устроившись в черных, вытянутых через весь огромный зал синтетических креслах, люди или дремали, или, зевая, проглядывали какие-то пестрые рекламные буклеты, или бездумно смотрели через головы проходящих на играющий красками экран телевизора, на отцветающую сакуру, на Софи Лорен, говорящую почему-то по-японски, на пышущих здоровьем красавцев японцев, сияющих от созна-

ния, что и им посчастливилось бриться сверхбезопасной бритвой «Шик».

Справа, через два кресла от меня, сидела Эликó, моя жена, читала книгу о Хиросиме. До меня доносились ее частые вздохи: «Боже мой. Боже мой».

Я смотрел на бредущих красавцев и на Софи Лорен, а мысли мои тоже были там, в этом городе. Конечно, я знал, что город давно восстановлен, отстроен, живет и трудится, но представить себе, какой же он, я не мог. Представить это было трудно, как трудно представить загробную жизнь.

И тут я увидел девочку. Худенькая семилетняя синеволосая японочка в сером легоньком пальтишке стояла в трех шагах от меня и показывала моим спутникам какую-то немудреную игрушку. На двух концах довольно длинной веревки висели два деревянных шарика. Девочка взмахивала веревочкой, шары разлетались и тут же звонко сталкивались. У нее

брали веревку, пробовали столкнуть шарики, они не сталкивались. Попробовала жена моя — не вышло. Попробовал и я, и у меня не вышло. Шарики не сталкивались, а, разлетаясь в разные стороны, сразу же никли, безжизненно повисали.

— Постой, постой, как же ты это делаешь?! А ну, покажи, пожалуйста, — попросил я девочку. Девочка поняла, горделиво усмехнулась, взяла где-то за середину веревочку, легко взмахнула и: шелк! — шарики звучно ударились один о другой.

Я не мог скрыть восторга и громко захлопал в ладоши. После этого девочка от меня уже не отходила.

— Купил. Очаровал, — засмеялась жена.

Заметив, что шарики начинают мне слегка надоедать, девочка засунула их в карман пальто и попросила меня обратить внимание на ее туфельки. Я думал, что туфли у нее какие-нибудь особенные. Нет, туфли как туфли. Красивые, нарядные, но не золотые и не серебряные. И только присмотревшись, я понял, в чем дело. Не в туфлях было дело. Стройная, вытянувшаяся, как молодой бамбучек, девочка шла мимо меня по-балетному, на самых кончиках носков.

Я опять не пожалел ладоней. Раскрасневшись от удовольствия, она подошла совсем близко и, дыша мне в лицо, стала что-то быстро-быстро говорить. Из всего этого нагромождения незнакомых слов я расслышал и понял только одно: «пиано».

— Как?! — сказал я. — Ты, оказывается, играешь и на рояле? На пиано? Да? Пиано?

Двумя руками я изобразил игру на рояле.

Она обрадовалась, закивала головой, зашевелила пальцами.

— Со-дэс! Со-дэс! Пиано!

Я понял, что «со-дэс» это значит — «да».

Вдруг девочка куда-то исчезла.

— Ушла, — сказала жена. — Надоел ты ей.

Но, оказалось, нет, не надоел еще. Через минуту она появилась. Правда, на этот раз уже в некотором отдалении от наших кресел. Что же с ней случилось за это время? А случилось то, что девочка успела сбросить где-то свое пальтишко и предстала теперь перед нами в нежно-розовом, как цветущая сакура, шерстяном вязаном платье. Жена сказала, что такие платья в магазинах не продаются, скорее всего это — домашняя вязка.

Взявшись кончиками пальцев за оборку подола, девочка похаживала шагах в четырех — пяти от нас, все время при этом поглядывая в нашу сторону. Надо было, наверно, сказать ей, что хвастаться нехорошо, некрасиво. Но как я мог это сделать? Да и хвастовство ее было такое чистое, милое, детское.

Нет, я опять похлопал ей. Она подошла ближе и смотрела на меня уже совсем дружески. Такая быстрая дружба завязывается только между детьми. Или, если у взрослых, но только с детьми.

Ужасно мне хотелось поговорить с ней. Но —

как? И тут жена вспомнила, что в нашей дорожной сумке есть японо-русский разговорник. Разыскал эту маленькую желтую книжицу, стал торопливо листать ее. Но как назло все попадались какие-то нелепые, неподходящие к случаю слова и выражения: «Могу ли я отдать белье в стирку?» «Где находится магазин рыболовных принадлежностей?..» Или такие ненужные мне в эту минуту слова, как «землетрясение», «самоуправление», «эпоха междоусобных феодальных войн...»

Наконец я наткнулся на то, что мне было сейчас нужнее всего:

«Как Вас зовут?»

Перевод этой фразы на японский язык в одном столбце был напечатан японскими иероглифами, в другом — русскими буквами:

— ОНАМАЭ-ВА НАНТО ИЙМАС-КА?

Едва не сломав язык, я попробовал выговорить эти заковыристые слова. Но девочка меня поняла. Она сразу ответила:

— Эмикó.

Я удивился.

— Эмико? Тебя зовут Эмико? Смотри-ка, — сказал я жене. — Ее зовут почти как тебя.

Жена сказала девочке:

— Я — Элико, а ты — Эмико.

И показала пальцем сначала на себя, потом на нее.

Девочка вежливо, но холодно улыбнулась и кивнула.

— Спроси, где она живет, куда едет, — сказала жена.

Я стал искать. Но таких простых вопросов в разговорнике не было. Я нашел и показал ей слово «где», потом слово «дом».

Эмико, умница, сразу поняла.

— Хиросима, — сказала она.

— Хиросима?! Со-дэс?

— Со-дэс, — улыбнулась она.

— Она летит в Хиросиму, — сказал я.

— С кем же ты едешь? — спросила жена.

Я отыскал слово «мама»: окаа-сан.

— Где мама? — спросил я.

Кивком головы Эмико показала куда-то за мою спину. Я оглянулся. Людей было много. Они ходили, стояли, сидели. Эмико что-то мне сказала. Я разобрал слово «кимоно» и увидел спину и прическу женщины в сером с синеватой отделкой кимоно. Рядом с ней сидел, читая газету, синеволосый японец в европейском черном костюме. Я стал искать слово «папа», но тут над головой у нас громко и как-то побанному гулко заговорило радио. На японском, а потом на английском языке объявляли, что началась посадка на рейсовый самолет Осака — Хиросима.

Поднялась сутолока. Нас звали. В суете, пока мы собирали вещи и застегивали сумки, я не успел попрощаться с Эмико. Позже я тщетно искал ее глазами в нестройной очереди у выхода на посадку, где над головами пассажиров таинственно светились на черном табло цифры: 14-31-19. На минуту мелькнула в этой толпе женщина в сером кимоно, мать моей приятельницы, но самой Эмико я не увидел. Не было ее и в самолете, в американском «бойнге», в том белоснежном, похожем на хирургическую операционную салоне, где разместили нас, советских туристов. А потом нахлынули на меня другие впечатления, и я уже не мог больше думать ни о чем, кроме Хиросимы.

Расстояния в Японии небольшие. Не успели мы набрать высоту, не успели, кажется, пристегнуть себя ремнями к белым креслам, не успели стюардессы разнести по салонам невкус-

ные, отдающие аптекой леденцы, как впереди над дверью снова загорелся сигнал: «Не курить». Самолет шел на снижение. Внизу уже виднелись какие-то постройки, автострада и бегущие по этой автостраде муравьи-автомобильчики.

Мы с женой прильнули к окошечку иллюминатора. Сердце у меня стучало сильнее, чем обычно.

— Попробуй... зажмурься и вообрази, — сказал я.

— Представь себе, — сказала жена, — я тоже сейчас об этом подумала...

— О чем?

— О том, как два молодых человека в военной форме вот так же, как мы сейчас, подлетают к этому городу...

— Да. И у них с собой такая маленькая штучка — весом, кажется, всего в пятьсот граммов...

— А ты знаешь, что один из них потом сошел с ума?

— Нет, он не с ума сошел. Просто в нем проснулась и стала мучить его совесть.

— Но я читала, что его посадили все-таки в сумасшедший дом.

— Да. Посадили все-таки. Посмотри — уже город! Вон река... Те, кто купался там тогда, спались.

— А это что за башня? Посмотри, вон там — левее. На площади.

— Наверно, это обелиск в память погибших. Ведь тогда за одну секунду сгорело больше семидесяти тысяч человек.

— Боже мой!

Самолет уже летел над посадочной дорожкой. Под нами пружинисто стукнуло, «бойнг» приземлился, но продолжал нестись вперед, рывками замедляя бег.

С волнением, с трепетом спускались мы по трапу на эту землю. Через минуту нас уже вели каким-то широким коридором, стены которого были выложены кафелем. Старый седоголовый японец в широкой серой рубаше и в коротких широких штанах мыл щеткой эти белые стены. Шедший рядом со мной приятель сказал:

— Ручаюсь, что этот старик из тех, кто пережил трагедию.

— Похоже, — сказал я.

— Взгляни, — сказала жена. — Вон идет твоя подружка.

— Где? — оглянулся я.

— Впереди — рядом с женщиной в кимоно. Фу, да она у тебя, оказывается, плакала!

Да, Эмико плакала. Она шла, — и не шла, а тащилась, — между низкорослым синеволосым японцем в черном костюме и женщиной в сером кимоно с темно-синей подушечкой-бабочкой на спине. Шла и громко, с подвыванием редела. Кажется, это был первый плачущий ребенок, которого я видел в Японии.

Потом я снова потерял Эмико из виду. Толпа пассажиров вваливалась через турникет в помещение вокзала. Ввалились и мы. Тут нас

окликнули, попросили ждать. Мы стояли у входа и ждали, пока соберутся остальные.

— Странно, — сказала жена. — До чего все похоже. Посмотри — даже номер тот же.

Над входной дверью, на черном табло светились цифры:

14-31-19

— Что ж тут удивительного, — сказал я. — Это номер нашего рейса.

— И совсем такой же телевизор. И на том же месте.

— Скажи еще: и реклама та же!

На экране телевизора молодой улыбающийся японец с аппетитно намыленными щеками брился безопасной бритвой «Шик».

— Удивляться нечему, — сказал я. — Стандартизация.

Но тут подошел один из нас.

— Поздравляю, — сказал он с какой-то недоброй усмешкой.

— С чем? — спросил я.

— А вы что — не знаете?

— Нет.

— Мы где, по-вашему, находимся?

— В Хиросиме.

— Повернитесь, пожалуйста, на сто восемьдесят градусов. Мы — в Осаке.

Да, оказалось, что мы вернулись в Осаку. Хиросима нас не приняла: там в этот день началась забастовка транспортников. Узнать об этом было почему-то приятно. Все-таки это было признаком жизни: на кладбищах ведь не бастуют.

Собрались уже все наши. Интуристский гид пересчитывал нас. И тут мне еще раз повезло — я увидел, совсем близко, серое пальтишко Эмико. Девочка сидела очень неудобно, как-то скрючившись, в синтетическом кресле и, уткнувшись лицом в его черную спинку, опять плакала. Мать и отец ее стояли рядом и, покачивая головами, что-то негромко ей говорили.

Я подошел, поклонился. Оба они церемонно, на японский лад, то есть чуть ли не под прямым углом согнули спины.

— Эмико, — сказал я, — что с тобой, маленькая?

Услышав мой голос, девочка оглянулась,

оторвала голову от спинки кресла. Я сам обрадовался, когда увидел, как обрадовалась она. Ее лицо было все в белых потеках от слез. Жалобно и быстро-быстро она стала мне что-то объяснять, что-то рассказывать. Конечно, я ничего не понял и повернулся за помощью к родителям. Маленький японец, смущенно улыбаясь, пробовал мне что-то растолковать, но ведь и он тоже говорил по-японски. Я разобрал только слово «Хиросима».

— Не понимаю, — сказал я.

— Гренд мазер, — сказал он чуть-чуть громче, но с той же застенчивой улыбкой.

Я вспомнил, что grandmather по-английски значит «бабушка». Теперь стало понятно: в Хиросиме бабушка. Эмико любит бабушку. Эмико плачет оттого, что опять не состоялась, опять откладывается встреча с бабушкой.

В эту минуту меня окликнула жена. Навьюченные сумками, наши уже тянулись к выходу в город.

Я сказал:

— Не плачь, не надо, Эмико-сан, миленькая!..

И не удержался, протянул руку и погладил ее иссиня-черную головку. Волосы у нее были жесткие, но той приятной, гладкой жесткости, какая бывает у бобров или у хорошего дога.

Родители Эмико опять поклонились мне в пояс. Я попробовал поклониться таким же образом, даже два раза, и тому и другой, и побежал догонять своих.

В Хиросиму мы так и не попали. Жаль, конечно. Но теперь у меня все-таки есть некоторое представление об этом городе. Когда мне приходится слышать или видеть напечатанным слово Хиросима, в моем воображении возникает узкая городская улица. По улице бежит девочка в сером пальтишке. За спиной у девочки ранец. Кармашек пальто оттопырен, в кармане — веревка с двумя деревянными шариками. Потом я вижу какой-то легкий, как бы карточный, японский домик на берегу широкой реки. У входа в дом, под цветущей сакурой, сидит по-японски, на корточках, старая болезненная на вид, но еще очень красивая женщина и старомодным стальным крючком вяжет что-то вроде кофточки или пуловера. И я даже знаю, догадываюсь, кому она вяжет этот пуловер. Всякий раз я мысленно говорю:

— Будь счастлива, Эмико-сан! Целуй бабушку.

На урок труда...

Художник В. Завьялов
Стихи Д. Толмачева

Дают, как видно, дома Лене
Уроки не труда, а лени.

Художник М. Мазрухо
Стихи В. Хочинского

Сидят, не ведая забот,
И ничего их не тревожит:
Им все воткнутый принесет,
И разжует, и в рот положит.

Художник
В. Кюннал

ВИТЯ НА РАСПУТЬЕ

Вы на Митю посмотрите:
Что сегодня делал Митя?

Художник Л. Каминский
Стихи Г. Тумаринсона.

Если сразу не понятно,
Все расскажут эти пятна.

Художник В. Желобинский

Боевой Карандаш

ЗДРАВСТВУЙТЕ

Давайте знакомиться. Меня зовут «Боевой карандаш». Почему так? Объясню. «Карандаш» потому, что мои родители — ленинградские художники и поэты-сатирики. А «Боевой» потому, что родился я в грозные годы войны. Тогда на моем значке была еще и винтовка с примкнутым штыком. Я тоже сражался. Плакаты с марочкой «Боевой карандаш» уходили в бой, наклеенные на башни танков, пробирались по ходам сообщения в солдатские землянки, их рассматривали ленинградцы на стенах домов блокадного города и улыбались при этом. Смех — это ведь тоже оружие. Очень грозное оружие!

Победным маем закончилась война. Солдаты сдавали старшинам свои верные неразлучные автоматы, возвращались к мирному труду. Сдал и я свою винтовку. Теперь ее на моей эмблеме нет. Но боевым остался.

Ведь остались за рубежом враги мира, враги дружбы народов, империалисты, колонизаторы. С них, как говорится, глаз спускать нельзя. И я постоянно держу их под прицелом. Наверное поэтому на 1-й и 2-й Международных выставках «Сатира в борьбе за мир» был награжден дипломами Первой степени.

Частенько бываю я на заводах и стройках, в совхозах и колхозах. И в наши дни есть еще людишки, требующие моего сатирического внимания: лодыри, прогульщики, бюрократы.

А тут говорят:

— «Боевой карандаш», а не забыл ли ты о пионерских отрядах и дружинах? Там тоже есть для тебя интересное.

«Н-да, думаю. Верно. Только в школе-то когда я в последний раз был? Не вспомню даже. Ну, не беда, — прикидываю. — Для начала сам похожу, посмотрю, а там читатели журнала помогут, подскажут».

Так и сделал. Сходил в несколько школ. Кое-что зарисовал, подписал. А дальше... Жду ваших писем, новых тем для рисунков и стихов.

До новых встреч!

„Боевой карандаш“

Художник Ю. Трунев
Стихи В. Алексеева

ХОДИЛИ МЫ ПОХОДАМИ
Нто норовит идти без груза
Тот для товарищей обуза.

Художник В. Меньшиков

— Зачем обижаешь маленьких?

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

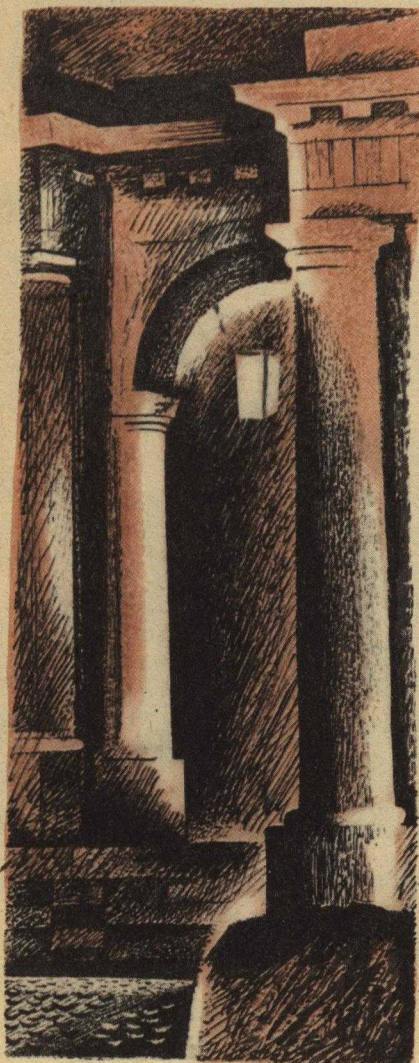

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. Скосырева

Оформление
Р. Попова

Год издания 18-й

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ НА РАДИОСТАНЦИИ „НОВАЯ ГОЛЛАНДИЯ“

«Новой Голландией» называли петроградскую радиостанцию военноморского порта: дом радиостанции стоял на острове Новая Голландия, а остров так назвал еще царь Петр в память о своей поездке в заморскую корабельную страну — Голландию...

В дни Октября радиостанцию за-

хватил отряд революционных матросов, и тогда же радист отстучал ключом на весь мир: «...Правительство Керенского низвергнуто и арестовано. Керенский сбежал».

Радист дежурил подряд двое суток и очень устал. То и дело ему приносили листочки с текстом радиogramм.

Срочно! Быстро! Вне очереди! И радист прижимал к ушам жесткие наушники, и пальцы его легонько ложились на головку ключа: точка, тире, точка, тире...

Радисту хотелось спать... «Заварю-ка я чаю, — решил он, — может, сон и пройдет...» И принялся растапливать печку. «Скорей бы кончилась война, — думал радист, разделявая полено на щепки. — Поехал бы я домой, в деревню... Только войне-то конца не видно...»

В это самое позднее ночное время к радисту вошли три человека. Матроса из охраны радиостанции радист знал. Другие ему были неизвестны — один, совсем штатский человек, в пальто и потертой кепке, и второй — трудно сказать кто, — военной выправки, в офицерской шинели, но без погон.

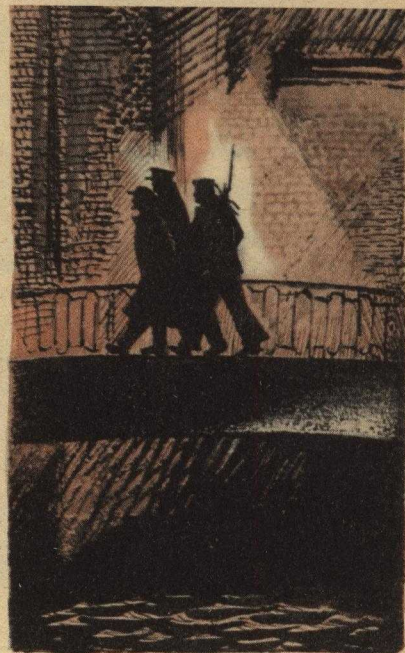
Штатский незнакомый человек спросил разрешения присесть к столу и начал быстро-быстро писать на листках тетради. «Чаю не хотите ли?» — спросил радист.

— Чай это хорошо, — сказал штатский человек. — Но сначала, товарищ, пожалуйста, передайте вот это...

Радист включил передатчик, и человек начал диктовать.

— Радио всем! — сказал он. — Солдаты! Дело мира в ваших руках. Вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира...

Человек говорил о великих бед-

ствиях войны и что армия должна любой ценой добиваться перемирия на фронте... Точка, точка, тире, тире, точка...

Невидимые искры слетали с проволочных антенн, и сигналы летели над всем земным шаром...

Совсем уже расхотелось спать радисту.

— Чья подпись под радиogramмой? — спросил он.

— Мы с товарищем Крыленко и подпишем, — сказал человек. — Пожалуйста: «Председатель Совета Народных Комиссаров Ульянов (Ленин)... Нарком по военным делам Крыленко...»

Дрогнула было рука у радиста. Шутка ли! Сам Ленин стоял с ним рядом... Но радист службу и дело знал исправно. Рука его довершила текст радиogramмы. Точка, точка, тире, точка... Ленин...

О. Орлов

ВОЛОДИНА КЛЯТВА

Было это в 1945 году, во время войны с империалистической Японией. Советские десантники высадились в порту Сейсин и прорвались в тыл врага. Отряд моряков отбил у японцев укрепленную сопку. Собираясь с силами, моряки залегли в окопах. Вдруг выстрелы смолкли. Сразу стало слышно, как шумит в низких дубовых зарослях ветер, как бьют в далекий берег волны прибоя. К десантнику Володе Моисеенко подполз матрос.

— Слышь, Володя, — сказал он. — Много наших побито. Командир тяжело ранен. Японцы нас окружают...

Володя набил магазин автомата, вставил диск. Тишина была тревожной.

— Патроны будем беречь, — сказал Володя матросу. — Высоту удержим. Командование принимаю на себя...

Снова застрочили японские пулеметы. Володя, согнувшись в окопчике, вырвал листок из блокнота и написал торопливо: «Находясь на вершине этой высоты, буду до последней капли крови верен присяге, а если понадобится, то отдам свою жизнь ради победы над врагом». Подписал. Отдал листок матросу. Клятву подписали все моряки. И в бою сдержали ее. Володя был ранен, но остался в строю. За мужество и отвагу Володе Моисеенко было присвоено звание Героя Советского Союза.

Б. Гаврюшенко,
руководитель следопытов клуба «Поиск»,
Комсомольск-на-Амуре

МОРЕ И НЕБО

Клин стальной уходит в море
Быстроходных кораблей,
В небе виден клин крылатый
Белогрудых журавлей.

Олег Карпов, Барнаул

В ОКЕАНЕ

Сегодня штиль,
мы медленно плывем,
Кто чинит шкот, кто спит
Матросским сном.
А мы не спим,
сидим мы на корме,
И песню тихую
поем мы в тишине...

Гена Слуцкер, Куйбышев

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

«ВО ЛЬДАХ» Линогравюра Толи Савина, Иркутск

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

Советский танкер «Ленинабад» шел Бискайским заливом. Вдруг вахтенные заметили горящее судно. Пылал парагвайский теплоход «Гуарани». Пожар начался так стремительно, что моряки «Гуарани» не успели подать сигнал бедствия. Шлюпки парагвайского теплохода сгорели... Совсем было отчаявшиеся моряки толпились на крошечной части кормы, не охваченной пламенем... Мотобот с «Ленинабада» помчался к гибнущему судну. Вовремя подоспели советские моряки. Экипаж «Гуарани» был спасен.

НАХОДКА АКВАЛАНГИСТОВ

У входа в Финский залив аквалангисты нашли старинный корабль, потерпевший крушение. С корабля подняли часы, табакерки, остатки одежды. Установили, что это трехмачтовый парусный корабль голландской постройки. Начались поиски в архивах. В датских таможенных книгах обнаружили запись о принадлежности погибшего корабля русскому купцу. Сейчас решается вопрос — нельзя ли поднять корабль. Если это случится — морские историки получат ценнейший экспонат.

С. Евгеньев

Сообщают юнкоры

При мореходной школе Приморского пароходства родилась пионерская флотилия. Организованы кружки старшин шлюпок и рулевых-сигнальщиков. Ребята учатся ходить на веслах и под парусами. Жаль, что ялов всего два, но ребята не унывают.

Игорь Потанков, г. Находка

ВЕТЕР В СТАРЫХ ЛИПАХ

Владимир Дмитриевский

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Рисунки В. Бескаравайного

— Какой из тебя атаман! — презрительно сказал Сережа Сеньке Дмитриеву. — Что ты можешь придумать, когда не прочел еще ни одной книги?

— Врешь! — закричал Сенька и стиснул большие грязные кулаки. — Врешь ты все, Сережка! Я уже две прочитал. И про капитана и про его дочку. Вот и буду вашим атаманом Пугачевым.

Голоса разделились. Душак, Алеша и, конечно уж, Митя были за Сережу, а Костик и Иванлевша поддерживали своего закадычного дружка Сеньку. И быть бы между ними дуэли на кулаках, а то и на пряжках, если бы не появилась в дверях булочной огромнейшая фигура Сенькиного папаши и не гаркнула на всю площадь:

— Сенька, прохвост ты этакий! Обед на столе стынет, а ты тут с мальчишками... А ну, лётом!

Разбрелись кто куда, договорившись, что встретятся тут же, только вечером, часиков в восемь.

— Я Ваньку Шатунова на это дело подбью... Ну, во всяком случае, попытаюсь, — задумчиво сказал Сережа.

Алеша Розенберг только присвистнул:

— Будет Ванька с такими, как мы, возжаться.

— А кто он — этот Ванька? — спросил Митя.

— Да ты что, про Ваньку Шатунова не слышал? — обомлел Алеша. — Ванька Шатунов... Такой, каких ты не знаешь. Необыкновенный он вовсе. Понял?

Нет, Митя ничего не понял.

— А почему он к Лизавете нашей не ходит? — спросил он у Розенберга.

— Ванька-то? Да ты что, смеешься? Он в Черни недавно. Из Тулы приехал. Батяка его на Оружейном работал. Был против царя, и посадили его в тюрьму. А мама Ванькина

Окончание. Смотри «Костер» № 10, 1974 год

умерла. В Черни у него бабка есть. Только совсем старая и больная. У нее он и поселился. Но к себе никого не водит. Он на паровой мельнице работает — мешки с зерном подтаскивает... Знаешь, какой сильный? Просто ужас! Только не пойдет он в нашу шайку атаманить. Больно ему это нужно...

Пустырь, заросший лопухами, крапивой и полынью, с естественной стеной из кустов бузины и с грандиозным низким пнем как раз в центре, вполне подходил для штаб-квартиры. Но собирались медленно, как-то лениво, и хотя Сенька щедро угостил квасом и горбушками черного пахучего хлеба, выходило так, что и говорить-то не о чем было.

Самым последним пришел Сережа. И не один. С каким-то пареньком, одного с ним роста. И все ахнули: Ванька Шатунов!

Митя просто прилип к нему взглядом. Парень как парень. Под драной курткой с чужого плеча выцветшая косоворотка, некогда голубая. Босой. А на дворе все же октябрь! И лицо, ну, худошавое такое, с узким маленьким ртом, чуть курносый носом и черными, как угли, глазами. И без шапки — черные, густые, забывшие гребенку лохмы, спадающие к сомкнутому на переносице, прямым, как стрелы, бровям.

— Вот что, ребята, — сказал Шатунов. — Дело атамана доказать, что он может быть атаманом. — Голос с хрипотцой, как после бронхита. — И я вам это докажу. Должен, то есть, доказать.

Быстро метнул глазами по сторонам, увидел пеня, ухмыльнулся и легким, летящим шагом подскочил к нему.

— Есть такая борьба. Проба на силу руки. Надо согнуть руку, поставить на твердое, скажем, на этот самый пнище, сцепить руку с рукой противника и жать, не отрывая локтя. Понятно? Ну, кто первый?

Шатунов скинул куртку, засучил правый рукав повыше локтя и сел на землю.

— Подходи по очереди!

— Я эту штуку знаю, — сказал Сережа, тоже сбросил пальто и, засучив рукав своей рубашки, поставил локоть на гладкую поверхность пня.

Они крепко сцепились пальцами.

— Ну, начали, — сказал Шатунов, и рука Сережи, белая, с хорошо развитыми, напрягшимися мускулами, медленно поползла вниз.

— Все. Следующий.

— Ну, и здоров же ты, — с уважением сказал Сережа и потряс рукой.

Младшим: Алеше, Душаку и Мите — Шатунов согнул руки мгновенно, словно лозинки.

Но вот подошел Иван-левша.

— А со мной как сделаем? Сам знаешь, левша я.

— Ну, а я правша. Но с тобой тоже левой бороться буду.

Шатунов засучил рукав на левой руке, переменил позу и положил знаменитую левую свое-

го тетки почти так же быстро, как и руку Сережи Гельфрейха.

— Хм... А ведь я левша, — пробормотал побежденный.

Следующим и последним был Сенька Дмитриев, хозяин пустыря, назвавшийся первый есаулом.

— Не подойду, Ванька, — угрюмо сказал он. — Ты штука всяким научился. А вот в обхват — давай!

— Можно и в обхват, — весело, но не улыбувшись, согласился Шатунов, вскочил на ноги и мгновенно сорвал с себя косоворотку и исподнюю.

То же, только много медленнее, проделал и Дмитриев.

И вот они уже вышли друг против друга, и Митя понял, что сын булочника сразу же задавит своей тушей смуглотелого жидкого Шатунова.

Схватились и стали топтаться на траве. Несколько раз Дмитриев подымал Ваньку и с силой швырял вниз, но тот, точно кошка, вставал на ноги. Поднимал и он широкоплечего Дмитриева, но слишком уж тяжел тот был...

— Вничь! — крикнул Гельфрейх.

— Доказал? — с вызовом спросил Сенька.

— Давай не в обхват. Просто. Как кто умеет, — предложил Шатунов.

— Давай, — сказал Дмитриев, и водянистые глазки его хитренько сощурились.

Пошли друг на друга, протянув вперед руки. Отскочили. Опять пошли... И вот на мгновение два тела — бронзовое и смугло-розовое — сблизались. И тут же Сенька своим тяжелым подкованным гвоздями сапожищем из всех сил наступил на босую ногу Шатунова.

— А-а-ах! — выдохнул Шатунов. И глухо: — Ну, теперь, свинья ты проклятая, держись.

Он оттолкнул от себя Сеньку, перехватил правую его руку, подставил бок, и Сенька шлепнулся на землю. Вскочил, ринулся на противника, но тот бросился ему под ноги, и на этот раз полет Сеньки был длительнее, а падение — тяжелее. И еще два раза швырял Шатунов своего противника на землю, и тот, уже с трудом поднимаясь, пошел в другую сторону и, обернувшись к Шатунову, глухо пробормотал:

— Будя. Твоя взяла. Признаю.

А у Шатунова все пальцы левой ноги стали красными от крови. Но он лишь тряхнул ступней и спросил:

— Так кто же теперь атаман?

— Ты! Ты! Ты! — наперебой дружно и торжественно закричали и Сережа, и Алеша, и Митя, и Душак, и даже Костик.

— Ну, а ты что скажешь, Сенька? — спросил Шатунов и впервые блеснула улыбка на его смуглом худошавом лице.

— Атамань, раз все ребята хотят... Но я — есаулом твоим первым назначаюсь.

— Кто же это тебя назначает?

— Сила моя. И пустырь, как-никак, отцовский. Скажу что — сразу всех вытурит.

— Ладно. Будешь есаулом. Таким же, как Сережка. Оба мне помогать будете. Но не против собак. Глупо вы это выдумали, ребята, — животных уничтожать да на эту гадину-живодера работать.

— А зачем тогда «Черные дубины?» — подозрительно спросил Иван-левша, косясь на Дмитриева.

— Название я придумал, — перебил Сережа. — Черные потому, что у анархистов цвет знамени черный.

— А ты что, за анархистов? — спросил Шатунов и с интересом посмотрел на Сережу.

— Я про них читал, — неуверенно возразил Сережа. — Среди них даже князья были. Например, Кропоткин.

— Насчет князей мне неизвестно. Но вообще-то — ненадежный народ! У них, знаешь, каждый сам за себя...

Сережа густо покраснел.

— Шатунову-то небось красные дубины подавай, — вмешался Дмитриев.

— А разве ж красное хуже черного? — негромко, совсем уж по-взрослому спросил Шатунов. — Твой-то отец, известно, в союзе архангела Михаила состоял. Черносотенец!..

— А твой-то в тюрьме небось преет. Большевик!..

Они стояли друг против друга, нагнув головы и туго сжав кулаки. Как быки! Сейчас схватятся и уже по-настоящему.

Но тут Душак громко и уныло завопил:

— Шайка есть. Атаман есть. А все без толку... айда, ребята, на нашу гору!

Шатунов первым махнул рукой.

— Ладно, Сенька, успеем еще посчитаться. Пошли, что ли!

— А сейчас что будем делать?

— В казаков-разбойников играть...

— **С**ходи на кухню. Если чайник закипел, потуши керосинку и принеси чайник, — распорядилась мама.

Митя выбежал из комнаты, но на кухню вступил неторопливо, даже несколько торжественно, полный уважения к себе — все-таки серьезное поручение.

Вступил и обомлел.

Он увидел широкий зад, туго обтянутый синей диагональю, и крест подтяжек на склоненной к кухонному столу спине в белой рубашке. Кто бы это мог быть?

— Доброе утро, — неуверенно произнес Митя.

И тотчас же незнакомец выпрямился, и Митя увидел большое и очень красное лицо с глазами, как бы опережавшими и лоб, и нос, и губы.

— Откуда ты взялся, мышонок? — хриловатым баском спросил человек, продолжая ощупывать Митю пронзительным взглядом рачьих глаз.

— Из своей комнаты. Пришел за чайником. — Теперь Митя разглядел и широкий лоб с залысинами, и нос грушей, и щеточку усов над большим тонкогубым ртом.

— Из своей комнаты... Откуда здесь у тебя своя комната?.. — Человек в подтяжках тут же хлопнул себя ладонью по лбу. — Ага! Жилец. Как тебя зовут?

— Митя.

— А меня — Александром Александровичем. — Протянул короткопалую руку. — Давай лапу...

Значит, он все-таки вернулся из бегов, — подумал Митя, но на всякий случай спросил:

— Вы — папа Шурика?

— Совершенно справедливо. А как сложились твои отношения с наследным принцем? — Но, поймав недоуменный взгляд Мити, пояснил: — Вы поладили с Шуркой? Или ты его колотишь?

— Нет. Он же слабее меня. Но иногда мы боремся, и я показываю ему приемы.

— Вот как! Следовательно, ты мастер французской борьбы. Похвально, молодой человек. И если ты будешь систематически мять бока моему Шурке, я буду тебе признателен. — И вдруг заорал: — А теперь пошел вон отсюда! Не мешай мне...

— Я только возьму... возьму чайник... — пролепетал оглушенный и перепуганный Митя.

— Опять ты заваландался, — недовольно сказала мама, когда он вернулся в комнату. — Опоздаешь к Елизавете Александровне...

— Ты же ничего не знаешь, мамочка, — возбужденно сказал Митя. — В кухне был папа Шурика. Тот, что находился в бегах.

Так состоялось знакомство Мити Муромцева с полковником Функендорфом. И произошло оно ранним утром одного из будничных дней октября 1917 года.

Первые дни полковник редко выходил из своего кабинета, и потому Митя и Шурик играли в столовой.

Раза два-три полковник заходил в столовую и заставлял своего сына бороться с Митей. Сам садился в кресло и, широко расставив ноги в высоких лакированных сапогах, изображал арбитра.

Митя всегда побеждал Шурика и припечатывал его лопатки к коврику.

— Приемом «передний пояс» победил Иван Поддубный — правильно! — рычал Александр Александрович.

— Приемом «бра руле»... Правильно!

— Приемом «полунельсон в партере»... Правильно!

И несколько не сердился на Митю за то, что он побеждает его сына.

У полковника было много разного оружия, и он позволял Мите трогать его: вскидывать к плечу одно из ружей и прицеливаться в окно; вынимать из ножен кавказский кинжал и нож-медвежатник, которым Александр Александрович будто бы добил огромного раненого медведя. Да и ордена, давно уже отданные мамой

Лидии Эдуардовне, получены были Александром Александровичем за храбрость. А к храбрым Митя всегда относился с восхищением. Смущала его только наружность храброго полковника. Невысокого роста, с изрядным животиком, плохо спрятанным под синим пиджаком, с серыми жидкими волосами и носом в лиловых прожилках, он ничем не походил на храбрецов: ни на Натаньэля Бумпо, прозванного Соколиным Глазом, ни на могучего Спартака, ни на Роланда, ни даже на Кузьму Крюкова, разделавшегося пикой и шашкой с одиннадцатью германцами зараз.

Александр Александрович почти не выходил из дома и ни разу не сопровождал Лидию Эдуардовну в ее верховых прогулках. Иногда в гости к нему заглядывал местный барышник — торговец лошадьми — Догаев и отец Сеньки Дмитриева — булочник.

Полковник запирался с гостями в кабинете, а кухарка Степанида несла туда «закусон» — селедку, обамленную колечками лука, соленые огурцы, печеную картошку.

Митя ежедневно ходил к Елизавете Александровне, получал четверки и пятерки, иногда подзатыльники, и чувствовал себя там уже вполне своим человеком.

Шайка «Черных дубин» хотя и не распалась, но существовала больше в воображении. Шли нудные, холодные дожди, иногда с мокрым

снегом, земля раскисла, и для свершения подвигов условия были неподходящие.

Почти всякий вечер, вместе с мамой, прячась под большим черным зонтом, отправлялись на Мещанскую, в дом Зеленовых, чтобы повидаться с тетей Лелей.

Пока Митя неохотно играл со своим маленьким троюродным братом Мишей, взрослые горько сетовали на происходящее: повальное дезертирство в армии, очевидная неспособность Керенского управлять государственной машиной; растущее влияние и активность большевиков, намеревающихся отдать все рабочим и крестьянам и превратить Россию в «кромешный ад»; дороговизна, исчезновение необходимых продуктов, спекуляция...

Как вдруг...

— Знаешь последние новости, Соня? — сказала тетя Леля маме. — Власть в Петрограде захвачена большевиками... Да, да... Штурмом взят Зимний дворец... Его в упор расстреляли из орудий крейсера «Аврора»... А наш болтун — кумир барышень — Керенский бежал, якобы в армию. Что будет с нами! Со всей несчастной Россией?!

Мама, куда менее тети Лели интересующаяся политикой, пожала плечами и сказала:

— Ну, как-нибудь да будет. Не может же никак не быть!

А Митя насторожился. Выходит, прав атаман «Черных дубин» Ванька Шатунов; большевики сильнее всех, и за ними идет весь народ. А хотят они, говорил Шатунов, одного — свободы и справедливости для каждого человека. Хорошо бы посмотреть на настоящего большевика. Какие они? Может, и ничего?

Полковник Функендорф разбушевался. Впервые, напился до невозможности и ревел, словно бык, так, что все обитатели дома попрятались в своих комнатах. Лидия Эдуардовна, несмотря на отвратительную погоду, велела седлать Ундину и переоделась для верховой

прогулки. Но полковник сбил с ее головы цилиндр, растоптал его каблуками в лепешку, а потом искал Шурика, «чтобы прописать ему всех чертей». А Шурик с гувернанткой спрятался в маминей комнате.

Но когда Митя вернулся с занятий, полковник был уже трезв, как стеклышко, только под глазами темно-лиловые мешки. Александр Александрович велел Мите после обеда зайти к нему в кабинет.

Там состоялся такой разговор.

Подойдя к стене, где было развешено оружие, Александр Александрович снял с гвоздика нож-«медвежатник» и положил его на письменный стол.

— Тебе, Митя, хотелось бы иметь этот нож? — полковник вытащил из красных кожаных ножен широкий сверкающий клинок и взмахнул им в воздухе. — Надежное оружие для какого-нибудь там пирата или охотника за скальпами. Я готов подарить его тебе... За одну пустяковую, в общем-то, услугу. Ты, как я убедился, отважный парень. Вот ты его и получишь. Но раньше сбегаешь к Догаеву, потом к булочнику. И еще к ветеринару... Ты знаешь, где они живут?

— Знаю, конечно...

— Найдешь каждого из них. Если не дома, то где угодно. Хоть под землей. Скажешь каждому: первый вызывает к семи. Только и всего. Но сказать надо так, чтобы не слышали чужие уши. Не кричать на весь дом, а найти возможность, ну, черт побери, дожидаться, что ли, когда нужный тебе человек будет один. Скажешь и уйдешь. Доложишь мне и тут же получишь нож. Понимаешь? И потом забудешь об этом разговоре. Никому ни полслова. Даже матери. Понимаешь? Ну, да ты настоящий мужчина и умеешь держать язык за зубами. Ты все усвоил? А теперь действуй.

Пустяковое дело: сбежать и сказать то, что велел Александр Александрович. И стать обладателем настоящего «медвежатника».

С Догаевым получилось просто здорово. Он как раз выходил из дома и даже близко на улице никого не было. Поздоровавшись, Митя негромко сказал:

— Первый вызывает к семи.

Догаев только головой кивнул, а Митя побежал к булочнику.

В булочной до щекотки в носу и горле пахло свежеепеченным хлебом. Три женщины стояли перед прилавком, а отец Сеньки — густобородый и толстый, в фартуке, рассекал пышный, горой вздувавшийся каравай особым ножом, похожим на косарь.

— Тебе чевой-то здесь надобно? — неприятливо спросил он Митю. — Ежели Саньку, так не в ту дверь зашел.

Митя вышел, но, дождавшись, когда женщины одна за другой покинули булочную, опять туда юркнул.

— Опять явился! — грянул булочник и напустил лохматые брови. — Брысь отсюда, кому сказано.

— Первый вызывает к семи, — внутренне торжествуя, вымолвил Митя и, повернувшись к булочнику спиной, шагнул к дверям.

— Ишь ты! — выдохнул вслед ему булочник.

А вот у ветеринара все получилось иначе. Сергей Петрович не выходил из своего кабинета, а его дочь Анночка захватила Митю в плен и повела к себе, в детскую, вырезать аппендицит плюшевой обезьяне.

Митя так невнимательно исполнял роль хирурга, что Анночка со слезами в голосе протянула:

— Ты что, играть со мной не хочешь?

Но тут Митю осенило.

— А у меня очень палец болит, — сказал он. — Под самый ноготь заноза попала. И никак не вынимается.

— Поди к папе, — предложила Анночка. — Он сейчас же вынет.

Постучавшись в двери комнаты и услышав «войдите», Митя поздоровался с Сергеем Петровичем и показал ему указательный палец, в котором действительно сидела давняя и уже напрочь забытая занозка. Когда же Сергей Петрович, нащупав ее тонкой и длинной иглой, вытянул щипчиками, Митя поблагодарил и сказал:

— Первый вызывает к семи.

Сергей Петрович только брови приподнял.

Наспех перевязав оперированную обезьяну,

Митя распрощался с Анночкой и торопливо, почти бегом, отправился домой за заслуженной наградой.

И он получил ее из рук Александра Александровича, внимательно выслушавшего Митин рассказ.

— Молодчина! Сообразительная у тебя башка, братец. С занозой хорошо придумал... Вот, владей. И помни — молчок! А то так уши нарву, что они в лопухи превратятся.

«Не больно-то я тебя испугался», — подумал Митя, крепко вцепившись в шероховатую, из оленьего рога рукоятку «медвежатника».

Радость несколько тускнела по следующим причинам. Во-первых, он далеко не был уверен, что мама одобрит и позволит держать у себя подарок полковника. Но это еще туда-сюда... Обойдется! А вот как узнать, почему и для чего какой-то первый вызывает к семи барышника, булочника и ветеринара... И кто он — первый? Может, сам полковник Функендорф?

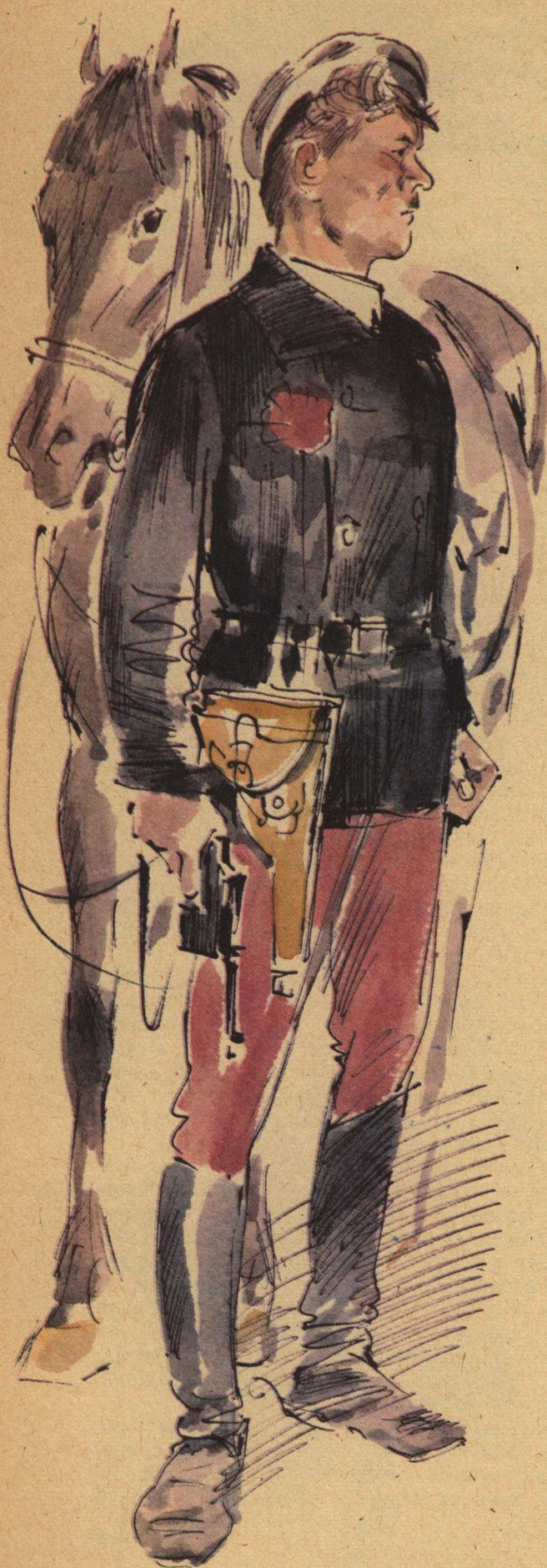
Тайна завлекает, и если не разгадать ее, не будет покоя. Выход только один — проникнуть в тайну, в семь вечера оказаться около дверей кабинета Александра Александровича.

С мамой все обошлось. Она просто не заметила, как Митя сунул нож-«медвежатник» к себе под матрас. Потом что-нибудь придумаем! Ну, а как же быть с тайной? Ясно одно: к семи часам надо обязательно быть у них в столовой. Затеять какую-нибудь игру. Не шумную. Чтобы слышно было. Ведь интересно: первый вызывает к семи...

Еще не было семи, а они с Шуриком воздвигли на ковре в столовой огромное крепостное сооружение с тройным обхватом зубчатых стен, башнями, переходами, подземными лабиринтами и висячими мостами. В ход пошли кубики, разные коробки, дощечки, камушки...

Они ползали по ковру, тщательно выбирали места для скрытых пушек и для тайников с порохом и динамитом. В семь часов, с интервалами в несколько секунд, пришли барышник, булочник и ветеринар.

Александр Александрович их встретил, проводил в кабинет и приказал Степаниде принести какую-нибудь «закуску». И Степанида, отнеся в кабинет поднос с закусками, вышла и

не особенно плотно притворила за собой дверь... А ведь только это и было нужно Мите! Взрослым же, собравшимся в кабинете полковника, не приходило в голову, что одного из мальчишек, ползавших по ковру и с упоением что-то строивших, может заинтересовать их разговор.

А начался этот разговор так:

Полковник: Я собрал вас, господа, затем...

Ветеринар: Почти по «Ревизору»!

Полковник: Не до шуток, сейчас, Сергей Петрович! Вам известно, господа, что в Туле уже большевистская власть?

Булочник: Так, стало быть...

Полковник: А ты, Флегонтович, подожди на спиртишко нажимать... Ишь, — целый стакан пропустил.

Тут, вовсе некстати, Шурик спрашивает, что будет, если штурмующие обойдут самую высокую башню — за ней нет никаких укреплений...

— А ты построй. Это же твоя, а не моя сторона, — быстро отвечает Митя и вновь ловит мужские голоса, проникающие сквозь щель. Пока — ничего похожего на тайну.

Ветеринар (только конец фразы) ...как всякая эпидемия... Выждать было бы благодатнее.

Полковник: Это вам не бруцеллез и не чумка, Сергей Петрович. Это — большевики. Суворов говаривал, что промедление смерти подобно. Словно в ваш огород, батенька мой!

Ветеринар: Если в Туле они уже захватили власть...

Полковник: Их власть — не на годы, не на месяцы даже, а на дни. Но если все порядочные люди закроют глаза и сложат руки — тогда беда!

Барышник: А у вас, Александр Александрович, точные сведения? Именно в воскресенье и после обедни?

Полковник: Я получил их от Портного.

Портной... Длинный нос, глаза, как у мыши. Наган. Начальник уездной милиции. Как там его называют? Ага! Эсер. Вот она, наконец, тайна! Но тут вновь встречается Шурка со своими глупостями.

— Митя!.. А Митя!.. Где же мне эти, ну, как их, эс... эскарпы строить?

— Строй, где хочешь.

— Тебе совсем неинтересно... Зачем тогда и играть!

— Интересно. Погоди. Я же думаю.

Полковник: Сколько людей у тебя подготовлено, Флегонтович?

Булочник: Да как сказать. За дюжину перевалит.

Полковник: Целая рать! Догаев, как у отца Михаила?

Барышник: Да ведь их-то, Александр Александрович, не более десятка соберется.

Полковник: Ладно. Попробуем взять их в клещи. Сигналом, как и улавливались, будет соборный набат. Это за вами, Догаев. С последним ударом колокола ты, Флегонтович, ве-

дешь своих молодцов. Захватишь сейчас все мои ружья. Портной снизу, от помещения милиции, наступает на площадку, забирая ее полуохватом. Ну-с, обезоруживаем наших большевиков и, если встретится необходимость, помогаем им перебраться в лучший мир... Кстати, Портной обещал приготовить пушку.

Ветеринар: Музейный экспонат.

Полковник: Лишь бы палила. Для устрашения малодушных. Все, господа. Если набата не будет — никаких акций. Понятно?

Булочник: А как эту самую ак... акцию понимать, Лексан Лексанович? В том смысле, чтобы ни-ни или брать их за жабры?

Полковник: Акция — действие, Флегонтович. Не будет набата, не будет и действия. Значит, я его отменяю. Уяснил? И с богом, господа. Выходите по одному. Флегонтович, заворачивай в одеяло ружья. Сергей Петрович! Это для вас. Испанский. Бьет точно, хоть гвозди забивай.

Первый из кабинета выходит ветеринар. За ним, спустя минуту, барышник. Еще погода немного — булочник. Под мышкой у него что-то длинное и тяжелое, запакованное в байковое одеяло и перевязанное шпагатом. Полковник не провожает гостей. Но тоже выходит в столовую. Лицо у него совсем багровое. По столовой проходит волна тяжелого спирто-лукового запаха.

— В войну играете, мальчишки? — Голос у Александра Александровича сиплый, задвленный... — Только чтобы все за собой убрать. Уяснили? Ну, то-то... — И уходит опять в кабинет.

Набата не будет и тогда — никаких действий... А ведь это он, Митя, во всем виноват. Согласился... Первый вызывает к семи. И он бегал по городу и повторял: «Первый вызывает к семи». За нож-«медвежатник». А они собираются «взять в клещи» большевиков. Какие они — большевики? Ванька Шатунов говорил: «Мой батя человек правильный». А отец у него — большевик. Набата не будет — и тогда... Кому рассказать обо всем, что он слышал? Маме? А что она может сделать? Кому же? Ну, конечно же, атаману Ваньке Шатунову. Только ему. Как же я не догадался сразу!

— Ты будешь играть? Я тебя спрашиваю — будешь играть? Ну, давай, ну, пожалуйста, — канючит Шурик.

— Ты уже победил. Крепость взята.

Митя собирает своих солдатиков, бросает их в жестяную коробку. Сегодня пятница. Сегодня уже поздно, и он не найдет Ваньку Шатунова. Но есть еще завтрашний день. Да, слава богу, завтра еще только суббота.

— Что это еще за приобретение? Откуда? — спрашивает мама, держа в руках «медвежатник».

Все ясно, стелила Мите постель и обнаружила.

— Мне его подарил сам Александр Александрович, — говорит Митя.

— Но зачем тебе такой страшный нож?

— Ну, как ты не понимаешь, мамочка. Это же настоящий «медвежатник». С ним ходят охотиться на медведя.

— А разве ты собираешься охотиться на медведя? Короче говоря, если тебе подарил его Александр Александрович, пусть лежит. Но играть им я тебе не позволю. Что молчишь?

Митины мысли сейчас очень далеко и от охотничьего ножа, и от маминых запретов.

Ванька слушает внимательно, чрезвычайно внимательно, не спуская с Мити пронзительно-го взгляда.

— Ну, будя, Митюха. Все как есть понял. А теперь я пошел.

— Куда, атаман?

— Куды да куды... На Кудыкину гору.

Митя засопел от обиды, но двинулся следом.

Миновали центр, вышли на окраину. К кузнице дяди Прохора.

— Ты, Ванюшка?

— Поговорить надо, дядя Прохор. Seriously поговорить...

— Что за парня с собой привел?

— Митька это. Что с мамкой у Функендорши квартирует. В нем-то и загвоздка.

— Ладно, — дядя Прохор схватил щипцами с наковальни какую-то все еще розовую штукю и сунул ее в ведро. Зашипело, пошел пар, и штукювина полетела на земляной пол.

В этом же ведре дядя Прохор пополоскал руки, вытер о передник и, бросив Сереге: «Покомандуй тут... я скоро...», вывел Шатунова и Митю из кузницы.

Воскресенье не радует хорошей погодкой. Глуховатый перезвон колоколов трех церквей, призывающих к обедне. Иоганн седлает Унди-ну. Шурик пытается соблазнить Митю отцовским кабинетом: там можно играть, потому что папы уже нет дома.

Ах, вот, значит, как!

— Сегодня мы пойдем обедать к тете Леле, — предупреждает мама, — к двум изволь быть дома. И вообще, что за удовольствие бегать по городу в такую погоду! Уж лучше бы почитал или поиграл с Шуриком.

«О чем ты только говоришь, мамочка! Погода. Обед. Чтение. Ведь скоро, теперь совсем скоро, на Соборной площади состоится митинг. И, может быть, настоящее сражение со стрельбой из ружей, револьверов и даже из пушки. Скорей, скорей... А вдруг опоздаю, и все начнется и кончится без меня? Наконец-то пуговица послушалась и застегнулась...»

— Я скоро, мамочка!

Из кухни доносится густой запах тушеной капусты. Двери конюшни распахнуты. Иоганн обрабатывает золотистый круп Ундины двумя щетками. Вперед!

Митя в ортопедической обуви, а не в валенках, и потому не может бежать. Старается делать гигантские шаги. Налево. Вниз. А вот и площадь. Собор. Обедня только что кончилась.

Из врат собора вытекает темная струйка молящихся. Эти не остаются на площади. Но появляются другие. Не слишком много. На первый взгляд, сотни две... И мальчишки. Вот и Душак, Сережа, Алешка Розенберг. Что-то не видно Сеньки Дмитриева. Может, и он в отцовской «дюжине»!

— Знаешь, что здесь будет? — спрашивает Сережа Гельфрейх, небрежно обменявшись с Митей тайным знаком «Черных дубин». — Какие-то приехали из Тулы и собираются объявить новую власть. Ин-те-ре-сно, — тянет он и по обыкновению насмешливо щурит синие свои глаза.

— Большевики приехали, — говорит Колька Душак. — Отец сказал. И не велел на площадь идти. Мол, стрельба может начаться. Ну, я, конечно, не послушался.

— А вот куда наш атаман, ребята, задевался? — недоумевает Алешка Розенберг. — Сам же дал команду собраться. Мы собрались, а его нет...

Митю просто распирают сведения. Он-то знает про большевиков, и про митинг, и про полковника Функендорфа, поклявшегося, что Черни большевикам не видать, как своих ушей. Но он дал слово своему атаману — и молчит, словно воды в рот набрал.

Ну, вот, начинается. На площадь неторопливо въезжает четверо верховых! Останавливают своих коней возле самой соборной паперти.

Тот, что на вороном коне, настоящий богатырь. На нем черная кожаная тужурка, красные гусарские чикчиры, а из-под кожаного, сбитого чуть набок картуза вырываются буйные кудри. И на поясе маузер в деревянной кобуре. Голос богатырский! Как грянет:

— А ну, дорогие граждане, давайте сюда, поближе! — наверное, на весь город слышно.

И все, кто собрался на площади, медленно колыхнулись в сторону паперти.

— Граждане, — продолжает зычно кудрявый богатырь, — я комиссар Субботин, уполномоченный Тульского губревкома. Власть буржуев и помещиков свергнута. Ее крепко взяли в свои руки Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов... одним словом — пролетариат. — И после коротенькой паузы: — Митинг объявляю открытым...

Митя стискивает зубы. Вот сейчас... Но набат безмолвствует. Только неслышно падает снег, только шуршит под ногами...

— ...Предоставляю слово председателю чернского ревкома, известному вам товарищу Рыжикову.

Человек в обыкновенном драповом пальто и шапке из заячьего меха не очень ловко слезает со своей лошади и поднимается на паперть. Снимает шапку и проводит ладонью по лицу и зачесанным назад волосам. Бледное лицо, короткие светлые усы.

— Дорогие товарищи! Дорогие земляки мои... — начинает он негромким и чуть глуховатым голосом, но... именно в этот момент из дверей, что в самом низу колокольни, вывали-

вается большой дергающийся клубок — два словно слипшихся тела — и раздается голос Ваньки Шатунова:

— Держите его... Контрика... Хотел в набат!.. в набат ударить...

Барышник Догаев, он же соборный псаломщик, без шапки, в расстегнутой поддевке, нелепо размахивающий руками, а на спине у него, словно рысь или леопард, Ванька Шатунов.

— Что там такое? — комиссар Субботин скакивает с коня и, вырвав из кобуры маузер, подбегает к барышнику и Шатунову. — Слезай-ка, парень. А вы, граждане, стойте спокойно. Эта штука может выстрелить.

Ванька Шатунов, взлохмаченный, в истерзанной куртке, стоит перед комиссаром и часто, тяжело дышит. Видать, нелегко пришлось атаману в схватке.

— Товарищ комиссар, контрики хотели вас перехватить... Ими тут один царский полковник управляет... А этот гад в набат должен был вдарить... У них и оружие есть...

— Ты кто, парень? Как звать-то тебя?

— Шатуновым Ванькой.

— Хулиган, на весь город известный, — не очень твердо говорит Догаев. — Обязанность моя такая. Звонарь я. А он, как взбесившаяся кошка, царапается, кусается...

— После с вами поговорим, — обрывает комиссар. — Скажи-ка, Шатунов, кем ты Павлу Шатунову приходишься?

— Батяка он мой.

— Отец твой? Поручение он мне дал — тебя здесь разыскать. Ладно. Пока сообщи все подробности.

— Вы лучше спросите Митьку. Ему все известно. Митюха, давай сюда!

И вот Митя стоит перед комиссаром, задрал голову, ведь комиссар высится над ним, словно скала, — и рассказывает все по порядку, все, что услышал он, играя с Шуриком в столовой.

Подошедший Рыжиков, услышав фамилию полковника, быстро спрашивает:

— Функендорф, говоришь? Жив, выходит, курилка. Ну, теперь-то ему не долго барахтаться...

Тут-то и выясняется, что большевиков в Черни куда больше, чем предполагали заговорщики. И действуют они быстро и решительно. У всех винтовки. Вторая группа... Третья... Двое в солдатских шинелях уводят куда-то Догаева.

Продолжается прерванный митинг.

Рыжиков рассказывает собравшимся, как партия большевиков во главе с товарищем Лениным победила в Октябрьские дни. Он говорит о двух первых декретах нового, Советского правительства — о мире и о земле.

Но хотя Рыжиков говорит очень простыми словами, Митя никак не может сосредоточиться, чтобы понять все сказанное. Ему мешают сталкивающиеся друг с другом мысли: куда повели барышника, где полковник Функендорф? Рука атамана Ваньки Шатунова лежит на плече Мити, а лицо его, обычно такое сосредото-

ченное, сумрачное, расплылось в широкой, счастливой улыбке.

Падают, падают хлопья снега. Куда ни взглянешь — белым-бело. И в белизну эту падают, как хлопья, негромкие слова Рыжикова:

Вставай, поднимайся, рабочий народ! Так в песне нашей говорится. Вот мы и поднялись всей громадой и даем бой решительный буржуям да помещикам. И победили, потому как не могли не победить, коли весь народ с нами. Но успокаиваться никак невозможно. Классовый враг наш не сложил еще оружие. Призываем вас к революционной сознательности и к революционной дисциплине. На этом все, дорогие товарищи!

Комиссар Субботин поднял вверх дулом свой маузер, гаркнул на всю площадь: «Да здравствует власть Советов!», и выстрелил в воздух. И вдруг в ответ на резкий, как щелчок бича, пистолетный выстрел, словно бы его тысячеголосое эхо, грянул оглушительный удар и зазвенели стекла, а с соборного купола пополз и обрушился на головы людей снег.

«Пушка», — мелькнула мысль, и Митя почувствовал, как сжала и отпустила его плечо рука Шатунова, как грозно нахмурился комиссар Субботин.

— Так и пушка не стрельнет, — уверенно обронил атаман. — Больно сильно. Взрыв это, а не пушка.

Но, как через несколько минут выяснилось, все же то была пушка. Пушка «времен Очакова и покорения Крыма», вызванная из своего бронзового молчания суетливыми действиями Портного, она действительно выстрелила, но при этом разорвалась, отрывнув назад весь огонь и всю смерть, которыми ее набили. Артиллерист умер сразу, а Портному оторвало руку по самый локоть, им занялся доктор Палилов.

Митинг кончился, и Митя побрел домой.

Дома его поджидают сюрпризы.

Только успел он рассказать маме обо всем, что произошло на соборной площади, и мама его легонько пожурела за то, что всюду сует свой нос — того и гляди, прищемят, только если они с мамой обедать, как в комнату без стука вошла Лидия Эдуардовна.

Ни разу еще не видел ее Митя такой разъяренной и страшной. На желтоватой коже проступило множество ярко-малиновых, как оспины, пятнышек. И все лицо дергалось, словно сведенное судорогой.

— Прошу немедленно покинуть мой дом, — пронзительно выкрикнула она, едва переступив порог комнаты. — Этот отвратительный мальчишка шпионил за моим мужем. За все хорошее, что мы вам сделали... Немедленно, сию же минуту, вон из моего дома!

И тут мама показала характер.

— Прежде всего, возьмите себя в руки и перестаньте кричать, — сказала она железно-спокойным голосом. — За ваше гостеприимство, Лидия Эдуардовна, я платила вам деньги, и немалые. Причем всегда за месяц вперед.

— Я сейчас же брошу вам в лицо эти жалкие гроши, — воскликнула Лидия Эдуардовна, но уже не так громко. И никаких денег не бросила.

А мама сказала:

— Мне и самой неприятно оставаться в вашем доме. Ваш муж не имел никакого морального права привлекать Митю — десятилетнего ребенка — к каким-то темным делам. Да еще подкупать его. Фу, как гадко! Но мы уедем из вашего дома тогда, когда мне это будет удобно. Повторяю, я уже заплатила вам за будущий месяц.

Конечно, мама вовсе не собиралась жить в доме Функендорфа еще целый месяц. Она лишь осадила Лидию Эдуардовну, поставила ее на место.

И через три дня они уже перебрались в дом Зеленовых.

Мите жаль Шурика... И «медвежатника», пожалуй, еще жалче. «Медвежатник» пришлось вернуть Лидии Эдуардовне.

Мама называет дом Зеленовых Ноевым ковчегом. Кто только там не живет! И хотя на фасаде, выкрашенном в светло-охровый цвет, всего только шесть окон, дом куда вместительнее, нежели функендорфский.

Да, он только представляется небольшим, но стоит лишь войти в калитку — и сразу видно, что всей своей длиной уходит он в глубину, во дворик, за которым есть сад, а в саду еще два флигеля.

В самой просторной, угловой комнате живет бледный, хмурый человек — Михайлов. Про него Николай Николаевич Багин, другой жилец дома, сочинил песенку:

На Мещанской улице
В доме Зеленовой
Поселился Наркомпрода
Инструктор суровый.

Наркомпрод — значит Народный Комиссариат продовольствия. А с продовольствием дела идут худо. Ну, совсем швах! Так что Михайлов на самой главной службе состоит. Это уж точно.

Всего в доме Зеленовых проживает тринадцать, — ух, как плохо! — тринадцать человек, считая, конечно, и детей. Только одного не хватает, чтобы было как в Ноевом ковчеге — семь пар чистых, семь пар нечистых...

Но кого из зеленцов следовало отнести к «чистым», а кого к «нечистым», Митя в ту пору, естественно, не знал.

Не знал он, например, что и братья Балагины, служившие агентами какого-то Центрозакупа, и «суровый инструктор» Михайлов, и нигде не служивший, но и не нуждавшийся Мартынов — офицеры царской армии, состоящие в какой-то конспиративной монархической организации и до поры до времени затаившиеся в богом забытой Черни.

Не знал Митя и того, что большеглазая, коротко стриженная Евгения Вячеславовна не

просто эсерка по убеждениям, но и готовится к покушению на одного из большевистских лидеров.

Не имел Митя понятия и о тайнике, устроенном в большом флигеле, где жил Мартынов. Там, в бывшей библиотеке Зеленовых, за книжными полками сделано было что-то вроде ниши и хранились там револьверы, ручные гранаты и деньги — керенки, царские — в асигнациях и золоте и иностранная валюта.

Евгения Вячеславовна носила за пазухой в особом карманчике маленький браунинг, студент Володя тоже где-то хранил тяжелый кольт и самодельную — особой разрушительной силы — бомбу.

Зиму и начало весны Митя продолжал ходить на занятия к Елизавете Александровне Соколовой.

Как и прежде, занятия начинались в десять утра и заканчивались в два. И Лиза-Лизавета как будто бы оставалась прежней: та же тяжелая, шаркающая походка, требовательность, четкие объяснения, чувствительные подзатыльники и редкие пятерки. И часы в столовой усердно тикали и отбивали часы и половинки. Но все это походило скорее на театральное действие, где все старательно играли заданные режиссером роли, чем настоящее дело. Куда поступать? Какие еще экзамены, когда во всей России что-то трещит по всем швам, рушится, обваливается и меняет формы?

Дотянув кое-как до марта, Елизавета Александровна заявила, что продолжать занятия не имеет смысла.

— К поступлению вы вполне готовы, — сказала она ребятам. — Никакой экзамен вам не страшен. Вопрос лишь в том, когда и куда намерены вы теперь поступать. Но это уже дело ваших родителей.

Распалась и шайка «Черных дубин».

Начать с того, что Сенька Дмитриев посулил атаману «нож в бочину» за своего отца, которого куда-то «упекли» большевики. И если бы не исключительная ловкость и жилистость Шатунова, наверняка сдержал бы слово, так как драка была страшнейшая и Сеньке подсоблял Иван-левша. Но Ванька с обоими справился, отнял у Сеньки финку и так измордовал, что тот две недели ходил с синяками. Левше тоже несладко пришлось. А у атамана только широкий порез на ладони — зацепил его все-таки Сенька острым своим ножом.

В одно памятное для Мити летнее утро Шатунов появился в доме Зеленовых.

— Выйдем-ка наружу, Митюха, — предложил он. — Разговор у меня к тебе очень даже серьезный.

Вышли в сад. Невелик он — зеленковский садик, но в нем есть несколько прямых, как часовые, лип, кленов, роняющих узорчатую тень на дорожки, посыпанные песком, кусты сирени и даже один кедр.

— Вот, браточек, какая петрушка, — начал Шатунов, и белая лента улыбки перехватила его смуглое, как у цыгана, лицо. — Батя мой

прибыл. Дело у него есть в Укомпарте. Как закончит, так мы с ним в Тулу и подадимся.

— Значит, уезжаешь... И ты! — горестно воскликнул Митя. — Все, ну все уезжают из Черни. А мне что делать?

— Об этом и разговор. Хочу тебя при особом месте оставить. Скучать ни в каком разе не приходится...

Митя замер.

— Говорил, значит, со мной товарищ Рыжилов, — продолжал бывший атаман неторопливо и веско: «Ты, — говорит, — Иван, подходящий для нас оказался, но задерживать тебя прав не имею. Но, — говорит, — может, имеешь ты на примете какого-нибудь паренька, помозговитее да половчее. На свое, так сказать, место». Ну, я сразу же, Митюха, о тебе подумал. Идем сейчас к товарищу Рыжилову. Там все и решим.

— В ревком? — неуверенно спросил Митя.

— Теперь он уисполком зовется. А товарищ Рыжилов в председателях. А я при нем курьер. Ну, на всяких там посылках.

«Курьер уисполкома». Звучность двух слов поразила воображение Мити.

Товарищ Рыжилов сидел за столом в накинутом на плечи пиджаке и что-то писал. Стол был совсем простой, кухонный, но покрытый алым кумачом. Чернильница у товарища Рыжилова — самая обыкновенная «непроливайка».

— А-а... Это ты, Иван, — Рыжилов отложил в сторону школьную ручку. — Что за мальчонка с тобой?.. — И сразу же под усами вспыхнула улыбка. — Ба! Старый знакомый. Кажись, Митей зовут? Здорово, дружище. — И крепко пожал мальчику руку. — Как живешь, что поделываешь?

— Ничего... не поделываю... Читаю, играю иногда... А занятия наши кончились, — несколько неуверенно сообщил Митя.

Но Ваня предпочитал сразу же брать быка за рога.

— Замену привел, товарищ Рыжилов. Думаю, вполне подходящий парнишка.

— А не маловат он, по-твоему? — спросил Рыжилов.

— Это, конечно, есть, но зато вполне грамотный, — твердо ответил Шатунов.

— Сколько лет тебе, Митя?

— Скоро одиннадцать, — солидно соврал Митя и даже ни чуточки не покраснел. Ведь и на самом деле ему уже три месяца шел одиннадцатый год.

— А родители твои, Митя? Мать и отец. Они что скажут?

— Папа в Туле работает. Раньше по акцизной части, а теперь в губсоюзе химиков. А мама... Мама, наверное, ничего не скажет. Ведь у вас баклуши бить не придется?

— Что верно, то верно!

Митя ждал решения.

— Что ж, попробовать можно, — сказал, наконец, товарищ Рыжилов. — Дадим тебе, Митя, испытательный срок. Будешь приходить

в уисполком к девяти часам. И до двенадцати. Чтобы мамка твоя на нас не сердилась...

— Я, выходит, не буду, как Ванька, курьером уисполкома? — едва сдерживая дрожь в голосе, спросил Митя.

— Именно будешь... Но по возрасту — не целый день, а три часа. Согласен?

— Конечно, согласен. Только я и больше трех часов, товарищ Рыжилов, могу...

Когда Митя и Шатунов вышли из уисполкома, Ванька сказал:

— Порядок, Митюха. Только вот что я тебе скажу. Не трепись ты в зеленовском доме о том, что на должность поступил. Держи язык за зубами.

— А как же с мамой? Ведь мне теперь каждый день к девяти часам уходить надо?

— Ну, мамке, положим, сказать придется. Может, что и придумаеете с ней: будто, к примеру, на занятия какие-нибудь ходишь. Потому нюхом чую — контриков в зеленовском доме полным-полно.

И Митя последовал мудрому совету бывшего своего атамана. Маме, понятно, рассказал все подробно.

— Хлеба по фунту выдавать обещали. И даже сахар, — говорил он, полагая, что именно продукты, которые он будет получать в уисполкоме, должны произвести на маму решающее впечатление. Ему же, по правде сказать, продукты казались чем-то совсем незначительным. Главное в самом деле. Главное в его причастности к борьбе.

— С продуктами день ото дня становится труднее и труднее, — сказала мама. — Так что твой фунт хлеба, Митюша, как раз кстати.

Молодец мама! Честное слово, молодец!

— Но ты, мамочка, пожалуйста, никому пока не говори, что я стал курьером уисполкома.

— Секрет?

— Да вот Ванька Шатунов так сказал. Контриков у нас много.

— Контриков? — мама, кажется, не знала такого слова.

— Ну, контра. Те, что против революции, и вообще...

— По-ни-маю...

Товарищ Рыжилов не слишком загружал Митю. Пошлет с пакетами на почту или там в укомпарт и упродком. Иной раз скажет: «Перепиши-ка набело вот эту бумагу». Во всем уисполкоме одна-единственная пишущая машинка «Ундервуд». Старая-престарая. И без буквы «р». А у Мити, если бумага линованная, выходило неплохо: прямые округлые буквы, с нажимом, где следует.

Ровно в двенадцать Рыжилов говорил Мите:

— Иди, гуляй. Да паек не забудь у завхоза получить. До завтра!

Потолкавшись некоторое время среди работников уисполкома и укомпарта, Митя стал уже кое-что понимать в событиях, потрясавших Россию.

А в доме Зеленовых за общим чаем, несколько не таясь и не стесняясь, говорили, что

«большевикам капут приходит». Мол, допрыгались! И называли разные имена, совсем не те, что слышал Митя в уисполкоме. Генерал Краснов. Генерал Юденич. Адмирал Колчак. Генерал Деникин.

Чем труднее становится общее положение республики, тем оживленнее и веселее становится в доме Зеленовых. Будто наступает рождество или пасха.

Вечерами в доме продолжались игры и танцы.

...Лето набухает синевой, жаром, многоцветьем. Гуще запахи меда и трав. И все больше дел у курьера уисполкома. Как-то само собой получилось, что Митя стал проявлять недисциплинированность, не обращал внимания на рыжиковские «иди гуляй» и оставался выполнять его поручения. Теперь в уисполкоме и в укомпарте все чаще говорилось о мобилизации партийцев в ряды Красной Армии, о продразверстке — в больших промышленных городах по улицам гулял голод, союзник белых генералов и интервентов.

У товарища Рыжикова — чахотка, заработанная в сырых и темных казематах, где осталась по крайней мере четверть всей его жизни. Вот и отказывают ему в просьбах и требованиях отправить его биться с белогвардейщиной. Угрюмым стал, раздражительным. На Митю иногда покрикивает. Но Митя не в обиде... Очень хорошо понимает он товарища Рыжикова, — он и сам, будь чуть постарше, убежал бы на гражданскую войну.

Однажды показалось Мите, будто бы за одну ночь постарел товарищ Рыжиков лет на двадцать по меньшей мере.

Не дождавись Митиново вопроса, глухо сказал:

— В Ленина вчера стреляла гадюка одна. Во Владимира Ильича. Вот, брат, несчастье-то какое!

— До смерти? — с ужасом спросил Митя.

— Ранила только. Но тяжело очень. И будто бы отравленной пулей.

— В самого Ленина контрики стреляли, — рассказывал Митя вечером маме.

— В ужасное время мы с тобой, Митенька, живем. Война. Братоубийство. Покушения.

— Так ведь революция, мама!

— Бедный ты мой мальчик! Тебе ведь еще десять лет...

— Ну, теперь мне скоро одиннадцать. И сам товарищ Рыжиков назвал меня юным большевиком. И я иногда играю с Мишей...

— ...В войну и революцию.

— Еще как! Ты видела, какую мы пушку из водопроводной трубы сделали? Как настоящая. А флигель, где жил Вольф Вольфович — будто штаб белогвардейцев, и мы его обстреливаем.

Флигель, о котором шла речь, пустовал. С самим зеленовским домом происходило что-то странное. Он состарился буквально на глазах. Он стал слепнуть: стекла окон в нежилых комнатах потеряли блеск. Стремительно зарастали сорняком клумбы, крапива поднялась до Митиной груди.

Год, прожитый в Черни, как бы приподнял Митю над его возрастом. И когда — наконец-то! — из Тулы приехал отец и они поговорили между собой по-мужски, было признано, что Митя полностью освободился от влияния бабушкиных и тетушкиных юбок и даже научился самостоятельно мыслить. Из этого же разговора Митя выяснил две важные вещи. Папа одобрял новую власть. Это первое. А второе, жизнь Мити должна перемениться. Папа затем и приехал, чтобы сказать маме, что Тульский губсобрес предлагает ей должность заведующей большим детским домом, который только что открыт в бывшем имении Челищевых, вблизи Тулы. И хотя Митя уже привык к обществу взрослых, он обрадовался — двести ребят. Совсем неплохо.

Прощаясь с Митей, товарищ Рыжиков так сказал:

— Ну, Митя, дорогой мой, теперь путь наш — к всемирной революции. Так и знай.

Он дал уисполкомовские сани, чтобы доехать до станции Скуратово, и особый мандат на получение места в поезде.

В санях, тепло укутанный, сидя между матерью и отцом, по белой поскрипывающей дороге ехал Митя Муромцев к Скуратову и еще дальше...

сот — мужчин, женщин, детей. Поднятая по тревоге береговая охрана не смогла остановить этот поток. Индейцы разбили лагерь вокруг здания тюрьмы.

По утрам Ричард Дейкс находился на набережной. Его обступала толпа газетных репортеров. «Чего вы хотите?»

Дейкс объяснял:

— Мы хотим создать в зда-

рожных вагонах, в глинобитных хижинах и домах из картонных коробок. Иногда компаниями им служат ободранные машины с автомобильных кладбищ. И это в одной из самых богатых стран мира!

Мы хотим быть людьми и жить так же, как вы. Почему вы нам в этом отказываете? Отсюда, с Алькатраза, мы сделаем первый шаг от крайнего

СМЕРТЬ ТЕКУМСЕ

С картины Джорджа Кэтлина. Национальный музей, Нью-Йорк

нии тюрьмы, университет, а также центр индейской культуры. Мы хотим, чтобы правительство признало наше право на эту землю.

Сегодня нас на территории Соединенных Штатов осталось немного. Вы, бледнолицые, любите цифры. Так вот, вы считали, что нас осталось 523 921 человек. А когда вы впервые высадились на нашу землю, нас было полтора миллиона. Это вы тоже считали.

Я скажу вам и другие цифры. Если белый живет в среднем 70 лет, то индеец всего 44 года. Из 150 000 наших детей только 5000 получили школьное образование. Из 100 000 трудоспособных мужчин у нас 50 000 безработных. Почти 90 процентов наших людей живут в жилищах, которые само вашингтонское Бюро по делам индейцев называет «возмутительными». Они спят в отслуживших свой век железнодо-

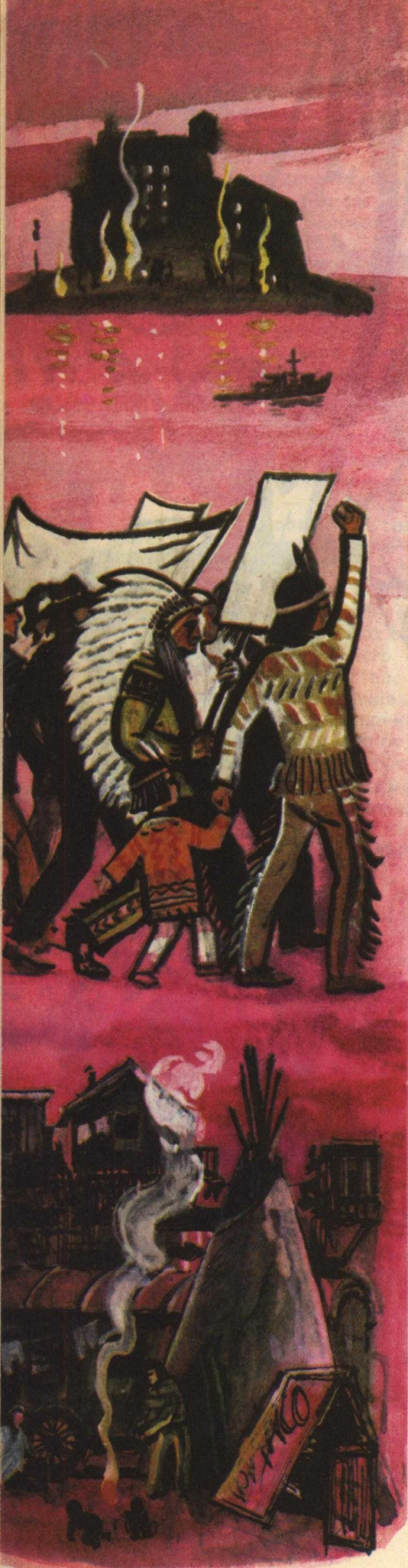
отчаяния к надежде на лучшую жизнь!

Через три дня власти штата сделали, наконец, первый ответный ход — перекрыли водопровод, по которому на остров подавалась пресная вода, и выключили электричество. Затем стали задерживать родственников тех, кто поселился на Алькатразе.

А еще через несколько дней, воспользовавшись тем, что большинство взрослого населения находилось на материке для закупок провизии, арестовали тех, кто остался на Алькатразе — в основном женщин и детей.

Эта операция по захвату острова носила название «ПАРК». Руководил операцией государственный прокурор Джеймс Браунинг. Для того чтобы успокоить индейцев, Браунинг от имени властей обещал разбить на Алькатразе национальный парк.

Весть об оккупации Альта-траза подняла волну возмущения среди индейцев. В Чикаго они захватили несколько правительственных зданий, привлечь внимание страны к требованиям индейцев. Руководители «Каравана» получили заверения, что они получат возможность встре-

Дан Игл, вождь магавков, выступает перед индейцами своего племени в резервации под Монреалем (Канада). Через некоторое время после этого выступления он был убит расистами

расположенных в бухте Бельмонт на озере Мичиган. В Нью-Йорке устроили манифестацию перед зданием Музея национальной истории. На статуе бывшего президента Теодора Рузвельта, установленной перед входом в музей, они вывели красной краской: «Верните Альтаказ!»

Манифестанты не случайно избрали статую Теодора Рузвельта для надписей протеста. Скульптор изобразил Рузвельта горделиво восседающим на коне, к стременам которого в униженной позе припали индеец и негр.

Ранней осенью 1972 года индейцы организовали поход в столицу США. Он вошел в историю под названием «Караван нарушенных договоров». Три автоколонны из Лос-Анджелеса, Сан-Франциско и Сиэтла через всю страну двинулись в Вашингтон. По дороге к ним присоединялись негры, белые, люди прогрессивных взглядов, борцы за равенство. «Караван» должен был прибыть в Вашингтон перед президентскими выборами и

таться с высшими должностными лицами и обсудить с ними свои жалобы и предложения.

Обещание не было выполнено. Озлобленность индейцев достигла крайности, когда солдаты не пустили их на Арлингтонское кладбище, где они хотели почтить могилы индейцев-героев, павших в первую и вторую мировые войны.

Колонна разъяренных людей двинулась к зданию Бюро по делам индейцев и заняла его.

Власти потребовали, чтобы индейцы очистили помещения Бюро к 18 часам 6 ноября.

К зданию Бюро была стянута полиция. Солдаты Национальной гвардии, вооруженные винтовками с оптическими прицелами, заняли крыши близлежащих домов. Над городом кружили военные вертолеты.

Катастрофа была предотвращена в последний момент.

Прошло два месяца. И в газетах снова появились тревожные сообщения. В них настойчиво повторялись слова: Пайн-Ридж, Вундед-Ни.

Для молодых американцев эти названия мало что говорили. Но старики еще помнили...

Именно здесь, в штате Южная Дакота, у излучины небольшой реки Вундед-Ни (Сломанное Колено), где сейчас стоит поселок Пайн-Ридж, 29 декабря 1890 года произошла одна из самых кровавых драм в истории «умиротворения» индейских племен.

Группа индейцев сиу под предводительством вождя Большая Нога, спасаясь от преследований властей штата, шла в Пайн-Ридж. Старики, женщины и дети надеялись найти защиту и помощь у последнего из великих вождей — Красного Облака. Наступала ночь. На берегу реки Вундед-Ни индейцы поставили свои вигвамы и устроились на ночлег. Ночью их окружили солдаты правительственных войск. Артиллеристы поставили на холме две скорострельные полевые пушки.

Утром индейцам приказали сдать все оружие. Но после того, как приказ был исполнен, солдаты начали обыскивать вигвамы и у молодого индейца по имени Черный Койот нашли «винчестер». Черный Койот был глухим и не слышал приказа. Когда у него отнимали винтовку, прогремел выстрел. С холма загремели залпы. Индейцы схватились с солдатами врукопашную. Их расстреливали в упор из револьверов. По убегающим открыли огонь пушки. Шрапнель порожала детей, женщин, стариков, воинов. Через сорок минут все было кончено. Триста трупов лежали на грязном снегу. Дымилась рухнувшие, изодранные в клочья вигвамы.

И вот снова, через 83 года после той резни, сообщения из Вундед-Ни:

Резервация апачей в Нью-Мексико

«27 февраля 1973 года около двухсот молодых активистов организации «Движение индейцев за свои права» с оружием в руках захватили поселок Вундед-Ни и потребовали немедленного расследования в сенате всех нарушений договоров, заключенных с вождями индейских племен, прекращения дискриминационной политики, проводимой федеральным бюро по делам индейцев, увеличения ассигнований на их нужды».

69 дней занимали поселок Вундед-Ни сиу. По всем правилам фортификации были построены вокруг траншеи, блиндажи, завалы и выставлены наблюдательные посты. Несколько раз вспыхивали жестокие перестрелки между индейцами и агентами Федерального бюро расследования, перекрывшими единственную дорогу в Вундед-Ни — Тропу Большой Ноги. Иногда над поселком на небольшой высоте проносились, сотрясая воздух реактивным ревом, военные самолеты.

На 70-й день осады поселка власти наконец заверили вождей индейцев, что на этот раз все их требования будут внимательно изучены и, по возможности, удовлетворены.

— И снова — в какой уж раз! — индейцы поверили.

В городах Сент-Поле и Су-Фоллсе идут сфабрикованные властями судебные процессы над индейцами. Американская пресса замалчивает эти события.

В резервациях многих племен тревожно рокочит бубны. Песня Скорби поднимается над вигвамами. Старая песня:

«Я вижу в воображении фигуру удаляющегося белого всадника. На земле моей смерть. Мой брат лежит в крови. И моя мать. И мой отец. И мой дядя. И мой ребенок. И весь мой народ. Эта картина встает передо мной тысячу раз, словно мираж в прерии...»

Но есть уже и другая песня: «Мой народ не умер и никогда не умрет. Придет время, когда земля засмеется. И люди будут братьями не на словах, а сердцами».

СООБЩЕНИЯ С КОРАБЛЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Наука, изучающая подводные находки — очень молодая наука — подводная археология.

Экипаж «Виктории» (Ленинград)

Разыскивая что-нибудь на морском дне, ученые пользуются подводным телевизором и магнетометром (для обнаружения металлических вещей и керамики).

Экипаж «Кон-Тики-16» (Свердловск)

ВСЕМ УЧАСТНИКАМ ЭКСПЕДИЦИИ

Уже в который раз боцман Румпель погружался под воду. Все глубже, все дальше от берега осматривал дно. Как-то утром он плыл над зарослями подводных растений. Светлые пузыри выдыхаемого воздуха, увеличиваясь, стремительно взлетали к поверхности. Мелкие рыбы шныряли здесь и там. «Снова ничего...» — подумал боцман. Как вдруг...

КАК ВДРУГ...

«Как вдруг он заметил на ровном дне подозрительную выпуклость. Расчистив песок и обломки кораллов, Румпель обнаружил предмет цилиндрической формы... Обвязав канатом находку, Румпель поплыл вверх, где в тузике его ждал Быстроходов».

— Нашел! — помахал рукой боцман. — Кажется, то, что искали... Выбейте канат...

Темный тяжелый пенал с трудом перевалили через борт. Сдвинули винтовую крышку. Внутри был пакет в промасленной бумаге...

— Карта! — воскликнул Быстроходов. — Старинная карта! Удивительно... — добавил он, разобравшись в надписях. — Знаете, Румпель, в чем дело? Когда-то этой карте цены не было... Начало XIX-го века... Русские корабли уже ходили вокруг света, исследовали моря и океаны. Не всем это было по вкусу... Перед нами — точная карта кругосветного плавания русского брига «Рюрик»... Бригу было поручено отыскать северо-западный проход и разведать новые пути вокруг света... Кое-кто, видимо, тщательно следил за походом «Рюрика». Копию карты плавания ожидали некие заинтересованные люди: в те времена (а это были 1815—18 годы) карта была настоящим кладом! Но корабль, который вез пенал с картой, судя по всему, затонул возле Питкерна... Что это был за корабль и чей — теперь уже не имеет значения... Карта плавания стала историей. Славной историей... Те, кто разыскивал пенал в наши дни, очевидно, слышали о ценных бумагах, не зная точно, что это за бумаги... Тайну пенала мы раскрыли. Можем возвращаться на родину...

Наш отряд носит имя Валерия Лялина, героя Новороссийского десанта. В этом году мы встретились с Валерием Лялиным, когда он приезжал в наш город. Герой подарил нам фотографию времен Великой Отечественной войны.

*Новороссийск, школа № 28,
отряд им. В. Лялина*

Оформление А. Курушина

ВСЕМ ЭКИПАЖАМ

1. Составить карты кругосветных плаваний русских кораблей, которые вы знаете.
2. Какие важнейшие открытия были сделаны во время этих плаваний?
3. Приготовиться к дальнему переходу остров Питкерна — Ленинград, проложив наиболее выгодный маршрут, учитывая ветра и течения.

* * *

За рекою голубою
Лес раскинулся густой.
А за лесом деревушка,
В деревушке семь домов.
В каждом домике собака
И, конечно, ружьецо.

Юра Елохов, 10 лет,
поселок Яйва Пермской области

Рисунок
Т. Капустиной-Хонен

8

ВОЗДУШНЫЙ МАСТЕР

В небе иголкой
Стал самолет!
Эй, посмотрите,
Как ловко он шьет!

Белую ниткою
В синей дали
Сделал он сразу
Четыре петли!

Ефим Руженцев
Рисунок
Т. Капустиной-Хонен

Рисунок П. Швеца

ВОЛШЕБНИК

Александр Аллан Милн

Живет-поживает старик, говорят.
Седой бороною до самых до пят
Он кутает ноги уснувших ребят,
И знает он все на свете.

И ночью, и днем беседы с котом
Ведет он подолгу об этом, о том,
Волшебную шляпу наденет потом
И пишет в своем кабинете.

Он всю свою жизнь (а он старый ужасно)
Работал упорно (пока что напрасно)
Над чудо-заклятьем (вот было б прекрасно!),
Которое стоит любому сказать,

И конь деревянный как птица помчится,
Невкусная каша в компот превратится,
И много чудес еще может случиться.
Но я обо всех не могу рассказать.

Перевел с английского Евг. Юдин

4

УМНЫЙ ГУСЬ

Один гусь гулял во дворе и нашел сухую корку хлеба. Вот гусь стал клювом долбить эту корку, чтобы ее разломать и съесть. Но корка была очень сухая. И гусь никак не мог ее разломить. А сразу проглотить всю корку гусь не решился, потому что это, наверное, не полезно для гусиного здоровья. Тогда я хотел разломать эту корку, чтоб гусю легче было кушать. Но гусь не позволил мне дотронуться до своей корки. Наверно, он подумал, что я сам хочу ее съесть.

Тогда я отошел в сторонку и смотрю, что будет дальше. Вдруг гусь берет клювом эту корку и идет к луже. Он кладет эту корку в лужу. Корка делается в воде мягкая. И тогда гусь с удовольствием ее кушает.

Это был умный гусь. Но то, что он не дал мне разломать корку, показывает, что он был не такой уж умный. Не то чтобы дурак, но немножко он отставал в своем умственном развитии.

Михаил Зощенко

ТЮЛЕНЬ И ТЕТЯ МОТЯ

Один тюлень ехал в электричке. Он вез землянику своей бабушке, потому что на Северном полюсе нет земляники.

Электричка шла от Земляничного бугра через Ленинград прямо на Северный полюс. Тюлень лежал на скамейке и читал газету. Он читал газету совсем без очков, потому что глаза у него были увеличительные. В газете он читал только сказки. А так как сказки в газете не печатают, он их просто придумывал.

— Ах, какая земляничка! — сказала тетя Мотя. Она ехала на Северный полюс за льдом, потому что у нее испортился холодильник. Тетя Мотя вязала спальный мешок, чтобы спать в нем на Северном полюсе, и уже часто зевала.

— Ах, какая земляничка! — сказала она снова.

Тюлень посмотрел на тетю Мотю своими увеличительными глазами и увидел ее большой и доброй.

— Возьмите! — сказал тюлень. — Отведайте!

А тетя Мотя была маленькая и злая. И на самом деле она ехала на Северный полюс не за льдом, а потому, что нигде ни с кем ужиться не могла. А перевоспитываться она не хотела. Вот ей и пришлось ехать на Северный полюс.

Тетя Мотя быстренько схватила корзинку и съела всю землянику.

— Ам-ням-ням! — сказала она и вытерлась платочком.

Потом она залезла в недовязанный спальный мешок и сделала вид, что уснула. Из мешка торчали только ее ноги в малиновых ботах.

Тюлень растерялся, а потом из его увеличительных глаз выглянули увеличительные слезы.

Тетя Мотя увидела это в шерстяную щелочку. А так как она любила смотреть по телевизору фильмы про охрану животных, ей стало капельку стыдно. А потом еще стыднее. А потом так стыдно, что тетя Мотя закричала:

— Я больше не буду! Никогда! Честное слово!

— Было очень вкусно? — спросил тюлень.

— Очень даже! — сказала тетя Мотя. — Как вспомню, так дух захватывает!

— Ну ладно, — сказал тюлень, — я вернусь и наберу еще.

Хоть не так уж легко собирать тюленю землянику.

Александр Лесняк
Рисунки Г. Ясинского

РОСЛИ МЫ С ДРУГОМ, РОСЛИ. . .

Росли мы с другом, росли. . . Росли, росли. . . Выросли. Я — ростом со слона, весом со слона и видом слон. А друг — ростом с ежа, весом с ежа и видом еж.

— Эх, ты, — сказал он, — слонем сделался. А был мне друг.

— Я тебе и есть друг, — сказал я.

— Ты мне есть слон, — отрезал еж. — Вот ты мне кто есть. Слон! Слон! Слон! . . .

А потом тихо так спросил:

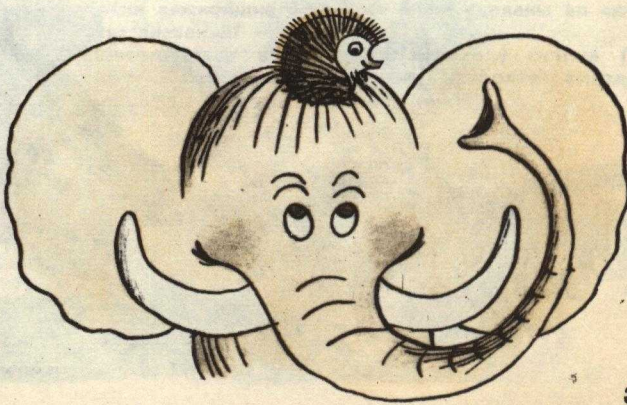
— А я тебе есть еж, да?

— Ты мне — друг, — сказал я. — Друг, который еж. Хочешь, я тебя покатаю?

И еж по хоботу забрался ко мне на голову, сел там поудобнее и шепнул прямо в ухо:

— А ты слон, который настоящий друг. . . и еще умница. Большое тебе спасибо.

Борис Чебан
Рисунок Г. Ясинского

БУДУТ ПРИНЯТЫ ВСЕ!

Шахмат-адмирал Ферзьбери объявил прием заявок на участие в «Турнире-75».

Кому диплом? Кому приз? Кому спортивный разряд? Все это ждет участников турнира! Поэтому, рыцарь ты АРЧЕБЕКА или еще нет, пиши заявку.

Писать следует на почтовой открытке. Укажи, в какой из турниров (шахматный, или шашечный, или желяющих научиться играть) тебя включить, а также фамилию, имя, класс, разряд, адрес.

Приняты будут все!

ТЫ САДИШЬСЯ ЗА ДОСКУ

Бывает, что партия заканчивается матом королю при полной доске фигур. Но чаще победитель выявляется лишь в эндшпиле, когда фигур уже мало, объявить ими мат невозможно и борьба ведется за проведение пешки в ферзи.

Окончаний изучено много. Какие из них ты знаешь?

Вот позиция — белые: Kpd5, Ce5, п. c5; черные: Kрс8. Что здесь? Ясно, что белые выигрывают: пешка легко проводится в ферзи. А если все сдвинуть на ряд влево? Тоже выигрыш. А если еще на ряд влево? Получится — белые: Kpb5, Cc5, п. a5; черные: Кра8. Что здесь? Тут, оказывается, ничья! Смотри:

1. Kpb6 Kpb8 2. a6 Кра8 3. a7 — пат. Или — 3. Cd4 Kpb8 4. a7+ Кра8 5. Kpb5 Kpb7. Ничья.

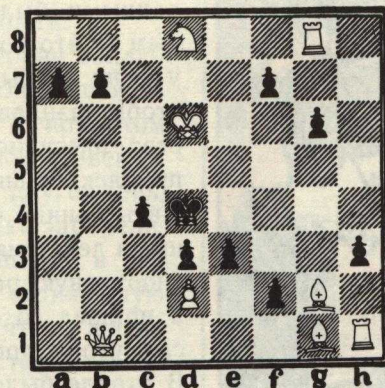
Итак, запомни: если у тебя слон и ладейная пешка против короля, пробравшегося в угол, и если слон твой чернополюсный, а поле превращения твоей пешки — белое, то провести ее не удастся.

КТО СКАЗАЛ ЧТО?

— Смотрите, какое смешное положение! — закричал Полузнай, показав на эту диаграмму Знаю и Незнаю.

Все трое стали разглядывать позицию.

— Тут, наверно, белые выиграют... Все-таки у них фигуры, а у черных только пешки, — сказал, наконец, (кто?).

— На диаграмме ошибка! А если ее исправить, то белые сразу дадут мат. Моментально! — заявил (кто?).

— Откуда ты знаешь, что на диаграмме ошибка? Ты же не видел, как эта партия игралась. Может, она так и игралась, что именно это положение получилось! — возразил (кто?).

СДАЙТЕ ЭКЗАМЕН ПЕШКОЕДОВУ!

Представьте, будто вы белыми играете три партии:

№ 1. 1. g3—f4 f6—e5 2. f2—g3 e7—f6 3. a3—b4 b6—c5. Как вы теперь выиграете шашку?

№ 2. 1. c3—d4 d6—c5 2. d2—c3 f6—g5 3. g3—f4 c7—d6 4. d4—e5 b8—c7. Сумеете вы теперь попасть в дамки?

№ 3. 1. g3—h4 b6—a5 2. f2—g3 c7—b6 3. e3—f4 f6—e5. Теперь вы можете выиграть две шашки. Как?

Доблестные рыцари! Кто сдаст экзамен Пешкоедову?

ТРЕНИРОВОЧНАЯ КАБИНА

Заходите, пожалуйста! Сегодня тренировка не утомительная — позиции самые легкие.

Володя Травин (Ляхово) предлагает найти выигрыш в положении — белые: Kpf8, Lg7, Cb1, п. c2; черные: Kph8, Фd5, п. a5.

Витя Кузнецов (Черлак) предлагает задачу — белые: Кра2, Фе7, Cf5, Kb4; черные: Kpd4. Мат в 2 хода.

Юра Селявкин (Воронеж) тоже предлагает двухходовку — белые: Kpd2, Фd7, Cd3, Ka8, Kg8; черные: Kpd4, Cd5.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Турнирные задачи в «Костре» № 8 решаются так.

Шахматы. № 1. 1. Фа3! № 2. Мат в 5 ходов — 1. Ле3! g1K 2. Kp:g6 и т. д. № 3. 1. Се8! Се6 2. Лb8! Cg8 3. Лd8! № 4. 1. Kpg1! Kpd6 2. Kph2 и т. д. № 5. 1. Kpe4! fe 2. Kpd4 Kpf7 3. Kpc5 Kpg6 4. Kpc6! Kpg5. 5. Kpd7! № 6. 1. Kpd7! h2 2. Kpe6 d4 3. Kpf5! d3 4. Kpg4! d2 5. Лd7.

Шашки. № 1. 1. d6! 2. cb4! 3. d4!X. № 2. 1. g7! d2 2. c3! 3. b8X. № 3. 1. g7! d2 2. f4! e1 3. e3X. № 4. 1. h2! f2 2. g1!X. № 5. 1. cd6! 2. d4! 3. cd2 4. d2 5. f2X. № 6. Тут выигрыша нет. Если 1. e5 2. c1 3. f6 e5! (но не g5?) 4. d2 5. h4 6. b8, то 6... fg7! и 7... g6f1 с ничьей.

Шахмат-адмирал Ферзьбери
Рисунки Г. Ясинского

ДЕВЯТИКЛАССНИК

Часто мы смотрим на свои поступки глазами человека, который кажется нам самым главным в жизни.

Когда я учился в восьмом классе, для меня таким человеком был девятиклассник Гена. И я хотел поступать так, чтобы вызвать его одобрение. Я был пионервожатым в четвертом «А», а Гена был членом комитета комсомола нашей школы. Он отвечал за пионерский сектор, то есть являлся моим руководителем. Кроме того, Гена учился на одни пятерки. Кроме того, он был спортсменом, и в свои шестнадцать лет имел второй разряд по боксу. Кроме того, он был скромным человеком и никогда не задавался.

Учиться на одни пятерки — это у меня не выходило. Получить разряд по какому-нибудь виду спорта с моими скудными физическими данными было еще трудней. Вот быть скромным — это получалось само собой, потому что у меня не было никаких оснований для того, чтобы зазнаваться. Но скромность — это качество пассивное, которое само по себе редко привлекает внимание. Мне же хотелось заслужить Генино одобрение какими-нибудь активными действиями. И тогда я решил развернуть спортивную работу в четвертом «а» классе. И я пришел со своим отрядом в Михайловский сад, чтобы провести эстафету «десять по сто». В отряде было три звена, они превратились в три спортивные команды. Я отвел в сторону звеньевых, которые стали капитанами команд, рассказал им, как надо бегать и передавать палочки. И тогда звеньевой третьего звена, то есть капитан третьей команды, сказал, что бегать сегодня нельзя, потому что в ботинках бегать тяжело, а босиком — земля холодная. Это был довольно толстенький звеньевой, который поставил меня в тупик. Он поставил меня в тупик потому, что я не позаботился о тапочках, я просто о них не подумал. А земля, надо сказать, была холодная, потому что был уже сентябрь и собирался наступить октябрь, и к тому же моросил дождик. Звеньевого звали Рома, и он хотел сохранить свое здоровье, свое и всех пионеров. А я хотел провести эстафету «десять по сто». Я очень хотел ее провести, и объявил, что бегать будем босиком. На что Рома возразил, что босиком бегать не будем.

— Эх, ты, — сказал я, — такой толстый, и боишься заболеть. А еще звеньевой!

Но Рома не среагировал на эту подначку. И я понял, что «на ура» Рому не возьмешь. Видимо, наша мужская средняя школа не успела еще воспитать в РOME коллективизм. Можно было утешиться только тем, что перед Ромой лежали еще семь лет обучения — срок, достаточный для воспитательного процесса.

А пока что я собрал всех пионеров в кучу и произнес над ними зажигательную речь, в результате которой все быстро разулись и приняли старт. Рома тоже разулся, хотя я сказал, что мы можем обойтись без него: кто-нибудь сбегает два раза. Но Рома ответил, что раз все побегут, то он побежит тоже, оставаясь, впрочем, при своем частном мнении. Он сказал это какими-то другими словами, свойственными его тогдашнему возрасту. Но я слов этих не помню, а смысл был именно таким.

Самое обидное во всей этой истории заключалось в том, что Гена не похвалил меня за внедрение физкультуры и спорта в четвертом «а» классе. Нет, он не одобрил моего рвения, а напротив, сильно ругал меня на другой день, потому что Рома и еще два мальчика заболели.

Гена стоял на лестничной площадке в рыжем лыжном костюме и, нагнув стриженную под бокс голову, разъяснял мне, что в жизни есть вещи главные, а есть второстепенные. И что спорт, при всей его привлекательности, все-таки второстепенная для человека вещь. Признаюсь, я не очень ему верил. То есть, я понимал, что он прав, но мне не верилось, что человек с такими выдающимися спортивными данными может искренне так рассуждать.

А между тем это было его настоящее убеждение, которое он сохранил в дальнейшей жизни.

Гена стал потом боксером с мировым именем, он был неоднократным чемпионом Европы и Олимпийских игр. Это не мешало ему отлично учиться и заниматься научной работой. Но однажды мы повстречались с ним на Невском, и он сказал, что больше не станет участвовать в соревнованиях, потому что бокс начинает мешать его главным занятиям.

Теперь Гена проректор Ленинградского университета. Фамилия его Шатков.

ДОХОДЫ ПОЭТА

Когда один очень богатый помещик вздумал кичиться перед Пушкиным огромными своими доходами со многих деревень, великий поэт, смеясь, возразил:

— Мои доходы надежнее.

— Как так?

— А как же — в ваших деревнях может случиться и неурожай, и пожар, и наводнение, а моим владениям ничто не страшно.

— Что ж это за владения?

— Тридцать шесть букв русской азбуки.

Следует помнить, что тогда в наш алфавит еще входили буквы і (и), ѣ (ять), Ѡ (фита), Ҁ (ижица), упраздненные позднее.

МЕТКИЕ РЕЧЕНИЯ

Мастером остроумных речений был английский писатель-просветитель Джозеф Аддисон, живший на грани XVII и XVIII веков. Вот образцы его находчивых афоризмов.

Об одном ученом: «Знание его сильная сторона, а всезнайство — слабая».

Или о трусости: «Трус — это человек, который в минуту опасности думает ногами».

Рисунки М. Беломлинского

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ АФАНАСЬЕВ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ТРЕНЕР РСФСР. ОН РАБОТАЕТ В ДЕТСКОЙ СПОРТИВНОЙ СЕКЦИИ ЦСКА ТРЕНЕРОМ ПО ГОРНОЛЫЖНОМУ СПОРТУ. ПОДГОТОВИЛ ПЯТЬ ЧЕМПИОНОВ СТРАНЫ. ОН ХОЧЕТ РАССКАЗАТЬ О НЕЗАТЕЙЛИВОЙ ЗАБАВЕ, КОТОРАЯ ДАЕТ ТЕМ НЕ МЕНЕЕ НАСТОЯЩУЮ ГОРНОЛЫЖНУЮ ПОДГОТОВКУ.

—БОЧАРКИ— ЭТО УВЛЕКАТЕЛЬНО!

говорит Владимир Иванович

Редко теперь увидишь бочарки. У кого нет сегодня настоящих лыж? Склоны любого оврага исчерчены лыжными следами. Как лихо иной юный лыжник мчится с крутой горы! Строишь на такого парня и думаешь: ах, встать бы ему на бочарки да прокатиться бы на них по свежему снегу! Тому, кто так уверенно чувствует себя на горе, бочарки очень понравятся.

Обычные лыжи хороши для прогулок по лесным просекам или парковым аллеям. Кататься с гор на них не очень удобно, тем более управлять в движении. Мастера-горнолыжники вооружены специальными горными лыжами, широкими, прочными, с металлической окантовкой. И ботинки у них специальные — высокие, сделанные из пластика. Быть может, и ты со временем приобретешь такой инвентарь, юный любитель стремительных спусков. А пока, для начала, изготовь себе бочарки. Кататься на них по склонам оврагов куда интереснее, чем на простых лыжах. Если хочешь знать, то именно с бочарок начинали спортивный путь многие горнолыжники, ставшие потом чемпионами страны, неоднократными победителями крупнейших соревнований: и Александр Филатов, и Дмитрий Ростовцев, и Виктор Тальянов, и Талий Монастырев...

А может, ты ни разу и не видел бочарок, не знаешь, что за штуковины такие?

Это не лыжи даже, а просто дубовые клепки от старой большой бочки, отслужившей свою многолетнюю во-

зовозную службу. Прикрепить такую клепку к валенку — дело нехитрое. Как? Посмотри на рисунок.

По размеру подошвы на шести-восьми гвоздях прибьешь кусок толстой фанеры, под которую предварительно заведешь широкий ремень (хорошо бы найти старый пожарный шланг). Ремень подгоняй по валенку, немного на конус, таким образом, чтобы он плотно охватывал весь носок обуви. Передний край ремня — это середина бочарки. Толстый резиновый шнур, заведенный под фанеру примерно под серединой стопы и охватывающий пятку крестом, надежно удержит валенок в конусе ремня. Со стороны скользящей поверхности все гвозди загнешь «по ходу», вобьешь в дерево заподлицо и тщательно обработаешь напильником. Вот и все. Бочарки готовы. Теперь быстрее на склон оврага.

У бочарок есть отличное свойство. Они с одинаковой легкостью скользят и вперед, и назад, и вбок. Но в этом свойстве кроется их коварство. Поначалу даже опытный лыжник рискует позорно шлепнуться в сугроб, потеряв из-под ног столь ненадежную опору. Хочешь не хочешь, а придется вспомнить добрую поговорку: «Семь раз отмерь, один — отрежь».

Право, не стоит на первых порах демонстрировать удале на крутом и буристом да к тому же укатанном склоне. Смелость смелости рознь. Настоящая смелость — не ухарство, а точный расчет, здравая оценка своих сил и возможностей.

ДЕЛАТЬ

ИЗ ЧЕГО

ФАНЕРА

ПОС. ШЛАНГ.

ДЕЛАТЬ

КАК

НА КОНУС

СЕРЕДИНА БОЧАРКИ

ДЕЛАТЬ

УЧИСЬ

КАТАТЬСЯ

БОКОВОЕ СКОЛЖЕНИЕ

ПОВОРОТ

ОПОРА НА
ВНЕШНЮЮ
НОГУ

Для начальных упражнений лучше выбрать ровный пологий участок горы с чуть протоптанным снегом. Здесь быстрее освоишь прямые спуски. Во время движения согни колени, руки немного вытяти вперед, а лыжные палки прижми локтями к телу. Научил-ся крепко стоять на обеих ногах? Теперь попробуй оторвать от снега то одну, то другую ногу.

Перейдем на склон покруче и приступим к боковым соскальзываниям. Руки с палками немного разведены, корпус развернут от склона. Вес тела — на нижней ноге. Вот оно, отличное свойство бочарок! Эх, как заскользили вниз боком, только держись. Ну-ка, резко подай колени к склону. Остановка. Снова боком вниз. И снова команда коленями: стоп. Получилось в ту и другую сторону? Приступай к поворотам.

Из спуска по косой, опершись на правую палку, чуть подал колени вправо, поставил бочарки на ребра — и они сами выпишут на склоне дугу. А теперь опирайся на левую палку, подавай колени влево, врежай в снег левые ребра бочарок: дуга влево. Впрочем, ты все же не устоял на ногах, а растянулся на снегу, потеряв вдруг власть над бочарками. Не беда. Встань, отряхнись и подумай: почему так случилось? Дело, видимо, в том, что ты не успел в момент перевода коленей податься вперед. А может, ты слишком сильно опирался на внутреннюю к повороту бочарку? Как ни странно, но надежней на вираже опираться лишь на одну, внешнюю, ногу, чем на обе. Давай-ка прокатимся еще раз. Вправо, влево, вправо, влево... Видишь, на снегу остается красивый извилистый след?

А теперь забирайся повыше и выходи на глубокий и мягкий снег, где еще не проложено лыжного следа. Разгоняйся смело, пусть веселее искрятся на солнце вслед за тобой сотни крохотных звездочек. Чуть подайся назад — утонул по колено в веселом фейерверке. Подался вперед, подтянул ноги — лихо взлетел над снежной периной. Если след твой похож на ступеньки, значит, правильно выполнил

упражнение и готов к прыжкам через бугры.

Вот они, два невысоких, но очень грозных бугра, которые редко кому удастся проскочить благополучно. Первый поддаст немного по пяткам, а второй тряхнет так, что, не успев опомниться, вылетаешь вниз головой. Подобное было раньше и с тобой. Как же сейчас ты преодолеешь столь сложный участок? А почти так же, как катался по глубокому снегу. Не бойся скорости — это не враг твой, а союзник. На подходе к бугру соберись, сожмись в комок. Вот подкинуло тебя вверх. Главное — не испугаться полета, не расслабиться в воздухе. Подтягивай ноги, подавайся вперед — и твое приземление на скат второго бугра будет мягким и красивым.

Катаясь на бочарках, ты, конечно, придумываешь множество веселых упражнений, увлекательных соревнований, азартных игр. Если на склоне оврага собралось несколько человек, можно, к примеру, устроить такую игру. На расстоянии 5—8 метров друг от друга ставятся две «змейки». Двое участников по команде стартуют одновременно. Кто быстрее пройдет свою трассу? Сбитая веточка штрафных очков не дает, лишь бы ноги обогнули то место, где она стояла.

Другая игра — «воротики». Заключается она вот в чем. По всему склону на расстоянии 10—15 метров друг от друга устанавливаются «воротиками» две веточки по бокам, одна сверху. Между «воротиками» кладется веточка на снег, поперек движения. Задача играющего — проскочить в «воротики», затем перепрыгнуть через лежащую веточку, снова проскочить в «воротики» и снова перепрыгнуть. Если все удачно проходят эту трассу, ее можно усложнить, сдвинув «воротики» вправо и влево так, чтобы играющему приходилось делать прыжок с виражом.

Как видишь, катание на бочарках — увлекательное дело. Очень жаль, что не часто приходится видеть дубовые клепки на ребячьих валенках.

А не прокатиться ли и тебе на бочарках? Правда же, не пожалеешь.

Оформление Н. Андреева

БОЛЬШАЯ СКОРОСТЬ

СКОРОСТЬ НЕВЕЛИКА

„ВРАТАРЯ“ и „НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ“ нарисовал Саша Баранов
из города Есиль Целиноградской области

Пушка № 5181 ответ читателю оформление Г. Никеева	1
Стихи твоих ровесников рисунки А. Гетманского	3
Счастливой дороги очерк В. Максимова оформление И. Латинского	4
Витка Мураш — победитель всех повесть Юрия Томина рисунки А. Пахомова	6
Сталевар стихотворение Л. Куклина рисунок Ю. Клыкова	21
Дружба жива очерк А. Крестинского рисунок А. Аземши	22
Барaban журнал юнкорov оформление Г. Ковенчука	24
Рабочая академия очерк З. Шкапенюка	28
Рейс 14-31-19 рассказ Л. Пантелеева рисунки К. Претро	30
Здравствуйте про „Боевой карандаш“ рассказывает В. Суслon	34
Морская газета	36
Ветер в старых липах главы из повести Вл. Дмитриевского рисунки В. Бескаравайного	38
Тропюю гнева очерк Н. Внукова рисунки А. Януса	51
Экспедиция „Вокруг света“ игра	56
Уголёк журнал для малышей	57
Арчeбек шахматы и шашки	59
Девятиклассник Гeна рассказ Б. Штейна рисунки Ю. Бочкарева	60
Уголок веселого архивариуса	61
Бочарки — это увлекательно спортивный очерк В. Афанасьева оформление Н. Андреева	62
На обложке рисунок С. Острова	

Главный редактор С. В. Сахарнов

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина (и. о. отв. секретаря), А. И. Пантелеев, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погодин, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, В. В. Торопыгин, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор М. С. Беломлиньский

Технический редактор В. И. Мецатунова

Корректор В. А. Маевская

Адрес редакции: 193015, Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76. Рукописи и фотографии не возвращаются

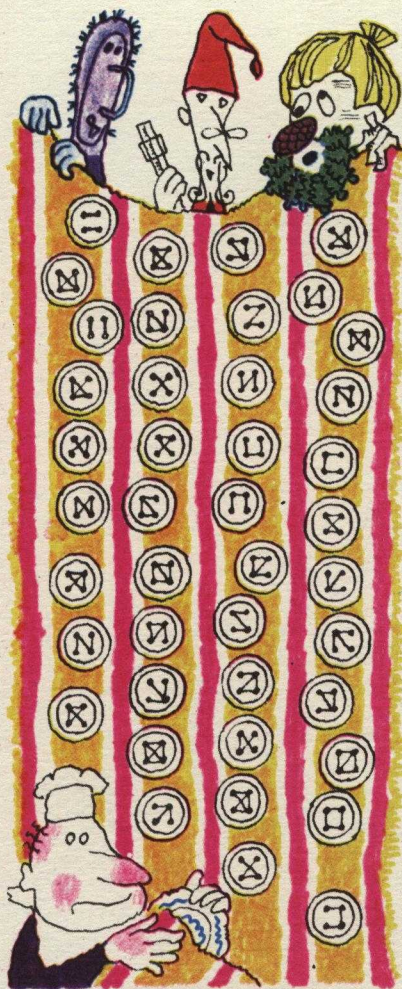
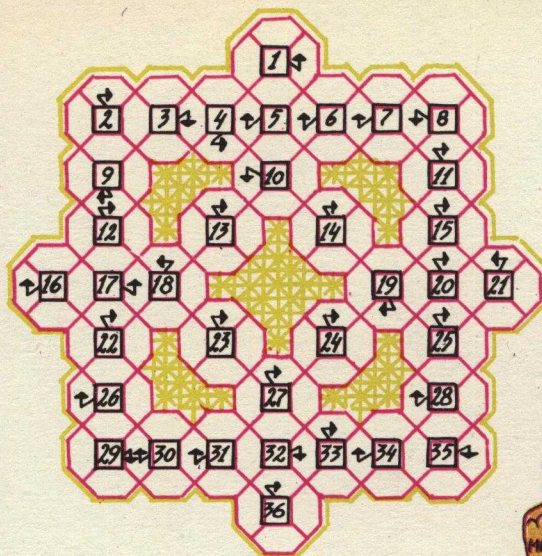
М-28389. Слано в набор 5/VIII 1974 г. Подписано к печати 30/IX 1974 г. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 550 000 экз.-Заказ 3156. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, П-101, Кронверкская ул., 7.

Демьяша, Хуссейн, Сиволапыч и Гном-Гастроном поздравляют с избранием в почетные члены клуба «За семью печатями» двух друзей из города Кстова Горьковской области Лену Пчелину и Иру Голованову. Они чемпионы этого года по количеству присланных кроссвордов. Предлагаем вашему вниманию их общую работу: четырехбуквенный циклокроссворд «Загадки». Отгадки в него надо вписывать вокруг соответствующих номеров, начиная с клетки, где находится стрелка, указывающая направление, в котором пишется слово.

1. «Синенькая шубенка покрыла весь мир».
2. «Махнула птица крылом, закрыла весь мир одним пером».
3. «Конь бежит, земля дрожит».
4. «Летит — молчит, лежит — молчит. Когда умрет, тогда заревет».
5. «На пяти проводах отдыхает стая птах».
6. «Ты за ним, а он от тебя. Ты от него, он за тобой».
7. «Пришли гости — и под лавку».
8. «Рассыпался горох на семьдесят дорог».
9. «Черная корова весь мир поборола».
10. «Полон хлевцев белых овец».
11. «Заря-зоренька ключи потеряла, месяц видел, солнце подняло».
12. «Не море, а волнуется».
13. «Сами верхом, а ноги за ушами».
14. «Ползет черепаха — стальная рубаха. Враг — в овраг, и она — где враг».
15. «Месяц-новец днем на поле блеснул, к ночи на небо слетел».
16. «Сер, да не волк. Длинноух, да не заяц. С копытами, да не лошадь».
17. «Как на поле, на кургане стоит курочка с серьгами».
18. «В землю крошки, из земли лепешки».
19. «Лыко дерет, а лаптей не имеет».
20. «Кругла, а не месяц, желта, а не масло, с хвостом, а не мышшь».
21. «Течет, а не вытечет, бежит, а не выбежит».
22. «Без рук, без ног, а подползан».
23. «Новая посуда, а вся в дырах».
24. «Утка в море, хвост на заборе».
25. «Железный нос в землю врос, роет, копает, землю разрыхляет».
26. «На крайчике, на сарайчике две куколки сидят, обе врозь глядят».
27. «Летом за пахарем ходит, а под зиму с криком уходит».
28. «Встанет — выше коня. Ляжет — ниже воробья».
29. «Что бежит без ног».
30. «Зубовато, серовато, по полю рыщет, телят, ягнят ищет».
31. «Летел пан, на воду упал, сам не ушибся и воду не помутил».
32. «Летом на лугу, а зимой на крыку».
33. «В потемках родится — в огне помирает».
34. «В избе мерзнет, а на улице нет».
35. «У семерых братьев по одной сестрице. Много ли всех?».
36. «В маленьком горшочке каша сладка».

Для очередного XXXIII тома своих сочинений Гном-Гастроном изобрел новое блюдо. Он взял $\frac{3}{4}$ стакана воды, 1 морковь, 1 луковицу, несколько листиков петрушки, 2 горошины черного перца, 1 лавровый лист, половину чайной ложки соли, столовую ложку сахарного песка, 2,5 столовых ложки томата-пюре и собирался отмерить 1,5 столовые ложки растительного масла и 2 чайные ложки уксусу. Но оказалось, что Хуссейн для экономии посуды налил масло и уксус в одну бутылку. Снизу бутылка наполовину была налита уксусом, а сверху — маслом. Как же отмерить отдельно уксус и масло? Хуссейн не сразу раскрыл секрет для того, чтобы все попробовали догадаться сами.

Затем Гном обжарил на масле очищенную и нарезанную морковь, лук, петрушку и залил томатом-пюре. Все это он кипятил 10 минут, потом влил воду, добавил специй и варил еще 15 минут. За 5 минут до конца варки он всыпал сахар, соль и влил уксус. Получился маринад. После этого Гном взял 0,5 кг филе скумбрии, обвалял порции в муке и обжарил на масле. Готовую рыбу он красиво уложил на блюдо, залил маринадом и украсил зеленью. Когда рыба под маринадом остыла, друзья отведали кушанье и нашли его превосходным.

— Как это блюдо называется? — спросил Демьяша.

— Я еще не придумал названия, — отвечал Гном.

— В таком случае, ты недостаточно подготовлен для того, чтобы именоваться шеф-поваром, — заметил Сиволапыч. — Шеф-повар — это такой повар, который для одного и того же блюда может придумать 24 разных названия.

Помогите, ребята, Гному придумать красивое, аппетитное название для его нового блюда.

Ответы на задания № 10.

1. Правильно расставив вопросы перед ответами, из выделенных букв вы получите оценку «отлично».
2. «На крышке рояля» — 1. Бас. 2. Бах. 3. Бизе. 4. Балет. 5. Бемоль. 6. Барабан. 7. Бетховен. 8. Балакирев. 9. Балалайка.
3. «Трижды пять». Слова начинаются с «при-» «пла-» и «кар-».

Демьяша нашел 42 способа пришить пуговицу с 4 отверстиями. Но Сиволапыч обнаружил, что 2 из 42 пуговиц пришиты одинаково. Заметьте, сколько секунд вам понадобится, чтобы найти эти 2 пуговицы. Если менее 1 минуты — отлично. Если более 5 минут — вам надо тренировать внимание и наблюдательность.

